

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА

9/584.6/2/5
к 972
к

Д. КШИБЕКОВ

КОЧЕВОЕ ОБЩЕСТВО:
ГЕНЕЗИС, РАЗВИТИЕ,
УПАДОК

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

АЛМА-АТА-1984

Кшибеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. —
Алма-Ата Наука, 1984, —238 с.

Книга посвящена исследованию природы кочевого общества как определенной формы хозяйства, основанного на скотоводстве; проводится мысль о необходимости рассмотрения истории кочевого общества в тесной связи с историей оседлых народов; рассматриваются причины его возникновения в глубокой древности, развития и упадка в ходе общественного прогресса.

Историко-философским характером анализа проблемы обусловлено привлечение материалов о кочевниках не только из современных, но и из древних и поздних источников, ставших библиографической редкостью, но содержащих сведения, важные для понимания сущности кочевничества.

В работе показывается консервативность кочевого общества, медлительность развития его производительных сил и производственных отношений и влияние их на жизнь и быт кочевников.

Книга рассчитана на специалистов, занимающихся проблемами кочевого общества.

Ответственный редактор

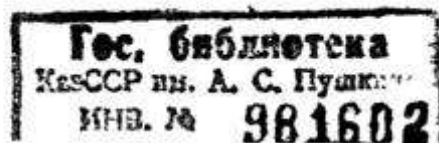
член-корреспондент АН Казахской ССР
А. Е. ЕРЕНОВ

Рецензент

доктор исторических наук
Х. А. АРГЫНБАЕВ

К 0505040000—094
407(05)—84 7.83

©Издательство «Наука» Казахской ССР, 1984.

ОТ РЕДАКТОРА

История кочевничества и кочевых обществ занимает важное место в общем всемирно-историческом процессе. Переход к кочевому скотоводству означал существенный экономический прогресс для племен степей и пустынь. Ф. Энгельс считал появление пастушеских племен результатом крупного общественного разделения труда. Кочевое скотоводство появилось в тех регионах земного шара, где климатические и почвенные условия при низком уровне развития производительных сил не позволяли вести другие формы хозяйства. Это относится к степям Центральной Азии, Западной Сибири, а также к Аравийскому полуострову, к Сахаре и др.

Предлагаемая книга Д. Кшибекова написана в основном по материалам древней истории Казахстана. Расцвет кочевого скотоводческого общества падает здесь на средние века, когда появились крупные государства кочевников, сложились определенный уклад, традиции и обычаи кочевых народов. Однако расцвет кочевого общества VI—XII вв. сменяется затем его упадком в новое время, после нашествия полчищ Чингисхана. В дальнейшем кочевое скотоводство, связанное с экстенсивным ведением хозяйства, стало тормозом на пути общественного прогресса.

Изучение истории номадизма имеет не только познавательно-историческое, но и научно-практическое значение, оно помогает правильно понять процессы, связанные с переходом кочевников на оседлость. Если рас-

сма­тривать эту про­бле­му в историческом плане, то сле­дует ска­зать, что в дан­ной об­ла­сти историками, археологами, этно­гра­фами накоплен и обоб­щен огром­ный фак­ти­че­ский ма­те­ри­ал. Опу­бли­ко­ва­ны кол­лек­тив­ные ра­бо­ты, мо­но­гра­фиче­ские ис­сле­до­ва­ния, по­свя­щен­ные от­дель­ным пе­ри­одам ис­то­рии, ма­те­ри­аль­ной и ду­хов­ной ку­ль­ту­ре ко­чев­ни­ков-ско­то­во­дов. Но це­лост­ное рас­смот­ре­ние ко­че­во­го об­ще­ства до сих пор от­сут­ст­во­ва­ло, хо­тя не­об­хо­ди­мость в та­ком под­хо­де на­зре­ла дав­но, она о­стро о­щу­ща­ет­ся спе­ци­а­ли­ста­ми, ра­бо­та­ю­щи­ми в э­той об­ла­сти.

Не­об­хо­ди­мость ис­сле­до­ва­ния при­ро­ды ко­че­во­го об­ще­ства и не­из­беж­но­сти пе­ре­хо­да его на осед­ло­сть обу­слов­ле­на и тем, что в на­сто­я­щее вре­мя в ря­де рай­о­нов зем­но­го ша­ра со­хра­ни­лось ко­че­вое ско­то­во­д­ство, по су­щес­т­ву, яв­ля­ю­щее­ся историческим анахронизмом. Этим ко­чев­ни­кам-ско­то­во­дам пре­сто­ит не­из­беж­ный пе­ре­ход к осед­ло­му об­ра­зу жи­зни, к ин­тен­сив­ным формам ор­га­ни­за­ции хо­зяй­ства. Со­вет­ский опыт пе­ре­хо­да ко­чев­ни­ков-ско­то­во­дов на осед­ло­сть име­ет для них важ­ное зна­че­ние, осо­бен­но по­то­му, что э­тот пе­ре­ход со­про­во­ж­дал­ся ко­рен­ны­ми со­ци­аль­ны­ми пре­об­ра­зо­ва­ни­ями, по­зво­лив­ши­ми на­ро­дам по­кон­чить в ко­рот­кий срок с ве­ко­вой э­ко­но­ми­че­ской и ку­ль­тур­ной от­ста­ло­стью.

Пред­ла­га­е­мая ра­бо­та Д. Кши­бе­ко­ва по­свя­ще­на про­бле­ме ге­не­зи­са, раз­ви­тия и упа­дка ко­че­во­го об­ще­ства. Ав­тор при­влек для ис­сле­до­ва­ния об­ши­рный фак­ти­че­ский ма­те­ри­ал на­уч­ной ли­те­ра­ту­ры, а так­же из пись­мен­ных, нар­ра­тив­ных ис­точ­ни­ков (во­сточ­ных, гре­че­ских, ла­тин­ских и др.), пе­ре­ве­ден­ных на рус­ский язык и вве­ден­ных в на­уч­ный обо­рот. В мо­но­гра­фии ана­ли­зи­ру­ет­ся ши­ро­кий круг ве­сь­ма ак­ту­аль­ных во­про­сов: вре­мя и при­чи­ны воз­ник­но­ве­ния ко­че­во­го об­ще­ства, вза­им­связь ко­чев­ни­ков с осед­ло-зем­ле­де­ль­че­скими на­ро­да­ми, ди­алек­тика раз­ви­тия ко­че­во­го об­ще­ства, вре­мя и при­чи­ны его рас­це­ве­та, осо­бен­но­сти об­ще­ствен­но-по­ли­ти­че­ско­го стро­я ко­че­вых об­ще­ств, их ма­те­ри­аль­ная и ду­хов­ная ку­ль­ту­ра, не­из­беж­ность пе­ре­хо­да от ко­че­во­го об­ра­за жи­зни к осед­ло­му. Ис­сле­ду­ют­ся так­же мно­го­чис­лен­ные во­про­сы бо­лее част­но­го ха­рак­те­ра, но так­же пред­став­ля­ю­щие серь­ез­ный на­уч­ный ин­те­рес: о рас­се­ле­нии ко­че­вых пле­мен, язы­ко­вой ат­ри­бу­ции ко­чев­ни­

ков-скотоводов, распространении ислама в кочевой степи, о специфических чертах образа жизни кочевников.

Автор сумел, на наш взгляд, объективно показать сложную природу кочевого скотоводческого общества.

Не все положения автора этой книги бесспорны. В ней встречаются отдельные постановочные моменты, спорные суждения. Хронологические рамки работы охватывают большой период — со II—I тыс. до н. э. и до начала XX века, в орбиту исследования вовлечены многочисленные народы и племена, обитавшие на территории большей части Евразии. Это весьма осложняло задачу автора, которому не все вопросы удалось осветить с одинаковой основательностью. Несмотря на это, работа Д. Кшибекова, представляющая собой одну из первых попыток целостного рассмотрения кочевого общества, заслуживает, на наш взгляд, безусловной поддержки. Дальнейшие исследования проблемы, несомненно, помогут углубить наши знания относительно истории и социальной природы кочевого общества, внесут, очевидно, уточнения в концепцию автора настоящей книги.

*А. Е. ЕРЕНОВ,
член-корр. АН Казахской ССР, профессор*

ПРЕДИСЛОВИЕ

История кочевых народов, в том числе кочевников-скотоводов Средней Азии и Казахстана, с древнейших времен до настоящего времени получила освещение в многочисленных источниках. Это, прежде всего, письменные свидетельства путешественников, торговцев, послов, миссионеров, проезжавших в разное время через территорию Восточной Европы, Западной Сибири, Средней и Передней Азии и Монголии. Главная трудность в изучении истории кочевых народов заключается в том, что они не имели своей письменности и не могли оставить письменных памятников.

Немалую научную ценность представляют относящиеся к истории Золотой Орды записи, оставленные арабскими и персидскими учеными-путешественниками, которые собрал и обработал русский исследователь В. Г. Тизенгаузен [258, 259]. Он изучил и опубликовал на русском языке исследования свыше 20 арабских ученых, таких, как Рукнеддин Бейбарс, Ибн Баттута, ал-Омари и др., а также более 10 персидских авторов: Рашид ад-дина, Абд ар-Резака Самарканди и др.

Интересные сведения о кочевниках имеются в выписках из Ибн аль-Асира (Атира) о первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны с 1220 по 1224 г. [272].

Сочинения Ахмеда Ибн-Фадлана, арабского ученого, совершившего путешествие в 921—922 гг. с посольством багдадского халифа к царю волжских булгар, отли-

чаются широтой охвата всего увиденного и осмысленного им на пути следования, яркостью описания характеров, быта и традиций кочевников [145]

О тесных взаимоотношениях кочевых орд кыпчаков (половцев) с Древней Русью до монгольского нашествия на большом фактическом материале говорится в древнерусских летописях, а также в публикациях императорского Русского географического общества [111]. В частности в них сообщается об отдельных ханах, об их походах, но нет сведений о жизни рядовых кочевников.

Ценные сведения об этногенезе тюркских и монгольских племен мы находим в трехтомной «Истории монголов» персидского ученого Рашид ад-Дина, отлично владевшего арабским, тюркским, монгольским и европейскими языками [112].

Из сочинений западноевропейских путешественников следует особо сказать о трудах папских посланцев монахов Плано Карпини и Вильгельма Рубрука, проезжавших один в первой четверти, другой в середине XIII в. через кочевую степь на пути следования из Европы в Каракорум в ставку монгольских ханов [210].

Некоторые сведения об образе жизни и быте кочевников Центральной Азии приводит знаменитый венецианский путешественник Марко Поло [142].

История кочевых племен — печенегов, тюрков и половцев, обитавших в южнорусских степях до нашествия татаро-монголов, обстоятельно исследована в работах Н. Аристова, В. Г. Василевского, П. Голубовского, Д. А. Расовского и других русских ученых, хотя они не изучали социально-классовые проблемы.

История кочевников начиная со времени образования Золотой Орды, ее падения и вплоть до современности на большом фактическом материале, извлеченном из различных источников, исследована русскими и советскими учеными А. Левшиным, И. Г. Георги, П. С. Палласом, Н. И. Рычковым, В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцовым, В. В. Радловым, А. Н. Бернштамом, Б. Г. Гафуровым, А. Ю. Якубовским, И. Я. Златкиным, Г. Е. Марковым, И. П. Петрушевским, А. М. Хазановым, Т. А. Жданко, С. А. Плетневой, Д. Е. Ереминым, Б. В. Андриановым, С. И. Вайнштейном, А. И. Першицем и др. Ряд ценных трудов опубликовали ученые Казахстана А. Х.

Маргулан, С. З. Зиманов, А. Е. Еренов, С. Е. Толыбеков, Х. Аргынбаев и др.

Менее исследованы древний и древнейший периоды развития кочевого общества, хотя и в этой области за последние годы сделано немало. Учеными Ленинграда, Москвы, Киева, республик Средней Азии и Казахстана, осуществлены археологические раскопки древнейших могильников, курганов. Интересные работы опубликованы А. П. Окладниковым, С. П. Толстовым, С. И. Руденко, М. П. Грязновым, А. Грачем, С. С. Черниковым, К. А. Акишевым, М. К. Кадырбаевым и др.

Находки ученых, относящиеся к железному, бронзовому и даже каменному векам: предметы хозяйственного обихода, оружие, предметы украшения (часто из золота, изредка из серебра и меди), тонкое ювелирное искусство их изготовления, а также наскальные изображения (петроглифика) говорят о высоком уровне материальной и духовной культуры древних кочевников, живших на территории современного Казахстана, восточной части Европы, Средней Азии и др.

Эта работа еще продолжается, и можно ожидать новых интересных находок.

Ценным источником изучения древнего кочевого общества являются свидетельства древнегреческих историков Геродота, Страбона, Гиппократы, Полиена и др. В их сочинениях мы находим немало ценных замечаний об образе жизни древних кочевников, о быте и др. Эти сведения тем более важны, что мы не обладаем никакими другими письменными источниками, характеризующими древнейший период развития кочевого общества.

О древних народах Средней Азии, монголах, японцах, гуннах, усунях, юечжи, позднее — тюрках и других много сведений содержится в трехтомном труде русского ученого И. Я. Бичурина (в монашестве отец Иакинф), в котором переведены на русский язык, систематизированы и опубликованы китайские хроники о народах Средней Азии, Монголии, Маньчжурии, Кореи, Японии, живших две тысячи лет тому назад. В этом труде, изданном в 1850 г., приведены свидетельства очевидцев: путешественников, специальных послов китайских правителей в эти районы [61].

Эти документы представляют существенный интерес

для исследователей. Однако эти источники имеют и существенные недостатки. Китайских путешественников и послов мало интересовали образ жизни, быт, традиции, обычаи, культура кочевых племен. Их занимали главным образом географическое положение, границы, численность, характер вооружения, союзы кочевников. В связи с этим многие исторические документы оказываются однотипными, похожими друг на друга, в них искажены многие географические названия.

Поэтому хотя в труде И. Я. Бичурина и отражены события примерно того же периода, что и в сочинениях Геродота (V в. до н. э.), мы не найдем в них названий племен, которые встречаются у древнегреческого историка: скифы, саки, массагеты, савроматы и др. Зато в этих документах встречаются кочевые племена юечжи, кангюй, дун-ху, тьюкшей и т. д. Неизвестно, другие это племена или это другие наименования тех же племен, о которых писали античные авторы. Скорее всего, правильным является последнее предположение, так как племена, описанные древнегреческими и китайскими историками, обитали примерно в одних и тех же географических районах.

Материалы древних исследователей различаются не только содержанием, степенью достоверности, но и стилем изложения, подходом к описанию фактов. Например, сведения Вильгельма Рубрука отличаются от свидетельств Плано Карпини более последовательным изложением фактов, умением автора, выражаясь современным языком, собирать информацию. «Он осведомлялся, где только мог, у жителей о названиях местностей, через которые проезжал, и присматривался повсюду к обычаям и верованиям, наконец, он искал случая беседовать с лицами, раньше его бывшими в тех краях» [210, с. XII].

Сведения персидского ученого Рашид ад-дина также свидетельствуют о стремлении автора к правильному описанию всего того, что он наблюдал и изучал. «Я могу засвидетельствовать, — писал он, — что не пренебрегал никакой предосторожностью, никаким старанием, чтобы узнать истину и не писать ничего ложного и на авось. Я собирал без малейшей перемены все, что заключали самые подлинные памятники каждого народа, самые достоверные предания и сведения, которые были доставлены

мне учеными людьми каждой страны. Я рассмотрел творения историков и генеалогистов. Я определил правописание названия каждого народа и каждого племени. Я расположил свои материалы в систематическом порядке, которому никто до меня не следовал и который должен был сделать мое сочинение более понятным для всех моих читателей» [112, с. VI—VII].

Вместе с тем сочинения арабских, персидских и других авторов, в том числе Рашид ад-дина, Абдулгазы и др., не свободны от воспроизведения различных сведений, имевших мифологический и религиозный характер, которые принимались этими авторами на веру.

Говоря об источниках изучения истории древнего и древнейшего периода развития кочевого общества, нельзя, на наш взгляд, пренебрегать и таким материалом, как дошедшие до нас пословицы, поговорки, сказки, героико-лирический эпос, песни, различные обряды и традиции кочевников, в которых отражаются их повседневная жизнь, быт, уклад хозяйства и духовная культура.

При исследовании истории древних кочевников-скотоводов бросается в глаза наличие массы противоречивых предположений и точек зрения. Одни исследователи считают, что кочевое общество появилось в глубокой древности; другие утверждают, что оно возникло относительно недавно, примерно в VII в. до н. э. Одни исследователи полагают, что общественный строй кочевников-скотоводов относится к раннему феодализму, а другие, наоборот, доказывают, что кочевое общество с самого своего возникновения было обществом классовым, феодальным. Остается неясным, для какого периода развития кочевого общества характерен строй военной демократии. В значительной степени это объясняется недостаточной изученностью кочевого общества. Отсутствие достаточного фактического материала, естественно, порождало различные гипотезы. Но сейчас положение заметно изменилось. Накоплено большое количество археологических, этнографических, языковых, литературных сведений, позволяющих полнее представить материальную и духовную жизнь древних кочевников.

Выявляя специфику кочевого общества, нельзя абсолютизировать ее, сводить ее к особому «духу кочевья». Такие представления в той или иной форме еще существу-

ют. «Дух кочевья» — это пережиток гегелевского подхода к пониманию исторического процесса. Показать, что жизнь кочевников проходила в суровой борьбе с природой, в результате чего ими был накоплен ценный опыт использования ее богатств, совершенствования трудовых навыков и т. д., оценить этот этап как важный исторический момент на пути к социальному прогрессу — такова задача, которую поставил перед собой автор данной работы.

Нельзя приукрашивать кочевой быт, но в той же мере не следует рассматривать его как негативное явление. «Ведь социальное творчество, движение в будущее закономерно предполагает сохранение, обобщение всего ценного, что накоплено в прошлом» [25].

Кроме того, знание прошлого кочевого быта, его особенностей и трудностей необходимо и для осмысления всех благ и преимуществ настоящего и обозримого будущего социалистического общества.

Кочевничество — определенная ступень развития материального производства. В основе кочевничества лежат охота или скотоводство как древнейшие формы хозяйства. Под понятием «кочевники» (номады) подразумевают людей, занимающихся нестойловым, передвижным скотоводством и ведущим экстенсивное хозяйство. Следовательно, кочевничество отличается от всех других родов хозяйственной деятельности в первую очередь своей подвижностью. А. М. Хазанов дает следующую характеристику некоторых существенных черт этой формы хозяйствования: «1) скотоводство как преобладающий род хозяйственной деятельности. 2) экстенсивный характер хозяйства, связанный с круглогодичным нестойловым содержанием скота на подножном корму. 3) периодическая сезонная подвижность в пределах определенной пастбищной территории, 4) участие в перекочевках большей части населения (в отличие от отгонно-пастбищного скотоводства), 5) преобладание натуральных форм хозяйства (в отличие от современного капиталистического ранчо)» [277, с 6]. Таким образом, кочевники — это не просто какая-то масса людей, бесцельно перемещающихся по степи, это не какая-то бродячая толпа или разрушительная сила, как часто изображали их в дореволюционной литературе (и, к сожалению,

нию, этот взгляд до сих пор окончательно не преодолен), а это определенная часть населения, занимающаяся скотоводством, форма хозяйствования и образ жизни которого во многом детерминированы специфическими природными условиями.

Говоря о кочевом скотоводстве как оптимальной форме организации хозяйства, соответствующей окружающим суровым естественно-географическим условиям, директор музея этнографии в Лейпциге (ГДР) доктор В. Кениг пишет: «Накопленный опыт оптимального приспособления к природным условиям явился предпосылкой наиболее рациональных форм использования пастбищ и, следовательно, основой для сохранения и повышения продуктивности поголовья скота» [311, S. 457].

На протяжении своей длительной эволюции кочевничество пережило различные этапы. Ученые [207, с. 62—63] выделяют три этапа кочевничества: а) таборная, или круглогодичная, форма кочевничества — самая ранняя, древняя. В степях Восточной Европы и Западной Сибири этот этап прошли гуннские и другие племена, жившие задолго до них. Для таборной формы кочевничества характерно постоянное передвижение и наличие условий для этого; б) кочевание посезонное, скажем, с ранней весны до глубокой осени и зимой с временной остановкой на зимовках. Такая форма возникла в тот период, когда определились уже районы постоянного кочевания; в) самая последняя форма: кочуют только богатые, а бедные остаются круглый год на зимовках, занимаясь земледелием или ремеслом.

Кочевое общество — особый социальный организм. Изучение его важно для дальнейшего развития теории общественно-экономических формаций. Исследование этой проблемы может также способствовать обогащению представлений о взаимодействии природы и общества, закономерностях развития культуры и др.

Историческая наука накопила уже солидный фактический материал о возникновении, развитии и упадке кочевых обществ. На этой основе возникает возможность выявить некоторые ведущие тенденции и закономерности в истории кочевников, рассмотреть кочевое общество как явление на фоне всемирной истории.

В работе показано, что кочевое общество, возникшее еще в бронзовом веке, т. е. почти четыре тысячи лет тому назад, прошло длительный и сложный путь развития, пережив свой апогей, а затем упадок. Исследуются социально-экономические предпосылки возникновения кочевого общества, естественно-географические условия его существования, общественно-политический строй, культура кочевников

Здесь, как и в любом исследовании, важно применение методов исторического и логического Ф. Энгельс писал: «История часто идет скачками и зигзагами, и если бы обязательно было следовать за ней повсюду, то пришлось бы не только поднять много материала незначительной важности, но и часто прерывать ход мыслей. Таким образом, единственно подходящим был логический метод исследования. Но этот метод в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме, отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 497).

Автор считает необходимым отметить, что, подобно тому, как для исследования К. Марксом проявлений капиталистического способа производства классической страной послужила Англия, так и классическими регионами, как нам кажется, для исследования кочевого общества являются Западная Сибирь, Центральная и Средняя Азия. Это объясняется географическим положением этих районов, выгодным для кочевого скотоводства их связью с оседлыми районами и той посреднической ролью, которую они выполняли в торговле между Западом и Востоком, между Югом и Севером и т. д. Поэтому в работе основной упор делается на эти районы. Тем более что нет чистого кочевничества [46, с. 5]. Оно так или иначе было связано с оседлыми народами.

Все то, что имели кочевники, — результат заимствования ими культуры оседлых людей, в свою очередь, то,

что было достигнуто кочевниками, становилось достоянием оседлых людей. Народы тем больше выигрывали, чем больше было у них заимствований, связей, контактов.

Признавая важность и необходимость работ исследователей истории кочевничества, изучающих отдельные его народы, скажем, гуннов, скифов, половцев и т. д., хотим подчеркнуть актуальность целостного подхода к истории кочевничества, рассмотрения его вообще, без относительной конкретизации, ибо такой подход в принципе возможен, поскольку между кочевниками Центральной Азии, Западной Сибири и Восточной Европы есть нечто общее. Это выражается в образе жизни, хозяйственном укладе, традициях, обычаях кочевников.

Необходимость изучения места и роли кочевничества во всемирно-историческом процессе вызвана не только тем, что в исторической науке имеются пробелы в этом отношении, но и тем, что в течение длительного времени у отдельных ученых еще бытует неправильное, искаженное мнение о подлинной роли кочевых народов в общественном прогрессе.

Говоря о необходимости исследования кочевничества, мы исходим из важного замечания Ф. Энгельса, имеющего, на наш взгляд, методологическое значение. «Седая древность, — писал он, — при всех обстоятельствах останется для всех будущих поколений необычайно интересной эпохой, потому что она образует основу всего позднейшего, более высокого развития..» [16, с. 118].

При изучении истории кочевого, как и любого другого общества, автор исходил из научной диалектико-материалистической методологии, которая помогает за каждым явлением видеть определенную тенденцию его развития, место его в системе других явлений, сопоставлять, анализировать, видеть его прошлое, правильно оценивать настоящее и прогнозировать будущее. «.. Подойти к... вопросу с точки зрения научной, — писал В. И. Ленин, — это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [23, с. 67].

В настоящей работе кочевое общество рассматривается не в региональном или чисто хронологическом разрезе, как это делается в исторических науках, а как целостность, как сложная социальная система, включающая в себя находящиеся во взаимодействии экономическую, социальную, политическую и духовную сферы. Кочевое общество мы пытаемся анализировать как феномен всемирной истории.

Поскольку данная социологическая работа написана на стыке исторической, археологической, этнографической и других наук, специалистам каждой из этих областей знания при знакомстве с ней может показаться, что данные той науки, которую они представляют, использованы слабо или что речь идет иногда о вещах достаточно известных. Но в рамках стоящей перед нами цели мы должны были опираться на данные указанных наук лишь в той мере, в какой это диктовалось задачей комплексного синтетического исследования кочевого общества, которую мы пытались решить в настоящей книге.

Было бы неправильно требовать от одного автора энциклопедического отражения всей жизни кочевого общества. Это может быть сделано совокупными усилиями научных коллективов и отдельных исследователей. Но в чем явственно чувствуется сейчас необходимость — это в создании сводного, обобщающего труда (и не единственного, конечно) по данной проблеме. Эту мысль высказывают многие исследователи кочевого общества. Так, в статье, посвященной закономерностям развития феодальных отношений у кочевых народов, И. Я. Златкин пишет «На современном уровне развития востоковедения становится возможным переход от локальных исследований истории отдельных этнических и политических общностей Евразии к созданию обобщающего труда по их истории в целом, в ее единстве и многообразии, с целью выявить основные закономерности их социально-этнического и культурного развития от эпохи первого крупного общественного разделения труда до победы социализма, а также место и роль этих народов во всемирной истории» [118, с. 255].

Если принятая нами в этом направлении попытка в какой-то мере сможет восполнить имеющийся пробел и привлечет к указанной проблеме внимание ученых-обществоведов, автор сочтет свою задачу выполненной.

Глава I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА

Кочевое общество как явление

Марксистская философия истории вообще, кочевого общества в частности, основана на выявлении общих и специфических закономерностей общественного прогресса, диалектики развития производительных сил и производственных отношений, базиса и надстройки общества. На этой основе было установлено наличие пяти общественно-экономических формаций, закономерно сменявших друг друга. Но признание этой железной необходимости последовательной смены формаций не означает отрицания своеобразия развития отдельных стран.

Исторический опыт говорит о том, что отдельные народы могут миновать ту или иную формацию. Например, древние монголы, предки казахов, славяне перешли от первобытнообщинного строя к феодализму, минуя рабство. Одним из таких своеобразий в развитии человеческого общества является кочевое скотоводческое хозяйство. Его развитие специфично по сравнению с оседлым хозяйством. В условиях кочевой жизни медленно развиваются производительные силы. Поэтому общественный строй, надстройка при кочевом обществе являются более консервативными, чем у оседлых, земледельческих людей. Тем не менее кочевое скотоводческое хозяйство нельзя рассматривать изолированно, вне связи с оседлым земледельческим хозяйством. Население, занимающееся кочевым скотоводческим хозяйством, находилось в тесном контакте с оседлыми людьми, между ними

существовали экономические, культурные связи, торговля.

Любые общественные явления следует изучать в их исторической взаимосвязи, устанавливая общие закономерности и только на этой основе выявляя специфику. Такой подход является единственно верным с точки зрения марксистской философии истории

Буржуазная философия истории на заре своего развития также исходила из стремления выявить общие универсальные принципы общественного развития. В XVIII, XIX веках на таких позициях объяснения истории стояли Монтескье, Вольтер, Кондорсе, Гегель. Конечно, каждый из них имел свой особый принцип истолкования общественных явлений, свою концепцию развития, но, несмотря на все это, их объединяло нечто большее — стремление к объективному истолкованию действительности. Конечно, ни Монтескье, ни другие, будучи идеалистами, не могли дать истинно научного объяснения картины мира из-за порочности их методологии, но их попытки целостного подхода к миру, к выявлению причин общественного прогресса позволяют говорить об их определенном вкладе в развитие буржуазной науки.

Но современная буржуазная философия истории давно утратила рациональные, прогрессивные черты прошлого. Она отказалась от идеи прогресса, от обобщения действительных исторических процессов, изучения общих моментов. Современная буржуазная философия истории не признает наличия каких-либо общих закономерностей общественного развития, влияния уровня развития производительных сил, техники на развитие общественных отношений, духовную жизнь людей, на развитие общества. Буржуазная философия истории основана на преувеличении, абсолютизации тех или иных сторон действительности. С точки зрения этой философии истории все индивидуально, неповторимо, изолированно, случайно. Такой подход искажает подлинную картину общественного развития, его тенденции, движущие силы, перспективы. Например, автор книги «История Европы» А. Фишер пишет: «Я могу видеть лишь один непредвиденный случай, сменяющий другой, как волна набегающая на волну. Я могу видеть лишь один великий факт, относительно которого, поскольку он уникален, не может

быть никаких обобщений. Существует лишь одно безошибочное правило для историка: он должен признать в развитии человеческих судеб лишь игру случайных и непредвидимых сил» [310, р. V].

В своей основе эта теория не нова. По мнению Ф. Ницше, социальная действительность, реальная жизнь есть лишенное материального содержания становление, которое представляет собой последовательность развивающихся в бесконечную цепь ничего не значащих и ни к чему не приводящих комбинаций, «воли к власти», бессмысленную игру сил, и мир не имеет ни смысла, ни цели. Эту предопределенность всего сущего он выразил формулой «вечного возвращения».

Методологическая позиция буржуазной философии истории — иррационализм, отказ от признания закономерностей развития общества, рационального его познания. Согласно их точке зрения, мир — это хаос, при котором ничего ни предвидеть, ни предсказать невозможно, люди должны жить, как слепые, и действовать, как в тумане.

«Мне кажется, — пишет Р. Арон, — напрасным делом пытаться предвидеть будущее... Будущее экономических и политических режимов зависит от такого большого количества факторов, что невозможно знать тип режима, который утвердится в будущем» [307, р. 369]. Философия истории английского историка А. Тойнби, автора книги «Исследование истории», тоже исходит из отрицания единства исторического процесса. Согласно этой концепции, каждая страна — это особая цивилизация, которая возникает, развивается и достигает своего высшего уровня, затем идет по наклонной плоскости и гибнет, не имея никакой связи, никакого обмена опытом, культурой с другими странами. Таким образом, отрицание общей закономерности развития всемирной истории, рассмотрение каждого общества как изолированного, самодовлеющего явления, вне связи с другими — это основная цель его теории.

В нашем исследовании будет предпринята попытка показать не только связь между кочевыми и оседлыми формами хозяйства и взаимовлияние их экономики, культуры, но и рассмотреть, как сама кочевая форма скотоводческого хозяйства возникла исторически, как

она развивалась и как, достигнув своего апогея, пришла в упадок, какие общие закономерности действовали при этом, независимо от того, в каком экономическом регионе она возникла.

В научной литературе иной раз встречается односторонний, негативный подход к оценке природы и сущности кочевого скотоводческого общества. Отдельные исследователи связывают его деятельность лишь с разрушением, нашествием, а самих кочевников часто называют просто варварами [153, с. 85]. Особенно это характерно для исследователей прошлого, но остатки этого взгляда не преодолены и по сей день. П. Голубовский, например, писал о половцах: «Стремление обратить все в широкую пустыню, в которой вольно и свободно дышалось степному наезднику, — проявляется везде. Так, с переправой половцев за Дунай, вслед за татарским погромом, Македония в короткое время окончательно лишена была жителей и стала пустой страной. Вполне справедливо Никита Акоминат называет половцев крылатой стаей, налетевшей на землю и опустошающей ее чище саранчи. Года не проходило, чтобы какая-нибудь местность Руси не была обращена в пустыню» [83, с. 82]. Конечно, все это имело место. «Если б кочевники могли, они весь мир обратили бы в пастбище», — писал В. И. Масальский (175, с. 351). Но можно ли отсюда утверждать, что это происходило из какой-то агрессивной природы кочевников?

Что касается термина «варвар», то и он требует своего уточнения, если речь идет о кочевниках вообще. Ведь известно же, что этим термином древние греки, римляне называли чужеземцев, говоривших на непонятном языке и имевших чуждую им культуру [63, т. 4, с. 298]. Как полагают исследователи, и древнегреческий термин «скиф», и древнеперсидский «сак» являлись для авторов, живших в условиях древневосточной оседло-земледельческой культуры, синонимами человека другого мира, связанного с другим, чем у них, хозяйственным и общественно-политическим укладом. Это был для них иной мир, не греческий и не персидский, и потому названия своих соседних племен они часто переносили на другие, более отдаленные и мало

знакомые племена, если они, по сведениям очевидцев, чем-то напоминали их соседей [97, с. 403].

Варвары — это иноземцы. Такими были кочевники. Сегодня это слово имеет иной смысл. Под ним стали понимать людей с низкой культурой. Особенно несправедливо, когда именно в этом смысле понимают кочевников-скотоводов. Дж. Неру указывал на ошибочность мнения о том, что поскольку монголы были кочевниками, они должны были быть варварами. «Но это ошибочное представление. Они не знали, конечно, многих городских ремесел, но у них был развитый собственный уклад жизни и они обладали сложной организацией. Если монголы одерживали великие победы на полях сражений, то не благодаря своей численности, а благодаря своей дисциплине и организации» [93, с. 314].

Между тем ошибки подобного рода все еще имеют хождение в научной литературе. Даже в одной книге встречаются разные точки зрения на этот счет. Например, во «Введении» к книге «Степи Евразии в эпоху Средневековья» С. А. Плетнева пишет: «Кочевники не успевали осесть, создать культуру, государство. Непредвиденные обстоятельства меняли историческую обстановку, прежние обитатели исчезали, уходили или растворялись в новых этнических и политических образованиях, которые так же далеко не всегда завершали сложный и длительный путь «от кочевий к городам» [46, с. 60].

Но вот автор десятой главы этой же книги Г. А. Федоров-Давыдов пишет, что «не дикими варварами-кочевниками были вонны Чингисхана... Организованное государство, жестокое своей дисциплиной и поставленными перед ним целями, — вот в чем была сила монгольского движения, перед которым все отступало» [46, с. 203].

Знаменитый Анахарсис, признанный одним из семи мудрецов мира, как об этом писал древнегреческий путешественник, автор многотомной «Географии» Страбон (68—23 г. до н. э.), за необыкновенной разум и выдержанность, был родом из скифов, населявших богатую пшеницей Асию (Азию.— Д. К.), т. е. выходцем «из земли номадов, справедливых людей» [69, 1947, № 4, с. 197],

прибыл в страну греков с целью изучения их обычаев и традиций, а также для ознакомления их со своими соплеменниками. Из рассказов, оставленных о нем греческими учеными, видно, что этот скиф с достоинством разъяснял афинянам мирный характер своих соплеменников. Эти удивительно интересные и ценные сведения, встречающиеся в трудах Геродота, Страбона и др., почему-то остались без особого внимания. Уж слишком непривлекателен и страшен был образ кочевника в представлении оседлых людей. Ни один автор в прошлом, да и не только в прошлом, даже не пытался анализировать ни экономическую, ни хозяйственную основу так называемой воинственности кочевников. А ведь из высказываний Анахарсиса вовсе не вытекает вывод об агрессивной природе кочевников-скотоводов. В частности, не о разбойничьей природе кочевников говорится в письме № 9 Анахарсиса под названием «Крезу»: «...Выслушай рассказ о том, чему я сам был очевидцем. Большая река протекает по скифской земле, именно та, которую называют Истром. На ней однажды купцы посадили свою барку на мель и, не успев ничем помочь горю, с плачем удалились. Разбойники, заметив их несчастье, подъехали на пустой лодке, немедленно набросились на груз, перенесли с барки все движимое и незаметно для себя перенесли их несчастье: барка, освобожденная от груза, поднялась и получила способность плавать, а разбойничья лодка, поднявшая ее груз, скоро пошла ко дну вследствие похищения чужого имущества. Это всегда может случиться с богатым. Скифы же стали вне всего этого: мы все владеем всей землей; то, что она дает добровольно, мы берем, а что скрывает, оставляем; защищая стада от диких зверей, мы берем взамен молоко и сыр; оружие имеем мы не против других, а для собственной защиты в случае надобности; но доселе это не понадобилось: ибо мы являемся для наступающих и борцами за победу (т. е. с нас нечего взять победителям, кроме нас самих)» [69, 1947, № 4, с. 172—173.

Эту же мысль изложил Анахарсис в письме «К Медуку». Он пишет: «Зависть и страх суть великие доказательства низкой души: за завистью следует печаль от благополучия друзей и сограждан, а за страхом — надежды на пустые слова. Скифы не одобряют таких лю-

дей, но радуются чужому благополучию и стремятся к тому, чего им возможно достигнуть, а ненависть, зависть и всякие пагубные страсти они постоянно всеми силами изгоняют, как врагов» [69, 1947, № 4, с. 172].

Обращаясь к царскому сыну, Анахарсис сказал: «У тебя флейты и кошельки, а у меня — стрелы и лук. Поэтому естественно что ты — раб, а я свободен, и у тебя много врагов, а у меня — ни одного... Если же ты хочешь, отбросив серебро, носить лук и колчан и жить со скифами, то и у тебя будет то же самое» [69, 1947, № 4, с. 172].

Акад. В. В. Бартольд, подчеркивая своеобразное положение людей кочевого скотоводческого общества, писал: «В степи существует различие между богатыми и бедными и вытекающий отсюда антагонизм сословий, существует потребность защищать свое имущество, главным образом свои стада, от внешних врагов, происходит вооруженная борьба за пастбища, захватывающая иногда обширный район, происходят кризисы, заставляющие народ организовать свои силы и объединяться вокруг одного лица или одного рода. Вместо обычных условий жизни кочевников, при которых можно говорить только об общественном, но не о государственном строе, в короткое время возникает не только сильная государственная власть, но и представление о великодержавном могуществе, при благоприятных условиях переходящее в представление о мировом владычестве. Для успеха такой идеи необходимо, чтобы ее представитель располагал грозной, тщательно организованной силой. Будничные условия жизни кочевников мало благоприятны для таких стремлений; для скольконибудь прочного существования кочевой империи необходимо, чтобы ее глава или путем набегов, или путем завоеваний доставлял своим подданным богатства культурных стран» [49, с. 27—28].

Таким образом, кочевники становились грозной, завоевательной силой лишь в определенных условиях.

Еще в «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс выделили особую группу завоеваний, связанных с разрушением. «До сих пор, — писали они, — насилие, война, грабеж, разбой и т. д. объявлялись движущей силой

истории Мы можем здесь остановиться лишь на главных моментах и выбираем поэтому наиболее разительный пример — разрушение старой цивилизации варварским народом и образованием заново, вслед за этим, иной структуры общества (Рим и варвары, феодализм и Галлия, Восточно-римская империя и турки) У варварского народа-завоевателя сама война является еще, как уже было выше указано, регулярной формой сношений, которая используется все шире, по мере того как прирост населения, при традиционном и единственно для него возможном примитивном способе производства, создает потребность в новых средствах производства» [1, с 21]

К Маркс и Ф Энгельс, подвергая критике сторонников так называемой «теории насилия», отмечают, что война, грабеж выступают у некоторых народов формой отношений, вызванных определенными экономическими и демографическими факторами Это было вызвано, на наш взгляд, следующими обстоятельствами Во первых, поскольку кочевники постоянно передвигаются, следуя всей ордой за своим скотом, они неизбежно сталкиваются с чужими странами, с другими народами, оказываются на их территории и наносят, таким образом, ущерб оседлому населению Скот, если он движется в составе огромного стада, уничтожает растительный покров, подвергает потраве пашни, зарывает берега рек, заболачивает дуга Это обстоятельство вызывало отпор со стороны оседлого населения, которое не только защищалось, но и зачастую само нападало на кочевников, угоняло их скот, брало в плен их жен и детей Так было на Западе, так было и на Востоке, т е везде, куда передвигались со своими стадами кочевники-скотоводы

Элизе Реклю писал о кочевниках, что они «воздействовали двояким образом на изменение природы страны, ее почвы и климата, — прежде всего на нее повлияли их жестокие опустошения, уничтожение садов, рощ и лесов, затем — уничтожение земледелия и замена его скотоводством Кочевники засыпали каналы, или, по крайней мере, давали илу их занести, вместо того, чтобы регулировать течение рек, они тем, что поили свои стада по берегам, содействовали образованию бо-

лот на берегах и неправильному течению вод» [233, с. 381—382].

В документах сыгнакского хана Абдуллы говорится о жалобе Шейха Кемаль ад-дина на то, что «казахи наносили ущерб принадлежавшим ему арыкам» [53, с. 202].

Указанные явления вытекали из характера и сущности самого кочевого скотоводческого общества, из специфики его способа производства, а отнюдь не из агрессивной и жестокой природы кочевников-скотоводов.

Между тем некоторые авторы, может, и не желая этого, изображают дело таким образом, что кочевники якобы всегда представляли военную угрозу для своих соседей, т. е. мобильную природу кочевого скотоводства переносят в адрес самих кочевников, рассматривая последних как неугомонную, агрессивную силу. Так, В. В. Каргалов в своей книге «На степной границе», описывая оборону «Крымской Украины» в первой половине XVI столетия, утверждает, что кочевники представляли постоянную угрозу русским, и, таким образом, видит в них лишь завоевателей. Автор даже объясняет это объективными факторами развития кочевого общества. Но в действительности природа кочевого общества не должна порождать и не порождает с необходимостью завоевательные походы, хотя столкновения из-за пастбищ могут возникать постоянно. Конечно, производительные силы в условиях кочевого скотоводства можно было развивать естественным способом, в частности выведением продуктивных пород скота (кочевники-скотоводы этим занимались), обводнением лугов и пастбищ (это было почти недоступно кочевникам-скотоводам), усовершенствованием орудий труда, наконец, расширением пастбищ. Именно на почве последнего происходили столкновения интересов кочевников и оседлых людей. Они исходили из экономических интересов содержания скотоводческого хозяйства, а следовательно, и сохранения своей жизни. Отсюда и массовая миграция кочевников, дальние переходы всем населением, ордой и т. д., которые происходили не гладко. К. Маркс имел в виду именно это, когда писал, что и «способ грабежа опять-таки определяется способом производства». Но крымские ханы искали путь для раз-

вития производительных сил, обогащения другим способом, а именно путем завоевательных походов. В этом отношении они повторили опыт кочевых военных союзов. Поэтому В. В. Каргалов пишет: «Выход из хозяйственных затруднений крымские феодалы искали не в развитии производительных сил страны, хотя природные условия Крыма были для этого очень благоприятными, а в набегах на соседние страны, в вымогании у них принудительных платежей — «даров» и «поминок». Грабительские походы были постоянным фактором в экономике Крыма» [138, с. 8]. Но это уже не вытекало из природы кочевого скотоводства. То, что творили крымские феодалы, было не обязательным для всех кочевников. В. В. Каргалов должен был отличить это, т. е. особенное от общего, но, к сожалению, он этого не сделал.

Кочевничество — своеобразный тип хозяйствования, и как всякое хозяйство, оно не предназначено для ведения войны. Природе кочевого скотоводческого хозяйства, интересам развития его производительных сил, куда входит как элемент и сам скот, противоестественны войны и разрушения. Производительные силы, созидание и война — несовместимые понятия. Кочевники-скотоводы строили свое благополучие на содержании и размножении скота. Даже кочевание для содержания скота должно рассматриваться как способ развития производительных сил кочевого скотоводческого общества. Скот — единственная опора их жизни. Наличие скота, его количество и качество были критерием деления кочевников на богатых и бедных.

Поэтому нельзя согласиться с утверждением С. А. Плетневой, что «кочевание было распространено, как правило, на той стадии исторического развития, когда та или иная группа кочевников вступала на путь завоевания и освоения новых земель» [207, с. 62]. Она даже указывает, что, дескать, кочевники в военные походы отправляются осенью после откорма стад, окота овец и весенних паводков [208, с. 39].

Выходит так, что кочевники только и ждали удобного момента, чтобы напасть на соседей или отправиться в целях наживы в грабительские походы. Между тем миграции кочевников происходили на чисто экономической, хозяйственной основе. Это во-первых. Во-вторых, в завое-

вательные походы отправлялись не кочевники вообще, а военные союзы. Приходится сожалеть, что некоторые исследователи рассматривают кочевников абстрактно. «Ведя подвижный образ жизни и обладая конным войском, — пишет М. П. Грязнов, — они (кочевники. — Д. К.) получили значительные военные преимущества по сравнению с оседлыми племенами и сделали войну как бы постоянным своим промыслом» [44, с. 3].

В другой статье — «Исчезнувшие народы. Половцы» — С. А. Плетнева пытается доказать, что «нехватка пастбищ при разрастании стад, а также желание пожить за счет богатых земледельцев побуждали кочевников не только вести с соседями грабительские опустошительные войны, но и отправляться в далекие, тысячекилометровые походы для завоевания новых стран и земель [223, 1977, № 2, с. 47]. В книге «Кочевники средневековья» С. А. Плетнева, уточняя свою мысль, пишет: «К нашествию вынуждали иногда климатические изменения и «демографические взрывы» [208, с. 135].

Правильна мысль автора о том, что кочевое скотоводство возникло из-за нехватки пастбищ, климатические условия, демографические факторы лишь дополнение к этому, но дальнейшее суждение ее неверно, когда она пишет, что кочевники имели цель пожить за счет других народов. Совершенно несостоятельна попытка автора доказать отсутствие классовой дифференциации у кочевников-скотоводов, вернее, ее утверждение о том, что в результате войн одинаково обогащались все члены кочевого общества, потому что само кочевое скотоводство — результат крупного общественного разделения труда. Это же имел в виду Ф. Энгельс, когда писал: «Ясно, что институт частной собственности должен уже существовать, прежде чем грабитель может присвоить себе чужое добро» [16, с. 166]. С. А. Плетнева пишет: «В периоды, когда кочевники ведут войны и обогащаются за счет соседей, среди них, по существу, нет бедняков, не имевших средств к кочеванию. Даже рядовые войны получают достаточное количество добычи, чтобы поддерживать достойное вольного степняка существование» [206, с. 51].

Это утверждение противоречит истине, объективным данным, социально-классовой природе кочевого скотовод-

ческого общества. Сказать, что в кочевом скотоводческом обществе все члены его жили в равных условиях, что не было среди них бедняков, неверно, это утверждение идет даже в разрез с высказываниями древних и средневековых исследователей. Далее, является ошибочным утверждение, что кочевое общество основано на агрессии, захвате, грабеже. Кочевничество возникло на хозяйственной основе, оно таковым, и осталось. Поэтому нельзя согласиться со следующим заявлением С. А. Плетневой: «Придя на вновь захваченные земли, кочевники разоряли, грабили, захватывали в плен» [46, с. 5].

Получается, что кочевничество возникло как сила агрессивная.

С. А. Плетнева в статье «Исчезнувшие народы. Печенеги» пишет: «Постоянные войны, участие в грабительских походах — наиболее типичная черта этого общественного строя. Именно поэтому печенегов так легко можно было поднять в любой поход против любой страны, грабеж которой принес бы им выгоду. Чаще всего их использовали византийцы» [223, 1983, № 7, с. 30].

Таким образом, С. А. Плетнева стоит на прежних своих позициях. Она рассматривает кочевников односторонне. Между тем еще византийский историк и император Константин Багрянородный писал о них более сдержанно. «Печенеги же, — писал он, — бежав оттуда, стали бродить по разным странам, нащупывая себе место для поселения» [223, 1983, № 7, с. 27].

Действительно, именно печенеги искали место для себя, для содержания скота. Здесь нет и тени мысли об агрессивной природе кочевников-скотоводов.

«Война была для скифов, — пишет доктор исторических наук Д. В. Шелов, — как и для многих других кочевых племен, находившихся на той же ступени социального развития, постоянным и обязательным делом, источником значительных экономических выгод — она велась за захват пастбищ, скота, ценностей, пленников, продаваемых в рабство. С этим связаны многие обычаи скифов: они пили кровь убитого ими врага, делали чаши из черепов злейших противников, украшали сбрую коня скальпами побежденных. Скифский воин чествовался в зависимости от числа убитых им врагов» [295, с. 35].

Все то, что пишет Д. В. Шелов, разумеется, имело

место в скифское время. Об этом писали еще Геродот и другие древнегреческие авторы. Но сказать, что война была чуть ли не ремеслом, образом жизни, источником наживы всех кочевников-скотоводов, является неверным. Между тем такую ошибочную точку зрения разделяет и С. А. Плетнева. Больше того, она противопоставляет кочевников оседлым людям, заявляя, что «если кочевники стремились к миру только в тех ситуациях, в которых они явно уступали в силе своим соседям, то земледельцы были заинтересованы в нем всегда» [208, с. 149].

Известно, что у кочевников-скотоводов войны велись из-за интересов господствующих классов и что рядовые воины ценой своей жизни и лишений обогащали своих повелителей. Война приносила кочевникам-скотоводам зло, несчастье, разорение. Что касается столкновения кочевников-скотоводов с оседлым населением, то это вызывалось многими причинами. Во-первых, кочевники могут передвигаться со своим скотом без всяких препятствий лишь при наличии обширных, никем ни занятых степей и пастбищ. А поскольку неосвоенных территорий со временем становится все меньше и в то же время количество скота, содержащегося на подножном корму, растет, то и вероятность конфликтов кочевников с оседлыми земледельцами тоже увеличивается. Такие столкновения интересов могут возникать не только между кочевым и оседлым населением, но и между самими кочевниками из-за пастбищ, зимовок и т. д. Чтобы этого не случилось, кочевники стремятся регулировать спорные вопросы, заблаговременно уточнять границы своих кочевий и строго их придерживаться. Необходимость этого была продиктована самой жизнью. И лишь военные союзы кочевых племен, основным занятием которых являлись набеги, насилие и грабеж, не придерживались таких правил.

Во-вторых, при традиционном, т. е. экстенсивном и кочевом, скотоводческом хозяйстве набеги становятся иногда средством удовлетворения жизненных потребностей кочевников. Бывает так, что в результате засухи и связанного с этим падежа скота кочевники оказываются лишенными всяких средств к существованию. Чтобы сохранить свою жизнь, они начинают мигрировать, даже нападать на соседние оседлые народы с целью захвата произведенных ими благ.

Но грабительские набеги объяснялись главным образом классовым моментом. Они предпринимались крупными ханами в целях наживы, обогащения. Зачастую это определялось тем, что, имея много жен и детей, богачи стремились наделить всех членов своего потомства скотом или новым районом обитания, и добывали то и другое, нападая на соседние кочевые племена и оседлое население.

В то же время история знает крупные военные объединения кочевников, которые имели в виду К. Маркс и Ф. Энгельс, когда писали о «варварском народе-завоевателе» [1, с. 21]. К ним относится гуннский союз (IV в. до н. э. — III в. н. э.), под ударами которых в конце II в. начался распад ханьской империи, в начале II в. пала Парфия, в IV в. — Римская империя, в конце V в. распалось Кушанское царство, союз монгольских племен (XIII в.) и т. д. Гунны и монголы разрушали и сжигали города, уничтожали посевы, устраивали массовую резню, угоняли в плен тысячи людей. Так, по свидетельству современника событий, греческого историка Аммиана Марцелина, гунны — «подвижный и неукротимый народ». По его словам, они отличались коренастым телосложением, «чудовищным и страшным видом». «Невиданный дотоле род людей, — писал он, — поднявшись как снег (*niivium*) из укромного угла, потрясает и уничтожает все, что попадает навстречу, подобно вихрю, несущемуся с высоких гор» [35, с. 306].

Арабский историк Ибн-аль-Асир (Атир) (1160—1233), бывший очевидцем жестокостей монгольских завоевателей, следующим образом описывает их зверства: «Эти же (татары) ни над кем не сжалились, а избивали женщин, мужчин, младенцев, распарывали утробы беременных и умерщвляли зародыши... Они (татары) остаются в городе лишь до тех пор, пока не разрушат всего, мимо чего пройдут, да не спялят и не ограбят его; что им не выгодно, то они сжигают. Собрав (например) шелку (целую) гору, они поджигают его; (они уничтожали) и другие вещи» [259, с. 2—3, 17].

И так было везде, где проходили полчища Чингисхана. Монгольские военачальники вывозили награбленные ценности, становились наместниками в завоеванных

ими районах. В результате террора, насаждавшегося ими, воля оседлого населения была настолько подавлена, что о каком-то сопротивлении захватчикам никто и не помышлял [272, с. 653].

В 1237—1240 гг. татаро-монгольские полчища вторглись на территорию русских княжеств и подвергли разгрому Муромо-Рязанские, Владимиро-Суздальские (особенно в Окско-Волжском муждуречье), Смоленские, Черниговские, Переяславльские, Киевские, Галицко-Волынские земли, что повлекло резкое уменьшение численности их населения, упадок производительных сил [98, с. 77].

Один из таких разорительных походов, совершенных татаро-монголами осенью 1237 г. на Русь, описал персидский историк Рашид ад-дин. Он пишет, что «сыновья Джучи — Бату, Орда и Берке, сын Угедей-Каана — Кадак, внук Чагатая — Буры и сын Чингисхана — Кулькен» совершили завоевательный поход на Русь, осаждали, а затем, после жестоких схваток, повлекших много жертв и причинивших разрушения, овладели городами, Арпан (по Березину и др., возможно, Рязань), Ике (возможно, Око), Макар (возможно, Москва), Переяславль и др. [259, с. 36—37].

«Трагическую судьбу небольшого южнорусского города Изяславля, лежавшего на пути монгольских войск, раскрыли также археологические раскопки под руководством М. К. Каргера. Под слоем земли среди пожарищ лежали здесь костяки погибших защитников в кольчугах, шлемах, с секирами, мечами и саблями. Были здесь и простые горожане, порубленные татарскими воинами», — пишет Г. А. Федоров-Давыдов [46, с. 231].

Только за последнюю четверть XIII в. на Русь было совершено 14 таких разорительных походов монгольских ратей [98, с. 77].

Однако все сказанное относится к определенному событию — чингисханскому завоеванию, а отнюдь не к кочевникам-скотоводам вообще. Война — явление классовое, социальное. Она затевается господствующим классом в своих корыстных интересах. Народ же не сторонник разрушений, он не нуждался в войнах, хотя последние ведутся ценой его жизни.

Далее, история войн свидетельствует, что нападающей стороной далеко не всегда были кочевники. Бывало

и так, что они сами становились объектом нападения со стороны оседлых людей. Так происходили вековые столкновения между Ираном и Тураном, описанные в бессмертном творении А. Фирдоуси «Шах-намэ».

Античный автор Полиен на основании дошедших до него сакских преданий в главе XII своей «Стратегемы» (книга седьмая) рассказывает об одном эпизоде мужественной борьбы саков. Когда против саков направился сам персидский царь Дарий I во главе огромного войска, к ним в лагерь явился сакский табунщик Сирак, предварительно изуродовав свое лицо, отрезав нос и уши; этим он дал понять Дарию, что так расправились с ним его соплеменники, и он жаждет им отомстить. И когда те ему поверили, он взялся проводить войска Дария I по только ему известному ложному пути, приведшему войска неприятеля к гибели из-за отсутствия воды и пищи. Перед казнью Сирак с громким смехом заявил: «Я выиграл победу, ибо для отвращения бедствия от саков, моих земляков, переморил персов жаждою и голодом» [215, с. 423—425].

Подвиг, который совершил сак Сирак, поучителен. Он характерен только для выходца из народа, ведущего справедливую войну против захватчиков. На такой шаг самопожертвования ради общего блага способны люди, движимые патриотическим чувством ненависти к врагу и беспредельной преданности своему народу.

Вот другой пример завоевательного похода против кочевников, также проведенного персами.

Царь Ахеменидов Кир II, покорив всю Переднюю и Среднюю Азию в 539 г. до н. э., предпринимает завоевательный поход против массагетов, которые жили к востоку от Аральского моря. Но этот поход окончился катастрофой. В то время царицей массагетов была Тамирис. Она, описывается в древних источниках, не испугалась, как это можно было ожидать от женщины, вражеского нашествия. Тамирис дала возможность войскам Кира II переправиться через Оакс (Сырдарью), считая, что «ей легче сражаться в пределах своего собственного царства, а врагам будет труднее спастись бегством через реку, преграждавшую им путь». Когда Кир II переправил войско и, углубившись на некоторое расстояние в Скифию, развязал войну, массагеты дали им достойный от-

пор. В этой жаркой схватке победу одержала Тамирис. По сведениям Юстина, «она уничтожила 200 тыс. персов вместе с самим царем» [299, с. 208—209].

И здесь справедливость была на стороне кочевников-массагетов, ведущих борьбу за свою свободу и независимость против захватчиков и поработителей — персов. Древнегреческий историк Арриан в книге «Поход Александра Великого» пишет: «Если про Кира, сына Камбиза, говорят, что ему первому стали воздавать поклонения и что от него остался у персов и мидян этот унижительный обычай, то нужно помнить, что этого Кира образумили скифы, люди бедные и независимые, а Дария — другие скифы» [40, с. 276]. Следует отметить, что войска таких завоевателей, как Александр Македонский, Дарий, Кир, нередко отличались крайней жестокостью. Например, при подавлении восстания согдийцев в 329—327 гг. до н. э. Александр Македонский, преследуя восставших, убивает более 120 тыс. человек [78, с. 97]. Геродот пишет о следующем факте, весьма красноречиво характеризующем Дария I. Когда Дарий формировал войско, готовясь к завоевательному походу на скифов, к нему подошел перс Ойобаз, который просил не забирать с собой в поход одного из его трех сыновей. «Дарий отвечал, что он любит его, Ойобаза, что просьба его скромна, и за это он оставит ему всех сыновей. Ойобаз очень обрадовался этому в надежде, что сыновья будут освобождены от военной службы. Между тем Дарий велел находившимся при нем лицам казнить всех сыновей Ойобаза. Так они были умерщвлены и остались на месте» [80, т. 1, с. 342].

Страшными зверствами сопровождалась и захватническая войны (походы) Тимура. В 1387 г. при взятии Исфагана он приказал своим войскам обезглавить 700 тыс. мирных жителей и возвести пирамиды из их голов. В Индии в 1398 г. по его приказу было умерщвлено 100 тыс. пленников. В 1401 г. в Дамаске он дал приказание, чтобы каждый воин принес отрубленную человеческую голову. Из этих голов были сооружены пирамиды [78, с. 485].

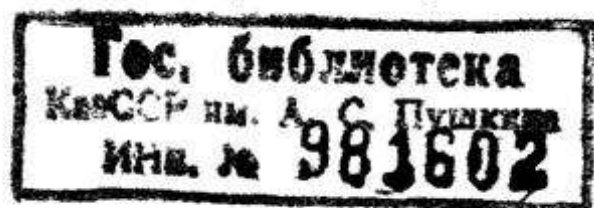
Грабительский характер носили походы Шайбани-хана против казахов в 1509 г. и известный улутауский поход Абдуллы-хана II и др.

Все это говорит, о том, что захватнические войны совершали как кочевые военные союзы, так и оседлые завоеватели, и жестокость их стояла друг друга. Война всегда несет разрушения. Конечно, кочевники более приспособлены к перекочевкам, переходам на дальние расстояния, а потому более мобильны, маневренны, выносливы. Именно эта особенность кочевников-скотоводов до появления огнестрельного оружия наилучшим образом отвечала интересам завоевательных походов. Особо важную роль играла в этом лошадь [295, с. 34]. Не случайно кочевники-скотоводы чаще оказывались удобным орудием в руках отдельных завоевателей. Да и сами кочевники часто страдали от нападений завоевателей, в том числе кочевников. Мы согласны с точкой зрения академика АН Казахской ССР А. Х. Маргулана, который, возражая А. С. Семенову, видевшему в организаторах набегов только «степных хищников», постоянно творивших «величайшее зло» населению Мавераннахра [247, с. 23], подчеркивал, что кочевников, в свою очередь, грабили правители оседлых стран, т. е. Мавераннахра [166, с. 6—7].

Совершенно прав Л. И. Гумилев, который пишет: «Столкновение кочевников с земледельцами всегда создает острые коллизии, в которых ни те, ни другие не виноваты. Именно такая ситуация существовала в Северном Китае III—V вв. Виноватых не было, а несчастных было слишком много» [91, с. 25].

Завоевательные походы кочевников несли смерть и разорение не только их соседям, оседлым людям, но и самим кочевникам, поскольку эти походы были связаны с громадными жертвами, в конце концов приводившими к физическому истреблению завоевателей, социально-экономическому упадку. И это относится не только к завоевателям-кочевникам.

«Завоевательные народы, — писал Н. Г. Чернышевский в своей книге «Антропологический принцип в философии», — всегда кончали тем, что истреблялись и порабошались сами». Монголы Чингисхана жили в своих степях в положении, худшем прежнего; но как ни дурно было состояние диких орд, пошедших на завоевание земледельческих государств Южной и Западной Азии и Восточной Европы, а все-таки вскоре по совершении завое-

вания эти несчастные люди, наделавшие столько вреда для своего обогащения, «подверглись судьбе более плачевной, чем даже та жалкая жизнь, которую продолжали вести их соотечественники, оставшиеся в своих родных степях. Мы знаем, чем кончили татары Золотой Орды конечно, целая половина их погибла при завоевании России, при неудачных нашествиях на Литву и Моравию, остальная половина, сначала награбившая себе много добычи, скоро была истреблена оправившимися русскими» [287, с 245—246]

Далее Н Г Чернышевский пишет, что германцы при Таците жили намного лучше, чем монголы до Чингисхана, но и они мало выиграли от того, что завоевали Римскую империю. Остготы, лангобарды, вандалы — все они погибли, как заявляет Н Г Чернышевский, до последнего человека «Испанцы, опустошив Европу при Карле V и Филиппе II, сами разорились, впали в рабство и наполовину вымерли от голода. Французы, опустошив Европу при Наполеоне I, сами подверглись завоеванию и разорению в 1814 и 1815 гг» [286, с 246]

В указанном рассуждении Н Г Чернышевского, которое, на наш взгляд, нельзя, однако, толковать как формулировку некой общесоциологической закономерности, подмечены некоторые характерные черты тех последствий, какие имели завоевательные походы для исторических судеб самих захватчиков.

И Я Златкин в статье «Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов» пишет, что «захватнические войны не имели ничего общего с объективными экономическими потребностями кочевого общества. Глубоко ошибочна бытующая в литературе теория, согласно которой хищнические набеги и вторжения кочевников объясняются специфическими особенностями их производства» [261, с 265]. Это совершенно правильный, обоснованный вывод, который ставит точку многочисленным, порой бесплодным спорам на этот счет.

Разумеется, кочевники потому и называются ими, что они не заходят долго на одном месте, не ведут оседлый или полuosедлый образ жизни, не занимаются земледелием. Но они не могут обходиться без продукции земледелия и городских мастеровых. Все это приобрета-

лось через торговлю. Поэтому торговали не только арабские, но и среднеазиатские, приволжские и другие кочевники. Об этом свидетельствует появление крупных населенных пунктов, городов на границах между оседлыми и кочевыми народами, которые служили центрами торговли и обмена товаров.

В «Хрестоматии по истории древнего мира» под редакцией академика В. В. Струве приводится выдержка из Страбона, в которой говорится: «Живут в кибитках так называемые номады, занимающиеся скотоводством и питающиеся молоком, сыром и преимущественно кумысом. Они не копят денег, не знают торговли, умеют только менять один товар на другой» [283, с. 306]. Сперва товар обменивается на товар, затем появляется эквивалент этого обмена — деньги. У кочевников-скотоводов на известной ступени развития функцию денег приобрел скот. «Главный предмет, которым обменивались пастушеские племена со своими соседями, был скот», — пишет Ф. Энгельс [19, с. 160].

Да, в истории имели место факты, когда арабы-кочевники нападали на соседей-земледельцев. В истории народов Востока известно вторжение гиксосов в Африку, относящееся к царствованию XVII-XV династии, которое потрясло царство древних фараонов. Пришельцы сжигали города, разрушали храмы, истребляли и пораскот..», — пишет Ф. Энгельс [19, с. 16].

«Нашествие гиксосов, — пишет Ю. Липпарт, — есть набег номадов, совершенно такой же, как... арийцев — в Индию, кельтов и германцев — в Европу, это, пожалуй, первое мощное проявление той своеобразной кочевнической культуры, которая выросла на почве скотоводства» [161, с. 92—93].

Конечно, арабы-кочевники (бедуины) жили общей, присущей всем кочевникам жизнью, в соответствии с общими тенденциями развития кочевого общества. Историческая судьба, образ жизни и быт кочевников Средней и Передней Азии и Восточной Европы едины, благодаря тому, что, живя в одном экономическом районе, они были связаны торговыми узами, находились в тесном контакте между собой. Но отсюда не следует противопоставление среднеазиатских кочевников арабским, а если и выделять среди них тех, кто был более связан с завое-

вательными походами, то это арабы, поскольку представители религиозного духовенства пытались использовать их, чтобы насадить силой оружия ислам в других странах.

Древняя Русь и половцы

Многие дореволюционные историки извращали взаимоотношения половцев с русскими княжествами и изображали кочевников как вековых врагов русских княжеств.

П. Голубовский, например, отмечает, что кочевники (печенеги, торки и половцы) являлись опасными врагами Руси» [83, с. 167]. Он пишет: «Не проходит ни одного года, когда бы не горели русские села и города» [83, с. 79].

Еще более отрицательно ко всем кочевникам отнесся В. О. Ключевский: «Борьба со степным кочевником, половчином, злым татаринном, длившаяся с VIII почти до конца XVIII в., — самое тяжелое историческое воспоминание русского народа, особенно глубоко врезавшееся в его память и наиболее ярко выразившееся в его былинной поэзии» [144, с. 73].

В данном случае В. О. Ключевский ставит в один ряд половцев, которые вели скотоводческое хозяйство, и полчища Чингисхана. Но это явно несостоятельно. Нельзя считать всех кочевников разбойниками, хищниками.

Конечно, поскольку половцы были кочевниками, а русские вели оседлый образ жизни, то между ними нередко возникали столкновения из-за земли, пастбищ и т. д. Тем более что половецкие кочевья в конце XI и в XII в. как сообщается в одном из источников, «были рассыпаны по всему степному пространству от Урала до Дуная. На севере они соприкасались с Рязанскими владениями почти до реки Прони, где кочевал со своей ордою князь Ельтук. Далее по Дону... в нынешней Воронежской губернии кочевала орда Шаруканова... Южнее Шарукановой орды, почти по самому берегу Азовского и Черного морей, даже до Днепра и за Днепр к Дунаю были кочевья Орды Боняковой» [111, с. 78].

Половцы кочевали также в степях Предкавказья и за нижней Волгой до Яика. У лукоморских половцев князь-

ями были Акуш и Тоглый, а ближе к Днестру и Дунаю кочевали Орды Котяна и Беговарса [111, с. 82]. Таким образом, половцы занимали огромные пространства, держа свой скот. Страна, занятая половцами (кыпчаками), известна была у восточных народов под названием Дашт-и Кыпчак.

Для того чтобы оттеснить половцев и проложить торговый путь к югу и востоку, русские вынуждены были предпринимать походы на кочевников.

П. Голубовский пишет, что «походы вглубь страны половецкой имели двоякую цель: одни — цель частную — оттеснение кочевников от границ какой-либо области; другие — цель общую — защищать торговые интересы всей Руси. Если для русской земли важны были сношения с Югом и Востоком, то и обратно большое значение придавали торговле с Русью купцы востока, запада и юга» [83, с. 166—167].

Об одном из таких походов русских на половецкую степь в летописях говорится так: «Половцы же слышавше, яко идет Русь, собравшася без числа, нача думать. И рече Урусоба (половецкий князь. — Д. К.): «Просим мир у Руси, яко крепко имуть битися с нами, мы об много зла створихом русской земли» [217, с. 118].

Походы эти против половцев были иногда удачными, а иногда и неудачными. Одним из неудачных походов было выступление дружин князя Игоря, прославленного в «Слове о полку Игореве». Зато успешным был поход в 1111 г. Владимира Мономаха, который сумел объединить усилия всех русских княжеств против половцев и нанести им несколько поражений. А сын Владимира Мономаха Мстислав оттеснил половцев «за Дон, и за Волгу, и за Яик» [111, с. 77].

В данном случае нетрудно заметить, что половцы не всегда были наступающей стороной. Этого не отрицает и текст «Слова о полку Игореве».

Интересно отметить и такой факт: на примере Игоря Святославовича видно, что половецкие ханы оказывали особые знаки внимания, даже уважения, пленному русскому князю. П. Голубовский пишет, что «они для безопасности только окружили почетной стражей из 20 человек, в числе которых было пять из высшего сословия, но эта стража беспрекословно исполняла все при-

казания Игоря. Ему позволялось иметь при себе пять или шесть русских слуг. С ними и своей стражей он ездил свободно, куда хотел, тешился охотой. Ему разрешено было иметь при себе священника со всем необходимым для совершения службы» [83, с. 173].

Вообще следует отметить, что между половцами и Русью не всегда существовали враждебные отношения. Нередко русские князья в борьбе с иноземными захватчиками, а иногда даже в междоусобной борьбе призывали на помощь половцев, так же как в свое время они приглашали печенегов и торков. Из истории известны 34 таких факта [83, с. 173]. Так, печенеги участвовали в походах Игоря в 944 г. и Святослава в 970 г. на Грецию. В 985 г. Владимир ведет торков на Булгар [218, с. 58, 71]. В 1149 г. русские князья повели половцев в поход на Польшу [218, с. 378].

Тесные взаимоотношения русских с половцами скреплялись иногда брачными союзами, с помощью которых обе стороны стремились укрепить свою безопасность. В результате некоторые князья всю свою жизнь провели в степи среди своих половецких родственников [218, с. 173].

Первый случай такого брачного союза имел место в 1094 г., когда Святополк Изяславович Киевский женился на дочери половецкого хана Тугорхана [218, с. 216]. Затем идут факты заключения брака между сыновьями Владимира Мономаха и Олега Святославовича с дочерьми половецких ханов: Юрий Владимирович женился на дочери Аэпы, внучке Осеня, а Святослав Олегович — на дочери другого Аэпы, внучке Гиргена [217, с. 120]. В 1117 г. Мономах женил своего сына Андрея на внучке Тугорхана [219, т. 9, с. 150], в 1187 г. Владимир Игоревич возвратился из половецкого плена с женой, дочерью знаменитого Кончака. На Руси сыграли вторичную свадьбу, ибо она уже была совершена в степи [218, с. 659].

Были браки не только деловые, но и носившие романтический характер. Так, Святослав Владимирович имел отчимом половецкого хана Башкорда. Дело в том, что его мать после смерти первого своего мужа Владимира Давидовича увлеклась степным красавцем и бежала к нему в кочевья [83, с. 173]. Так что любовь между казах-

ским джигитом Дудар и русской девушкой Марией* не исключение, а закономерное явление, истоки которого уходят к X—XII вв.

Приведенные примеры говорят не только о добрососедских, но и о близких родственных отношениях между половцами и Русью, отвечавших их политическим и хозяйственным интересам. Не случайно русские летописи вместе с описаниями жизни и деятельности различных князей включают в себя множество рассказов о взаимоотношениях русских с половцами. Спустя много лет в Отечественной войне 1812 г. наряду с другими народами приняли участие и представители кочевых народов.

Конечно, между интересами половецких правителей и русских князей не могло не возникать противоречий. Кочевники, прибывшие с Востока, теснили оседлое население; с другой стороны и славяне постоянно стремились расширить свои земельные владения в степях северо-восточной и юго-восточной Европы. Эти перекрещивающиеся интересы кочевников и земледельцев сопровождались взаимными нападениями и взаимными обложениями налогами. То славяне облагали кочевников данью, то кочевники славян. Так, в Южнорусской летописи (X в.) записано, что конный отряд хазар подошел к Днепру и потребовал от полян, населявших эти места: «Платите нам дань!». Однако поляне вместо дани вручили хазарам обоюдоострые мечи [240, с. 88]. Преемник Святослава на киевском столе «князь Ярополк в 978 г. успешно воевал с печенегами и обложил их данью» [33, с. 108].

Во взаимоотношениях кочевников с Русью имели место факты, когда за стычками следовали мир, торговля и т. д., иногда сами кочевники предлагали славянам свою услугу, дружбу. Так, в 979 г. в г. Киев «пришел печенежский князь Илдей и бич челом Ярополку на службу; Ярополк же принял его и дал ему грады и волости» [219, с. 39]. Исследователи отмечают, что этим было положено начало той политике, которую впоследствии систематически проводило древнерусское государство по отношению к кочевникам южных степей: привлекать к

* Мария Егоровна Рыкина (1887—1950) — дочь кузнеца из Кургальджино Целиноградской обл., автор популярной глубоко проникновенной казахской песни «Дударай» на собственный мотив, в которой говорится о ее чистой и нежной любви к джигиту Дүйсену.

себе на службу отдельные их орды, чтобы сделать их союзниками в борьбе с врагами древней Руси. В 988 г., по сообщению летописи, «пришел печенежский князь Метигай к Владимиру и крестился» [219, с. 57]. В 991 г. принял христианскую веру печенежский князь Кучуг и «служил Владимиру от чистого сердца» [219, с. 64].

Были случаи и убийства князей в результате стычек кочевников с Русью, но эти факты не могли в целом существенно изменить или нарушить установившиеся связи. Так, весной 972 г. князь Святослав был убит печенегами [218, с. 61—62]. Но показательно и другое: во время борьбы за великокняжеский «стол» в 980 г., когда Владимир Святославович с новгородским войском и наемниками — варяжскими отрядами двинулся на своего брата Ярополка и изгнал его из Киева, приближенный Ярополка, некий Варяжко, советовал своему князю: «Не ходи княже (к Владимиру), убьют тебя, беги к печенегам, и приведешь воинов» [218, с. 66]. Но Ярополк не последовал совету и действительно был убит, после чего «Варяжко бежал со двора к печенегам и много воевал с печенегами против Владимира» [218, с. 66].

Совсем по-иному обстояло дело с отношениями между завоевателями — полчищами монголо-татар и русскими княжествами.

Завоеватели выжигали огнем, сокрушали и подавляли мечом все, что вставало на их пути. Конечно, чингисхановские полчища — те же кочевники, но как часть общего. Это крупный кочевой союз, в основе которого лежит не скотоводство, как таковое, с его интересами и заботами, а военная организация, целью которой является захват чужих земель, разорение и грабеж их хозяйства, подчинение других племен и народов, взимание с них ясака и т. д. Такие полчища передвигались как вооруженные всадники, без семей и огромного населения со скотом. В отличие от них «у кочевых пастушеских племен, — как указывал К. Маркс, — община фактически всегда собрана воедино; это — общество совместно кочующих людей, караван, орда, и формы субординации развиваются здесь из условий этого образа жизни» [15, с. 480].

Но кочевничество с его подвижным характером существования благоприятствовало появлению мобильных

военных союзов. Это, разумеется, способствовало утверждению в сознании оседлых людей предвзятого мнения о кочевниках вообще. Конечно, и при кочевом скотоводстве были, как уже сказано, столкновения племен, угон скота и т. д., но это происходило на другой основе: например, взаимоотношения половцев с Русью. Не случайно постоянный угон неприятелем скота и смелый поспунок молодца вернуть его обратно — лейтмотив почти всех казахских эпосов [133, с. 270], хотя в них имеются и моменты отражения нападения кочевых полчищ.

Итак, столкновения кочевников-скотоводов не имеют ничего общего с нашествием Чингисхана, а до него Аттилы и др., их надо уметь отличать. В одном случае средством существования является скотоводческое хозяйство, в другом — нашествие, захват чужих земель, богатств, расилие.

Кочевничество вообще, кочевое скотоводство в частности возникли не из-за особой страсти некоторой части людей к постоянному передвижению. В своей основе оно имеет объективные причины. Кочевое скотоводство — это определенная форма хозяйствования. Оно возникло из потребности содержать размножающийся скот. Для содержания скота, как уже было сказано, война протiwоестественна. Например, в 1723 г., когда джунгары совершили нашествие на казахские земли, это было страшным несчастьем для кочевников-казахов. Джунгары убивали мужчин, забирали женщин в жены, угоняли скот, разоряли хозяйства казахов. Последние, уцелевшие от гибели, спасались, как могли, спешно откочевывали к берегам Сырдарьи. Для казахов это был год скорби и печали. Один из очевидцев этого трагического события, народный поэт Кожаберген в поэме «Елим-ай» (Ой, страна моя родная) говорит:

Ел едік малды бағып бейбіт жатқан,
күтпеп ек жау болар деп бәле баққан
Жүргенде момын жұртым малын бағып,
Тосыннан қалмақ құрды қанды қақпан.

Мы люди, жившие мирно,
заботясь о скоте,
И не ожидали, что есть враг,
Подстерегавший нас.

В то время как мой мирный народ
Пас свой скот,
нежданно негаданно поставил нам калмык
кровавый каркан

Занимаясь скотоводством, кочевники издревле торговали с оседлым населением, обменивали продукты животноводства на продукты земледелия, охотничьи трофеи — на изделия ремесленников. Они взаимообогащались опытом, культурой. Многие кыпчаки (половцы) знали русский язык, а среди русского населения были люди, знавшие половецкий. Некоторые половцы принимали русские имена, христианскую веру. Таковыми, например, были Глеб Тириевич, Роман Кзяч и др. [83, с 228]. В Рязани к лету 1132 г. принял христианство половецкий князь Амурат [219, с 158].

Когда татаро-монгольские захватчики вторглись в Восточную Европу и, опустошив половецкую степь, напали на русские земли, то русские в союзе с остатками половцев, встали против иноземных поработителей. С первых же дней жестоких боев с татаро-монголами в 1223 г. погибли видные половецкие князья, в частности Юрий Кончакович и Данило Кобякович [219, с 89]. В связи с вышесказанным никак нельзя согласиться с С. А. Плетневой, которая основу отношений половцев с Русью видит в постоянных ожесточенных военных действиях, заключающихся «в ежегодных набегах на русские земли, грабежах, угоне пленных» [208, с. 56].

Ибн-аль-Асир пишет: «Когда татары овладели землею кипчацкою и жители рассеялись большая толпа из них пошла в Русь. Это обширная страна, длинная и широкая, смежная с нами, и жители держат веру христианскую. Когда они пришли туда, то соединились и согласились сражаться с татарами, если они нападут на них, а татары долго оставались в кипчакии. Потом они пошли в 620 году (с 4 февраля 1223 до 24 января 1224 г. — Д. К.) на Русь. И услышали весть о них русские и кипчаки, а сами давно уже приготовились к войне с ними. И пошли на путь татар, чтобы встретить их прежде, чем они придут на Русь, чтобы отразить их от своей земли. И услышали о их выходе татары и начали отступать» [272, с 620—621].

В данном случае речь идет о западных кыпчаках, ко-

торые обитали в Восточной Европе и в русских источниках назывались половцами. Между тем кыпчаки накануне вторжения монголов жили и в Западной Азии, занимая обширную территорию, протянувшуюся от западных отрогов Тянь-Шаня до Дуная. Страшным бедствием как для оседлых, так и для кочевых народов Западной Сибири и Восточной Европы, было нашествие Чингисхана, как и ровно тысяча лет назад гуннов.

В результате чингисхановского нашествия кочевое общество кыпчаков потерпело катастрофу.

Длительное время половецкая степь оставалась незаселенной. Старое население ушло из этих районов почти полностью, а татаро-монгольские кочевья, занявшие его место, были сравнительно малочисленны и, поскольку они эпизодически появлялись в этих местах только летом, степь эта получила впоследствии характерное название «дикое поле».

Кочевое скотоводство как хозяйственно-культурный тип

Кочевое общество возникло на определенной ступени общественного развития и носило переходный характер в развитии мировой цивилизации

Это выражалось не только в том, что оно занимало как бы промежуточное положение между охотничьим хозяйством и земледелием, но и в том, что исторически оно появилось только в тех районах, где географические условия не позволяли заниматься ни земледелием из-за недостаточного уровня развития производительных сил и отсутствия всякого агрономического знания, чтобы получить урожай в пустынных и полупустынных условиях, ни скотоводством в крупных масштабах, чтобы содержать скот стойлово. На протяжении тысячелетий скотоводство велось экстенсивно. Исторически оно ждало момента, чтобы перейти к интенсивной форме хозяйствования, оседлому образу жизни. Поэтому в отличие от охотничества и земледелия, которые, несмотря на усовершенствование орудий труда, сохранили в целом характер своего производства, кочевое скотоводство объективно должно было изжить себя и уступить место более прогрессивной фор-

ме ведения хозяйства. Но это вовсе не означает, что образ жизни, материальная и духовная культура кочевников носили переходный характер. Соответственно специфическим условиям кочевого хозяйства они сформировались на протяжении веков и тысячелетий как явление самобытное, уникальное, требующее специального изучения и осмысления. По этому поводу историк И. И. Веселовский справедливо отмечал, что «кочевая культура не представляет переходной ступени от звероловства в оседлую жизнь, а составляет самостоятельное явление, как культура оседлых» [68].

Следовательно, переходность кочевого общества надо понимать в том смысле, что оно появилось исторически на определенной ступени общественного прогресса, когда произошла глубокая классовая дифференциация общества на богатых и бедных, затем оно достигло своей вершины развития, и, наконец, оно постепенно изжило себя, уступив место более прогрессивной форме хозяйства.

Прав историк М. Н. Ядринцев, который доказал, что кочевое скотоводство существует только в условиях обширных пастбищных угодий, а при их сокращении радиус кочевания постепенно уменьшается и кочевник становится оседлым [302, с. 142—144]. Кочевое скотоводство появляется после пастушеского полуоседлого хозяйства. Причиной появления как кочевого скотоводства, так и затем перехода его к оседлому хозяйству были объективные, в том числе и экономические, естественно-географические предпосылки.

Все началось, очевидно, с обыкновенного приручения животных. Последние содержались стойлово или полустойловым способом, потом появилась пастушеская форма содержания скота, когда основное население вело оседлый образ жизни, а скот угонялся временно на пастбища и затем пригонялся обратно пастухами.

Как показали археологические раскопки «Алтындепе» (Золотого холма), расположенного у подножья Копетдага (Туркменская ССР), здесь находились большие городские сооружения, население которых к концу третьего тысячелетия (т. е. на тысячу лет раньше государства Урарту) занималось земледелием, скотоводством и садоводством [222, 1974, 4 декабря]. Это было пастуше-

ское скотоводство. Следы древнего орошения, относящиеся к эпохе бронзы, отмечены в ряде районов Средней Азии, Южного Казахстана и др. Об этом свидетельствуют развалины древних городов, крепостей, замков, усадеб, береговых валов, сухих каналов, искусно спланированных земельных участков, давно забытых, необрабатываемых полей [36, с. 5, 230].

Однако быстро размножающийся скот не мог содержаться при пастушеском скотоводстве. Поскольку невозможно было запастись сеном или другим кормом для содержания большого количества скота, единственным способом его сохранения и приумножения был переход к совершенно новой форме организации скотоводческого хозяйства — кочевому скотоводству, при котором кочевники круглый год следовали за скотом, переходя с одного места (пастбища) на другое. Причем к кочевой форме хозяйства перешли те племена, которые обитали в степных, песчаных, малоплодородных или горных малопригодных для земледелия районах.

Один из крупных исследователей древней культуры населения Центральной Азии С. И. Руденко пишет: «Оседлое земледельческое население Средней и Передней Азии, на юге Китая, на Востоке вследствие примитивности земледельческого хозяйства не имело возможности содержать достаточно большое количество скота и постоянно в нем нуждалось, в частности, как в тягловой силе для транспорта и затем в военных целях. Спрос на домашних животных мог быть удовлетворен теми племенами, в хозяйстве которых земледелие имело второстепенное значение. Скот при отгонной системе скотоводческого хозяйства играл весьма существенную роль в экономике ряда племен. Такими племенами являлись северные племена ... обитавшие в степях и предгорьях южнее полосы лесов, и тайги, где условия для развития скотоводства были благоприятными» [237, с. 196].

В то время массовое разведение скота, главным образом овец, лошадей, верблюдов, без заготовки на зиму корма было возможно лишь в определенных районах. Рашид ад-дин пишет: «... в каждом поясе земли существует отдельное (друг от друга) население, (одно) осед-

лое, (другое) кочевое. Особенно в той области (или стране), где есть луга, много трав (в местностях) удаленных от предместий, городов и от домов (селений), много бывает кочевников...» [229, с. 73]. И далее он пишет, что такие условия были в пределах Ирана, во владениях арабов.

Кочевое скотоводство берет начало в глубокой древности. Но среди исследователей нет единого мнения по вопросу, когда же оно появилось. Предположения их относительно периода возникновения кочевого общества варьируют начиная с эпохи неолита, кончая I тыс. н. э. Так, Н. Я. Мерперт относит это ко II тыс. до н. э. [180, с. 112], С. И. Руденко — к рубежу II и I тыс. до н. э. [237, с. 195] и т. д.

Археолог Бурхард Брентьес (университет им. М. Лютера в Галле (ГДР) пишет, что с VI тыс. до н. э. начинается процесс разделения оседлого земледелия в горных районах Передней Азии и возникновения полукочевого скотоводства (мелкого, затем и крупного скота) в результате одомашнивания крупного рогатого скота.

С. И. Руденко, ссылаясь на свидетельство китайских хроник, отмечает, что среди богатых усуней были владельцы табунов лошадей в 4—5 тыс. голов». Эти факты указывают на то, что во второй половине I тыс. до н. э. «как у восточноевропейских, так и центральноазиатских скотоводческих племен отдельные семьи владели огромными табунами лошадей» [237, с. 195].

Арабский путешественник Ибн-Фадлан, посетивший в 922 г. огузов на пути следования в Булгарское царство, видел среди них не только богачей, владевших десятью тысячами лошадей и сотней голов овец, но и бедняков, выпрашивавших лепешку хлеба на дорогах [145, с. 124].

Содержание такого количества скота в условиях экстенсивного хозяйства могло быть обеспечено только в результате перехода от оседлого или пастушеского ведения хозяйства к кочевому скотоводству. К скотоводческому кочевому хозяйству в первую очередь перешли наиболее многочисленные семьи, племена. Те же лица, у которых скота было мало, не испытывали необходимости перехода к кочевому образу жизни.

Определенный научный интерес представляет выяс-

нение периода образования кочевого скотоводческого общества. Некоторые исследователи считают, что кочевое скотоводство возникло в VII в. до н. э., причем совершился процесс перехода к кочевому образу жизни населения степей якобы «в очень короткий срок, в течение нескольких десятилетий» [237, с. 197]. На такой точке зрения стоял один из исследователей истории древней культуры М. П. Грязнов. Об этом же говорит, в частности, его статья «Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири» [44, с. 7].

Другие не согласны с такой оценкой, поскольку не только археологические источники и наскальные рисунки (петроглиптика) говорят о несостоятельности такого суждения, но и сама логика истории говорит о значительно более древнем происхождении кочевого скотоводства. Нельзя предполагать, что до VII в. до н. э. люди не занимались скотоводством, а раз так, то они не могли обходиться без постоянного кочевания, поскольку скот естественно размножался, содержать его стойлово при отсутствии заготовленного корма было невозможно.

Есть ученые, которые считают, что кочевое скотоводство появилось с момента освоения животных в качестве тягловой силы и особенно после «овладения техникой верховой езды на лошади» [237 с. 195].

С. И. Руденко возражает, как нам кажется, совершенно справедливо против этого утверждения, хотя в целом и не отрицает значения указанных фактов. «Оба эти обстоятельства, конечно, были существенны, — пишет С. И. Руденко, — особенно для полукочевого и кочевого скотоводческого хозяйства. Однако можно усомниться в том, что овладение животным как тягловой силой и лошадью для верховой езды имело место в начале I тыс. до н. э. Более вероятно, что различные виды животных для транспорта первоначально употреблялись как вьючные, а следовательно, и верховые, и затем уже использовались в упряжке — сначала в волокуше, потом и в колесной повозке» [237, с. 195—196].

Действительно, причины любого явления надо искать не во второстепенных фактах, а в главных, основных; таковыми являются экономические условия жизни людей, и поэтому С. И. Руденко прав, говоря о том, что причины перехода к новой форме скотоводческого хозяйства

были, несомненно, иные, чем овладение «техникой верховой езды». Итак, нет единого установившегося мнения относительно времени появления кочевого скотоводческого хозяйства.

Мы считаем, что кочевое общество возникло значительно раньше I тыс. до н. э. Об этом можно судить по тому обстоятельству, что все племена, обитавшие в Центральной Азии, как мы знаем из различных источников, вели к тому времени кочевой образ жизни. Это были кочевые племена или большие племенные союзы (скифы, саки, гунны, усунь и т. д.). Но ведь кочевому скотоводству, как уже было сказано, предшествовало пастушество, тоже являющееся формой скотоводческого хозяйства. При пастушеском хозяйстве скотоводы жили в постоянных жилищах, поселениями, занимаясь одновременно и скотоводством и земледелием. Об этом свидетельствуют раскопки древних курганов и поселений, при которых археологи обнаруживают в большом количестве остатки костей животных (лошадей, баранов, коров и т. д.) [171, с. 218], с одной стороны, а с другой — остатки оросительных сетей, арыков, по которым поступала вода, или плотин для задержания вешних вод и т. д., относящихся к эпохе бронзы [36, с. 230—231]. Люди занимались скотоводством еще в каменном веке, в бронзовом веке оно получило дальнейшее развитие. Наскальные или пещерные рисунки и т. д. также говорят об этом.

На рубеже II—I тыс. до н. э. на территории Казахстана появилась и колесница. Это именно то время, когда по южному полюсу Евразии и в Египте распространяется колесница с лошадиной запряжкой [203, с. 131]. Археологами обнаружены изображения древних наскальных рисунков в урочище, называемом Койбагар (в горах Каратау недалеко от Сузакского районного центра Чимкентской области), на высоте 700 метров над уровнем моря. Здесь открыта целая серия из 20 рисунков с изображением колесниц [45, с. 132]. По утверждению специалистов, эта петроглифика по некоторым своим особенностям (схематическим изображениям животных, запряженных в нее) дает основание сравнивать эти изображения с символическими изображениями колесниц в иньской [250, 1973, №1, с. 159] иероглифике, а

ременные крепления, приведенные на рисунках, очень сходны с ременными креплениями на концах ярма египетской колесницы времен Нового царства (XVI—XIV вв. до н. э.), о чем говорят экспонаты Египетского музея в Италии [146, с. 19].

Таким образом, уже тогда население широко использовало различного рода транспортные средства, применяя в качестве тягловой силы лошадей, верблюдов и т. д. Можно полагать, что немало времени понадобилось, чтобы не только приручить животных, но и приручить их в качестве тягловой силы, и чтобы изобрести колесницу, сыгравшую великую роль в истории культурных контактов между странами. А к этому времени одомашненный скот уже размножился настолько, что возникла необходимость содержания его путем постоянного передвижения в поисках достаточного для него корма. Отсюда и появилось кочевое скотоводство.

Переход к кочевому скотоводству происходил постепенно и не везде в одно время. Быть может, даже в период атасуских поселений где-то рядом параллельно существовало кочевое или полукочевое скотоводство. Но с той лишь разницей, что от кочевого скотоводства не осталось почти ничего, если иметь в виду древние могильники, а от древних поселений — остатки жилищ. Некоторые из них относятся к бронзовому и даже каменному веку.

С И. Руденко правильно отмечает, что владельцам крупных табунов лошадей и стад овец при отыскивании необходимых пастбищных угодий, особенно зимой во время больших снегопадов и буранов, приходилось встречаться с громадными трудностями. «Совершенно очевидно, что прокорм больших табунов лошадей и отар овец был связан с необходимостью освоения обширных полупустынных пространств, до того не использованных для скотоводческого хозяйства. Процесс этот, сопровождавшийся неизбежными жертвами, несомненно, был медленным и исчислялся не десятилетиями, а столетиями» [237, с. 197].

М. П. Грязнов, пытаясь объяснить причины массового перехода оседлых племен к кочевому образу жизни, утверждает, что воинственные кочевники с их неуловимой конницей стали бичом окрестного оседлого населе-

ния, и, чтобы, «защитить себя от грабительских набегов кочевников, а также получить возможность самим совершать грабительские набеги, их оседлые соседи также вынуждены были перейти к кочевому образу жизни, к кочевому скотоводству» [87, с. V].

Здесь мы видим, как экономическая обусловленность важного социального явления подменяется субъективными факторами, причем кочевникам приписывается прирожденная агрессивность. По мнению проф. Вернера (ГДР), стремление господствующей знати кочевого общества (XI в.) к обогащению усиливало присущую кочевникам жажду экспансии за счет земледельцев.

Кочевое скотоводческое хозяйство появилось в тех районах, где климатические условия, растительный покров и другие факторы не позволяли плодотворно вести оседло-земледельческое хозяйство. То, что скотоводческие племена, бросив насиженные места, перешли к кочевому образу жизни, объясняется потребностями сохранения от гибели размножающегося скота, содержать который при оседлом или полuosедлом образе жизни было практически невозможно. Поэтому нельзя согласиться с сомнением Г. Е. Маркова относительно правильности существующего в литературе предположения о том, что «рост поголовья стад может вызвать перерождение комплексного хозяйства в кочевническое» [172, с. 279]. Тем более что через несколько страниц он противоречит себе: «Скот — богатство кочевого хозяйства: увеличивалось его поголовье — возрастала потребность в пастбищах» [172, с. 299].

Итак, кочевничество появилось в глубокой древности, о чем свидетельствуют многочисленные прямые и косвенные факты. Например, мифологический образ — кентавр (человекоконь) в своей основе, как полагают ученые, имеет прямое отношение к кочевникам. Этот широко распространенный странный и страшный образ (наездник настолько сливался со своим скакуном, что они рассматривались слитно) был создан оседлыми людьми, чьи посеы, сады, луга уничтожались, как уже сказано, кочевниками, очень давно. У вавилонян легенда о полулюдях и полуживотных, т. е. кентаврах, появилась в XIII в. до н. э. [206, с. 47]. Отсюда, надо полагать, что само кочевничество, образ которого отражен в мифологии,

возникло еще раньше. Не могла же копия появиться раньше оригинала. Появившиеся в глубокой древности первые города-крепости, окруженные зубчатыми стенами, глубокими и широкими рвами, наполненными водой, может быть, вызваны также этими обстоятельствами, хотя понятно, что эти города защищались и от своих оседлых соседей. Конечно, кочевники-скотоводы могли приносить вред, проникая в зоны плодородного земельного участка в поисках лучших пастбищных угодий, вызывая, естественно, отрицательную реакцию у оседлых людей.

Наконец, о древности существования кочевого общества свидетельствуют вековые обычаи, традиции, образ жизни кочевников, сложившиеся на протяжении тысячелетий. У кочевников, например, все приспособлено к суровым условиям кочевой жизни. В образе их жизни не было ничего лишнего, все подогнано, продумано, выверено тысячелетним опытом. К. Маркс отмечал зависимость всех форм отношений, традиций от господствующего способа производства [7, с. 733].

Особое значение у кочевников имело коневодство: лошади неприхотливы, зимой они сами добывали себе корм из-под снега, мясо их питательно и легко усваивается. Особенно ценилось казы — особым образом приготовленная колбаса. Вильгельм Рубрук писал, что из кишок лошадей кочевники «делают колбасы, лучше, чем из свинины» [210, с. 73]. У казахов по сей день эти своеобразные колбасы являются одним из лучших деликатесов. Из глубокой древности до нас дошел и кумыс — напиток, приготовленный из кобыльего молока и имеющий целебные свойства. Кумыс употребляли еще скифы. Его пили и другие кочевники: гунны, саки, печенеги, тюрки, половцы, усунь, казахи, киргизы и др. На протяжении тысячелетий он являлся одним из самых распространенных напитков у всех кочевников-скотоводов, которые называли его богатырским напитком. Другим таким напитком у кочевников-скотоводов был шубат, приготовленный из верблюжьего молока.

Но главное, конечно, заключалось в том, что конь в условиях кочевой жизни — самое лучшее и удобное средство всякого передвижения. Поэтому кочевники-скотоводы считали его священным животным. Конечно, быстроходная, маневренная конница, быть может, до появ-

ления огнестрельного оружия была неуязвимой в сражениях, и эта ее особенность давала некоторые преимущества кочевникам перед оседлыми людьми. Но это обстоятельство также не должно приводить к выводу о том, что причиной появления кочевничества является конница, ибо последняя сама есть следствие скотоводства вообще.

Кочевники-скотоводы вынуждены были приспособляться к окружающим природным климатическим условиям, зачастую весьма суровым, так что им приходилось ограничивать круг потребляемых ими продуктов в основном той пищей, которую им доставляло животноводство.

«Вообще-то в жизни, — отмечает П. Голубовский на основе арабских источников, — кочевник был весьма неприхотлив. Главным образом его пища состояла из мяса, молока, проса. Мы не знаем, сеялось ли просо самими кочевниками. Может быть, это был единственный продукт их собственного земледельческого труда. Просо бросали в кипящую воду. Затем, изрезав мясо на кусочки, клали в этот отвар» [83, с. 220].

У кочевников все было подчинено необходимости постоянного передвижения. Из всех злаковых культур они действительно сеяли главным образом просо, потому что оно быстро созревает, нетрудоемко при выращивании, требует мало влаги и поэтому растет даже на песчаной почве [282, с. 200]. К условиям кочевого быта была приспособлена и вся домашняя утварь кочевников. Она состояла из небьющейся деревянной посуды и кожаных мешков для хранения воды, молока и кумыса.

Свежий воздух, кумыс, мясо способствовали тому, что кочевники росли здоровыми, физически крепкими и выносливыми, если не иметь в виду различные инфекционные болезни, перед которыми они были практически беззащитны. Арабский путешественник Ибн Баттута пишет, что «кипчаки народ крепкий, сильный и здоровый» [259, с. 283].

Как уже отмечалось, кочевое общество и в более позднее время, вплоть до XX в., сохранило немало черт образа жизни и быта древних кочевников. Вот так, например, описывается жизнь казахов-кочевников в «Обзоре Семипалатинской области за 1910 год»: «Как ни примитивно скотоводство в киргизских степях, оно до последне-

го времени удовлетворяло вполне все жизненные потребности кочевника. Летнее (всегда), а иногда и зимнее жилище киргиз (на юге) делается из кошмы (войлока), ежегодно заготавливаемой в больших количествах из овечьей шерсти. Для одежды киргизы готовят армячину (ткань из верблюжьей и овечьей шерсти) и тонкий плотный войлок, из которого шьются халаты. Из овчин и шкур молодых жеребят готовятся шубы. Шапку киргиз почти всегда носит меховую, по преимуществу из мерлушек, а иногда из шкур молодых жеребят. Посуда для хранения и квашения молочных продуктов готовится из выкопченных кож. Скот доставляет также топливо (кизьяк), которое киргизы употребляют даже там, где легко можно было бы топить дровами. Главную пищу кочевников летом составляют молочные продукты в квашеном виде: кумыс, приготовляемый из молока кобылиц, и айран — из коровьего и овечьего молока, из которого делают еще особого рода сыры (курт, еремчик). Во время зимы киргизы большей частью едят соленое и копченое мясо, главным образом лошадиное и баранье. Наконец, скот и избытки продуктов скотоводства, частью в сыром виде (кожи, шерсть), частью обработанном (войлок, волосяные и шерстяные веревки, армячина и т. д.) составляют предметы торговли киргизов на рынках и ярмарках оседлых населений» [192, с. 34].

Многие исследователи считают, что у казахов в этот период было натуральное хозяйство. Это, конечно, так, но в то же время казахи торговали с оседлым населением, в их быт проникали предметы земледелия и ремесла, они приобретали утварь, золотые украшения и т. д. В условиях кочевого быта приходилось пользоваться такими предметами, которые со стороны казались менее для этого пригодными, чем другие, но зато более соответствовали специфическим потребностям кочевника. Автор «Обзора Семипалатинской области за 1910 год», например, пишет о том, что кочевники топят кизьяком даже при наличии дров. Но это имело свое объяснение. Во-первых, кизьяк имелся везде, куда перегонялся скот, чего нельзя сказать о дровах. Во-вторых, стремясь сохранять растительный покров, кочевники не хотели уничтожать деревья, оголять степь.

Весьма практичными являются и предметы одежды у

кочевников казахов — сапоги (сокпа), внутри которых имеются своеобразные, длинные войлочные чулки; зимняя шапка (тумак), которая шьется из лисьего меха и сверху покрывается бархатом и др.

В быту кочевников были широко распространены ковры и кошмы, которые служили украшением и одновременно использовались для утепления юрты.

Конечно, кочевники приобретали и тюбетейки, и хромовые сапоги, и шелковые ткани и т. д., но все же предпочтение они отдавали тем вещам, которые наилучшим образом были приспособлены к суровым условиям кочевого быта. Говоря о натуральном хозяйстве кочевников-скотоводов, нельзя забывать и об этих особенностях кочевого общества.

Заслуживает внимания тот факт, что существует много общего между кочевниками различных времен и регионов. Это общее выражалось не только в образе жизни, но и в сходстве языка, обычаев, традиций и т. д.

Вот как происходила, к примеру, оборона от неприятеля у скифов. Геродот пишет, что «никакой враг, вторгшийся в страну скифов, не может уже спастись бегством, не может и настигнуть их, если только они сами не пожелают быть открытыми, потому что скифы не имеют ни городов, ни укреплений, но передвигают свои жилища с собой, и все они конные стрелки из луков, пропитание себе скифы добывают не земледелием, а скотоводством, и жилища свои устраивают на повозках» [80, IV, 46].

Торки, которые жили почти через тысячу лет после скифов, вели такой же образ жизни, как скифы.

П. Голубовский, ссылаясь на греческие источники, пишет: «Когда сражение не удавалось, или перед торками были большие неприятельские силы, которых они не надеялись одолеть, они устраивали подвижные укрепления. Они ставили в круг свои телеги, покрывали их бычьими шкурами, сажали на них жен и детей и отбивали приступы. Трудно было разбить эти преграды; страшных потерь стоило разбить эти телеги и проникнуть в середину этого оригинального укрепления. Когда неприятель решался их осадить, они видоизменяли несколько способ защиты: раздвигали немного телеги и делали между ними извилистые проходы. Часть торков занимали телеги. Из проходов выносились неожиданно их отря-

ды, нападая на неприятеля, и снова скрывались внутри круга» [83, с 216]

Можно привести другой пример, показывающий общность обычаев и традиций у кочевых скифов и позднейших кочевников

Вот как совершался обряд побратимства у скифов и у половцев

Историк Лукиан Самосатский приводит следующий рассказ скифа Токсариса об обряде побратимства «Мы приобретаем себе друзей не на пирушках, как вы (т е греки — Д К), и не потому, что известное лицо является нашим родственником или соседом, но, увидев какого-нибудь человека хорошего и способного на великие подвиги, мы все устремляемся к нему, и то, что вы делаете при браках, мы делаем при приобретении друзей усердно сватаемся за него и во всем действуем вместе, чтобы не ошибиться в дружбе или не показаться неспособным к ней И когда какой-нибудь избранник делается уже другом, тогда заключается договор с великой клятвой о том, что они и жить будут вместе, и в случае надобности умрут один за другого И мы действительно так и поступаем, с того времени, как мы надрезав пальцы, накапав крови в чашу и, омочив в ней концы мечей, отведаем этой крови, взявшись вместе за чашу, ничто уже не может разлучить нас» [69, 1948, № 1, с 308] Надо полагать, что имя Токсарис — это греческая транскрипция тюркского слова Тохсары У казахов по сей день встречаются имена Тохсейт, Ансары, Жансары и т д

П Голубовский пишет об этом обряде у половцев «половец прокалывает себе палец иглой и выступающую кровь дает сосать тому, кого избирает себе в постоянные спутники и друзья, после чего сосавший кровь своего товарища становится для него как бы собственностью, его кровью и телом Иногда употребляется и другой обряд Желаящие вступить в побратимство на полняли напитком медный сосуд, имеющий подобие человеческого лица, пили из него оба, собирающийся в путь и его спутник, и после этого уже никогда не изменяли друг другу» [83, с 222—223]

Обычай побратимства, который назывался тамырством, существовал и у казахов «Тамыры, — пишет Н И

Гродеков, — обнимают друг друга через обнаженную саблю или через коран, который потом целуют. Дети тамыров, продолжая дружбу, называются ата тамыр. Сваты называются сюяк тамыр (потомственные друзья)» [86, с. 41].

Тамыры — преданные во всем друзья. «У доса (тамыра. — Д. К.) можно уносить вещи без спроса», — пишет Н. И. Гродеков [86, с. 41].

О том, что между различными кочевыми народами, в том числе между кочевниками-казахами и, например, кочевниками сакского периода было много общего, свидетельствуют многочисленные факты. Об этом говорят асыки (абстрагали) — своеобразные бараньи косточки, найденные археологами при раскопках атасуских поселений, относящихся к бронзовому веку [97, с. 207], т. е. по крайней мере ко II—I тыс. до н. э., а быть может, к еще более раннему периоду.

Асыки (абстрагали) как игральные предметы в культуре быта казахов занимали исключительное место. Существуют различные способы игры в асыки. Ими забавлялись дети и взрослые. Нет почти ни одной сказки, где бы не встречались эпизоды с игрой в асыки. Много пословиц и поговорок сложил народ об этой игре. Находка асыков в раскопках, относящихся к бронзовому веку, говорит о том, что в это время животноводство было уже высоко развито.

Или такой момент. Гуннские военные подразделения делились на тумены, тысячи, сотни и различались мастью лошадей (черные, рыжие, серые) [37, с. 45]. То же самое имело место спустя 1000 лет в войсках Чингисхана.

Археолог А. К. Амброз пишет, что бытовая утварь: деревянная посуда, столики, детские колыбельки обычного в этнографии Средней Азии типа с костяной трубочкой для отвода мочи и др., которые иногда находят при раскопках курганов, как это имело место, в частности, в курганах Киргизии, показывают, «что эти вещи мало различались во всем кочевом мире» [46, с. 18]. Некоторые из этих вещей встречаются в быту казахов, киргизов и других народов по сей день. Весьма заметное сходство имеют также религиозные верования древних и поздних кочевников.

Например, до проникновения ислама религией кочевников было язычество. Оно сохранилось и после принятия ислама. Кочевники поклонялись солнцу и огню как прообразу Солнца. О том, что они поклонялись Солнцу, видно из послания царицы массагетов Тамирис царю Ахеменидов Киру II, захватившему ее сына: «... Возврати мне моего сына и удаляйся из нашей страны... Если же не сделаешь этого, клянусь Солнцем, владыкою массагетов, я утолю твою жажду кровью» [80, 1, 212].

Массагеты-кочевники жили в начале нашей эры на территории Сырдарьинских степей. Их культура была близка культуре других кочевых племен древнего Казахстана, о чем свидетельствуют многочисленные археологические находки, в частности погребение вместе с покойным его лошадей, ибо последнее считалось наилучшим подарком богу Солнца (а до приручения лошадей священным животным считался олень). За быстроту движения уподобляли их Солнцу.

Геродот писал о массагетах: «Из богов чтут они только Солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл этой жертвы тот, что быстрейшему из всех богов подобает быстрейшее животное» [80, 1, 216]. О поклонении Солнцу свидетельствуют и каменные гряды в курганах, всегда открытые «входом на Восток» [171, с. 432]. Об этом говорит, например, относящийся к I—II вв н. э. мавзолей Домбаула, что находится на берегу р. Каракенгир в Жезказганской области. Он имеет куполообразный вид, сделан из пластиночного сланца и обращен входом к Востоку, что свидетельствует о доисламском его происхождении. О том, что казахи наряду с исламом придерживались язычества и поклонялись Солнцу, писал Ч. Валиханов.

Страбон пишет: «Большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями, живущих далее к Востоку зовут массагетами и саками, а прочих называют вообще скифами, но каждое племя имеет и частное имя. Все они ведут по большей части кочевую жизнь» [254, IX, 7, 1]. Примечательно, что названия казахского рода адай, жившего в тех местах, и древнего племени даи созвучны.

У казахов есть поговорка: «Бастан кулақ садақа», что означает «Отдать уши в жертву голове». Думаем,

что это выражение существует с периода саков. Тогда отрезание ушей было формой наказания. Это лучше, чем смертная казнь с удалением головы (у кочевников не было тюрьмы, не было зиндана (подземелья), куда могли бы помещать наказуемых. Поэтому единственное средство наказания, в отличие от смертной казни, это отрезание ушей). Отсюда понятно, почему Дарий легко поверил саку Сираку, который, изуродовав себя, заявил, что с ним это совершили соплеменники.

У казахов до недавнего времени был обычай пугать детей за озорство предупреждением: «Қулағың кесем!» («Отрежу уши!»). Есть и другие обычаи у кочевников, которые при сравнительном подходе дают основание полагать, что возникновение их относится к седой древности. Геродот пишет: «Так как скифская земля очень бедна лесом, то скифами придуман следующий способ варенья мяса: содрав с животного кожу, очищают от мяса, затем кладут его в котлы туземного изделия (речь идет о бронзовых скифских котлах, известных из археологии. — Д. К.), зажигают кости животных и на них варят мясо; если котла не окажется, то закладывают все мясо в желудки животных, подливают воды и зажигают кости; они горят отлично, а очищенное от костей мясо легко помещается в желудке» [80, IV, 64]. О том, что кочевники-скотоводы в то далекое время для приготовления пищи в качестве топлива сжигали кости животных, свидетельствуют раскопки жилищ атасуских поселений [171, с. 212].

Но уже позднее, как уже сказано, кочевники сжигали, как и в последующие века, кизяк, а не кости животных. А вот способ готовить мясо в желудке животного просуществовал и до начала XX в. Сказанное говорит о древности возникновения многих, давно установившихся обычаев и традиций кочевников-скотоводов.

Глава 2

ЕСТЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КОЧЕВОГО СКОТОВОДЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Закономерности миграции кочевников-скотоводов

В основе появления кочевого скотоводческого хозяйства лежит приручение животных. С этим связано выделение особой категории людей, которые в отличие от охотничества или других форм хозяйства, занимались «одомашниванием» ранее диких животных, размножение которых служило естественной предпосылкой увеличения благосостояния скотоводов. Как уже отмечалось, вначале люди занимались приручением животных, ведя оседлый, затем полуоседлый образ жизни. Постепенно скотоводы стали переходить к кочевому образу жизни. Поскольку быстро размножающееся поголовье скота требовало соответствующего ухода, заготовки кормов, а в условиях низкого уровня развития производительных сил и скудного растительного покрова такая возможность была исключена, единственно возможной формой содержания большого количества скота стало постоянное передвижение скотовода и подножное содержание животных. Д. Е. Еремеев уточняет, что пастбищ не хватало не кочевникам вообще, а кочевой знати, в руках которой была сконцентрирована огромная масса скота, требовавшая расширения пастбищных угодий [102, с. 77]. Это и послужило объективной основой перехода от традиционной оседлой к кочевой форме хозяйства. На такой же точке зрения стоит С. П. Толстов [268, с. 89, 101].

Сперва кочевание носило, видимо, временный, сезонный характер. Такую форму скотоводства, как уже говорилось выше, называли пастушеством. Появление пасту-

шества Ф. Энгельс назвал первым крупным общественным разделением труда.

«У некоторых наиболее передовых племен, — писал Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства», — арийцев, семитов, может быть и у туранцев — главной отраслью труда сделалось сначала приручение и лишь потом уже разведение скота и уход за ним. Пастушеские племена выделялись из остальной массы варваров — это было *первое крупное общественное разделение труда*» [19, с. 160]. Под туранцами Ф. Энгельс подразумевал кочевников Средней Азии.

Однако к кочевому образу жизни перешли не все скотоводы. В первую очередь это сделали племена, обитавшие в тех районах земного шара, где естественно географические условия благоприятствовали этому. Конечно первоначально, когда зависимость людей от географических условий была сильной, переход к кочевому образу жизни был массовым. Но затем, когда люди научились заготавливать сено и создавать другие условия для стойлового содержания скота, значительная часть скотоводов стала возвращаться к оседлому образу жизни. Поэтому удельный вес кочевников на ранних ступенях общественного развития, надо полагать, был более значительным, чем в последующие периоды. Так, многие европейские народы в прошлом, в том числе и древние германцы, были скотоводами, а некоторые из них вели кочевой образ жизни. Но в дальнейшем кочевничество как тип хозяйства сохранилось в районах степной зоны.

Автор главы «Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII века» коллективной монографии «Степи Евразии в эпоху средневековья» А. К. Амброз пишет: Кочевникам, несомненно, принадлежит подавляющее большинство могил в степи. О безраздельном господстве кочевников в степной зоне сообщают письменные источники. Поэтому каждое степное захоронение с конем и оружием можно уверенно считать кочевническим» [46, с. 12].

Обычно, когда речь идет о кочевничестве, то имеют в виду районы южнее Алтайских гор до Каспийского моря, от Черноморских степей до Китая. Это связано лишь с определенными климатическими и географиче-

скими условиями многих из этих районов. Здесь скот круглый год мог находиться на подножном корме. Неглубокий снежный покров позволял животным в зимнее время находить себе корм. С другой стороны, преобладающий здесь низкий, а местами редкий травостой не позволял людям заниматься заготовкой сена в большом количестве, чтобы стойлово или полустойлово содержать скот. В степных просторах и на плоскогорьях этого региона заниматься другой формой сельского хозяйства, кроме кочевого скотоводства, было в то время практически невозможно.

А. Хазанов в статье «Пешие и конные» допустил одну неточность. Он полагает, что во II тыс., когда во многих странах появились колесницы, совершившие своеобразную революцию в ведении боя, в степях Евразии появились всадники. Автор пишет: «Произошло это, примерно, в середине II тыс. до н. э. А еще спустя приблизительно половину тысячелетия жители степей, забросив все остальные занятия, окончательно перешли к кочевому образу жизни. Лошадь была для этого незаменимым животным. Очень скоро выяснилось, что она незаменима и для военного дела» [74].

Выходит, неведомо из-за каких причин жители степей, вдруг забросив прежние занятия, перешли к кочевому образу жизни. Далее, кочевничеству, выходило, предшествовало всадничество. Это значит, что верховая езда послужила причиной появления кочевничества. Конечно, лошадь, верховая езда сыграли решающую роль в быстрейшем передвижении людей [203, с. 131], следовательно, и в военном деле. Однако вывод о том, что причинами появления кочевничества были коневодство и верховая езда, является неубедительным. Самое главное, это утверждение не учитывает влияния экономических факторов.

Необходимость перекочевания с одного места на другое определяется потребностями скотоводческого хозяйства. Гиппократ (460—377 гг. до н. э.) писал о постоянном следовании кочевников-скотоводов за скотом: «На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не хватает, переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят «иппаку» (это сыр из ко-

быльего молока). Слово «иппак» может быть «аппак» (белый). У казахов всякое лакомство из молока называют агарган (белое. — Д. К.). Таков образ жизни и быт скифов» [69, 1947, № 2, с. 296].

Н. Я. Бичурин о стране усуней сообщал, что их «земли ровные и травянистые; страна слишком дождливая и холодная. На горах много хвойного леса. Усуньцы не занимались ни земледелием, ни скотоводством, а со скотом перекочевывали с места на место, смотря по приволью в траве и воде» [61, т. 2, с. 190]. Если выпадал снег, скот на водопой не гоняли. Поэтому скот зимой часто угоняли в безводные места.

Говоря об особенностях быта кочевников-скотоводов, венецианский посол Амбросий Канторини, проезжавший через кочевые районы Ирана в 1473 г., писал следующее: «В ночь весь лагерь поднимается и направляет свой путь к избранному становищу, назначенному большею частью в местах, обильных пажитями и водою» [150, с. 166]. Такой же способ содержания скота существовал издревле в Дашт-и Кыпчак.

«Когда мы пересекли ее (гору), — писал Ахмед Ибн-Фадлан в начале X в. н. э., — мы выехали к (кочевому) племени тюрок, известных под названием гузов. И вот они, кочевники... Ты видишь их дома то в одном месте, то те же самые в другом месте, в соответствии с образом жизни кочевников и с их передвижением. И вот они в жалком состоянии» [145, с. 125].

При кочевом образе жизни даже состав поголовья зависел от определенных естественно-географических условий. Так, в степных и пустынных районах почти не содержался крупный рогатый скот, а более приспособленными к этим условиям были кони, верблюды, грубошерстные овцы. Особое внимание при этом уделялось коневодству. При этом развивалась такая порода лошадей, которая отличалась своей выносливостью, неприхотливостью, и приспособленностью к суровым климатическим условиям Центральной Азии и Западной Сибири. Нежелание кочевниками разводить свиней вызвано не только религиозными соображениями (запрет наложен исламом). Этот обычай берет начало с глубокой древности и вызван особенностями кочевого быта, когда содержать свиней невозможно. Не разводи-

дили свиней не только казахи, киргизы, башкиры и др., но и монголы.

Наличные географические условия определяли и характер самого кочевания. Интересы скотоводческого хозяйства требовали, чтобы кочевники расселялись вдали друг от друга небольшими селениями или аулами. Это было вызвано тем, что большое количество скота, которое перегонялось с места на место, требовало значительной территории для обеспечения его прокорма.

«Киргизы (казахи. — Д. К.), — пишет А. Е. Алекторов, — редко живут большим числом в одном месте; стадам их было бы очень тесно, они составляют, так сказать, небольшие общества из нескольких семейств, связанных родством или взаимными выгодами, их маленькие селения называются аулами, количеством кибиток иногда пятнадцать-двадцать. Аул всегда называется по имени главного человека; кибитки разных, друг от друга не зависящих людей, хотя бы совершенно близких один к другому, считаются разными аулами» [31, с. 2].

Так было в XIX в. Но почти такой же характер, на наш взгляд, носило кочевание и тысячу, и две-три тысячи лет тому назад. Еще печенег, саки кочевали небольшими передвижными селениями во главе с родовыми и племенными вождями, старейшинами. Такая разбросанность не мешала им в нужный момент под предводительством своего племенного вождя объединяться в определенный союз и превращаться в кочевую орду. Кочевники, расселяясь небольшими аулами на расстоянии 10—15 км друг от друга, занимали значительную территорию, и при постоянном передвижении их многочисленные стада двигались лавиной, поедаящей весь растительный покров на своем пути, что, естественно, наносило большой ущерб земледельческому населению. Кочевник-скотовод при временных остановках для пастбы скота ставил свою юрту не где попало, а в наиболее благоприятных для жизни людей и скота местностях, и чтобы рядом с юртой была какая-то возвышенность или сопка, куда он мог взбираться утром и вечером и обозревать окрестность в радиусе 10—15 км. Не случайно в период образования казахского народа

территория его трех жузов превышала 2,7 млн. кв. км при крайне незначительной плотности населения.

При кочевом скотоводстве для обеспечения людей жизненными средствами на одного человека требуется значительно больше земли, чем в условиях земледельческого хозяйства, если даже качество земли оказывается одинаковым. Так, по данным Н. Г. Чернышевского, «кочевой народ нуждается в 1,5 десятины земли на душу, а земледельческий народ, даже при примитивном земледелии — 0,78 десятины» [286, с. 23]. Таким образом, на душу населения при кочевом хозяйстве требуется почти в два раза больше земли, чем при оседлом. Конечно, расчеты Н. Г. Чернышевского приблизительны, поскольку количество скота на душу населения у кочевников разное, значит, размеры земельных площадей тоже. Если местность пустынная или полупустынная, с редким растительным покровом, то земли потребуется в несколько раз больше. Но в высказываниях Н. Г. Чернышевского схвачена суть вопроса, и это главное. Подсчитано, что средняя семья кочевника-скотовода могла существовать, имея 24—25 лошадей. Для такого количества скота требовалось от 2 до 3 кв. км пастбищ [119, 1974, № 10, с. 16].

Причин, вызвавших непрерывное передвижение кочевых скотоводческих племен на новые территории, много: перенаселенность, засуха, эпидемии, но главные коренились в экономических факторах, в особенностях их способа производства. К. Маркс писал, что у племен, занимавшихся скотоводством, охотой и войной, «способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени. . . Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать... полные опасностей великие переселения...» [2, с. 568].

Кочевники объединялись в различные орды и кочевали не в одиночку, а племенами, в случае необходимости они отражали нападки захватчиков, вступая с ними в бой, отстаивая свой скот, свои права на территорию кочевания.

Не случайно почти весь героический эпос казахов,

как и других скотоводческих народов, повествует о том, как они освобождают от вражеского плена своих родных, близких, угнанный скот и т. д. [133, с. 270]. Видимо, вполне естественное чувство возмездия за нанесенные обиды у кочевников было умело использовано отдельными степными захватчиками. Так, видимы, и появились некоторые военные союзы кочевников, основой жизни которых является не скотоводческое хозяйство, а грабеж и насилие, каковыми были гунны, орды Чингисхана и т. д. А страдал от этого, прежде всего, простой, ни в чем неповинный народ.

Так, гунны постоянно воевали с китайцами, в результате, как отмечает Н. Я. Бичурин, «срединное (т. е. китайское. — Д. К.) государство изнурилось, истощилось, но и хунны получили глубокие раны» [61, т. 1, с. 107].

Вот как описывается в китайских источниках картина такого боя с кочевниками: «Отец сражался впереди, сын умирал назади, слабые женщины стояли на пограничных притинах (т. е. на пограничных точках. — Д. К.), малолетние дети плакали на дорогах; престарелые матери и вдовы приносили тщетные жертвы и, обливаясь слезами, обращали взоры к теням павших в песчаных степях» [61, т. 1, с. 126].

Для защиты от кочевников китайцы в IV—III вв. до н. э. воздвигли Великую стену длиной в 6 тыс. км, высотой 10 метров и толщиной у основания 6 метров. Эта стена имела не только военное, но и хозяйственное значение, ибо она спасала страну от песчаных заносов из пустыни [263, с. 177].

Если одна часть кочевников двинулась на юг в сторону Китая, то другая стала продвигаться в противоположном направлении, на север в тайгу. Основное население Якутии имеет много общего с кочевниками-тюрьками. Это видно из языка якутов. Якуты себя называют «саха», что напоминает имена кочевников-саков и означает «настороженность», «бдительность» или, возможно, «зрелый», «опытный».

Якуты — это самый северо-восточный из тюркских народов. Ученые полагают, что они оказались в этих краях в эпоху неолита и, сблизившись с местным населением, стали заниматься кроме скотоводства зем-

леделием и охотой. О том, что якуты пришельцы с юга, говорят не только языковые, но и этнографические, фольклорные и другие особенности.

«В этнографии якутов, — пишет известный антрополог В. П. Алексеев, — нашлись своеобразные черты, роднящие их с южными народами — бурятами и монголами, в сказаниях-воспоминаниях о жизни вокруг Байкала и на Южной Лене» [30, с. 273].

Возникает предположение, что, может быть, Приленская тайга обладала несколько тысячелетий назад теплым климатом и богатой растительностью и это способствовало миграции кочевников-скотоводов далеко на север.

Так или иначе, то ли по хозяйственным причинам, то ли из-за притеснения других племен, предки якутов, оставив свои насиженные места где-то в районе Алтая и Байкала, а может быть, еще ближе к югу, перекочевали глубоко на север, в тайгу, где и остались жить постоянно. При этом какая-то часть, возможно, направилась на восток. Например, тюркские могильники археологами раскапывались и в Туве. В основном, это были остатки богатых погребений кочевников-скотоводов.

Известно, что Западная Сибирь с древнейших времен населялась предками нынешних угорских и самодийских народов — ханты, манси, а также ненцы, энцы, нганасаны и селькупы. Но лингвисты, изучающие местные географические названия, обнаружили, что некоторые из этих названий не находят объяснения в угорских и самодийских языках. Например, такие названия, как Уренгой, Сургут, Тура, Тюмень и др., носят ярко выраженный тюркский характер. «Это означает, — считает М. Косарев, — что когда-то, в далеком прошлом, на Западно-Сибирскую равнину приходили переселенцы из далеких южных стран. Но им не суждено было сохранить на долгое время свой язык и самобытную культуру: они полностью или почти полностью растворились в среде местного западносибирского населения. Память о них хранится в дошедших до нас древних названиях рек и озер, гор и урочищ. И еще о них, об исчезнувшей культуре рассказывают древние поселения и могильники, что раскапывают археологи». [119, 1974, № 10 с. 16]. Но подавляющее большинство

кочевников-скотоводов, как уже было сказано, лавинами, поэтапно стало продвигаться на Запад, т. е. в Среднюю Азию, а затем оттуда за Яик (Урал), за Едил (Волгу), Приазовские и Причерноморские степи, часть — в Малую Азию начиная с IV—V вв. и кончая XII—XIII веками. Пришельцы из Средней Азии смешались с другими этническими общностями Малой Азии, сохраняя много специфических черт в образе жизни, языке и т. д. [101, с. 6]. Об этом говорит анализ тюркской топонимики.

Скифы-кочевники, сарматы, саки, массагеты, огузы, гунны, печенеги, торки, половцы и т. д. в разные периоды своей истории волнами переселялись в Восточную Европу из Средней и Центральной Азии: «В массе народов, — пишет П. Голубовский, — двигавшихся в средние века из Азии в Европу, последними явились... печенеги, торки и половцы. Шествие, впрочем, окончательно завершилось татарами, нахлынувшими в XIII ст». [83, с. 33].

Саки, по Геродоту, — народ Азии скифского племени [80, VII, 64].

Скифы-кочевники, вытесняемые массагетами, как полагает Геродот, пришли в Восточную Европу из Азии, перейдя Аракс [80, IV, 11]. Конечно, и до прихода кочевых племен Причерноморские степи представляли собой район, где обитали различные племена, занимавшиеся охотой, земледелием, торговлей и т. д. Скифы, как полагает Геродот, вытеснили из Причерноморья ранее обитавший здесь народ [295, с. 25]. Причем характерно, что скифы появились здесь почти за 1000 лет до гуннов, а гунны — за столько же лет до татаро-монгольского нашествия. В промежутках между этими периодами, разумеется, была масса мелких передвижений печенегов, гуннов, половцев и т. д.

Восточная Европа, т. е. степная полоса между Днепром, даже Днестром и Уралом, ограниченная на севере полосой лиственного леса, а на юге Черным и Каспийским морями, прельщала кочевников из пустынных районов Азии богатством своей природы, обилием трав и водопоев. Особенно их привлекали долины Дона, Терека, Волги, Днепра и т. д. Не случайно восточно-европейские степи, где находились половецкие кочевья,

привлекали первоначально скифов, затем гуннов и др. [91, с. 6]. О том, что кочевники прибыли в эти районы в разное время из Азии, свидетельствуют многочисленные факты, в том числе то обстоятельство, что раньше в этих районах стояли дремучие леса с богатой фауной, которые с приходом кочевников-скотоводов с их многочисленными стадами постепенно стали редеть, а в некоторых местах исчезли совсем. П. Голубовский пишет, что «еще во времена Геродота мы застаем в наших степях кочевников-скифов, но затем на виду истории приходят гунны, авары, венгры, печенеги, торки, половцы, а в заключение явились татары. Каждое из этих племен оставляло след в убыли лесов» [83, с. 3—4].

Скот, когда он содержится в большом количестве, подвергает потраве местность, щиплет молодые поросли деревьев, ломает ветки, разрушает естественные стоки вод. Все это отрицательно сказывается на состоянии леса. Об истреблении лесов [143, с. 64], об обеднении животного мира [174, с. 350] в отдельных районах Восточной Европы в результате проникновения кочевников-скотоводов сообщается в ряде источников.

О том, что кочевники пришли с Востока, свидетельствуют названия различных племен. Например, некоторые исследователи полагают, что «печенег» — название печенего-угорское и происходит от слов «Јах» человек и «Ретсен» сосновый, что означает сосновые люди [100, с. 4], т. е. люди, прибывшие из сосновых лесов. А может быть, «печенег» происходит от тюркских слов «пешене» (судьба) или «песене» (скупая теща) и т. д. Возможно, это даже не собственное имя племени, а прозвище, данное другим. Ф. Энгельс писал, что «названия племен, по-видимому, большей частью скорее возникали случайно, чем выбирались сознательно, с течением времени часто бывало, что племя получало от соседних племен имя, отличное от того, которым оно называло себя само...» [19, с. 93]. Ахмед Ибн-Фадлан о печенегах пишет, что этот народ у тюрок, они идолопоклонники и имеют много овец [145, с. 152].

Несколько иная этимология слова «куман» — в византийских источниках так называли кыпчаков (половцев).

Этимология слова «хунну» также не может счи-

таться раскрытой. «Хунну», — пишет Н. Я. Бичурин, — есть древнее народное имя монголов. Китайцы при голосовом переложении сего слова на свой язык употребили два слога: хун — злой, ну — невольник. Но монгольское слово «хунну» есть собственное имя и значения китайских букв не имеет» [61, т. 1, 39].

Мы не имеем сведений о том, как себя называли гунны. Ясно лишь одно, что гунны — это большое племенное образование, куда вошли многочисленные кочевые племена, в том числе и такие, которые говорили по-тюркски. На основании произведенного учеными анализа лингвистических данных можно утверждать, писал А. Н. Бернштам, что «единого гуннского языка не существовало. Гунны говорили на различных языках и диалектах, из которых развивались тюркские и, может быть, монгольские языки» [59, с. 55]. Но этимология многих гуннских слов носит ярко выраженный тюркский характер. В. П. Алексеев отмечает, что гунны говорили на одном из тюркских языков. Он считает это авторитетным мнением современной науки [30, с. 272].

Название племени «канглы» некоторые исследователи ведут от тюркского слова «канк» (скрип). Это племя, как передает легенда, когда-то придумало телегу, которая сильно скрипела. Отсюда и пошло его название. Рашид ад-дин пишет, что члены этого племени «по соображению собственного ума сделали повозки» [229, с. 84]. У кочевников-скотоводов арба упоминается с древнейших времен. Об этом говорят различные литературные источники, данные археологических исследований [211, с. 69; 112 с. 404; 258, с. 282].

Венгерские сказания упоминают о далекой от голубого Дуная прародине, где кочевали предки этого ныне центральноевропейского народа [222, 1975, 23 марта]. Многочисленные письменные, археологические и другие источники говорят о том, что в этот район, на территорию нынешней Венгрии, кочевники мигрировали не только после разгрома их татаро-монгольскими полчищами, но, может быть, и еще раньше, в связи с поисками лучших пастбищ.

Близкие к венграм по языку, традициям, бытовому укладу кочевники жили когда-то на Каме, Вятке, Печо-

ре (марийцы, удмурты, коми), на Оби (ханты и манси и др.) [222, 1975, 23 марта]. И в эти края кочевники попали из Центральной Азии, которая являлась классической прародиной кочевого общества. Население Балкан, по мнению Д. Е. Еремеева, сохранило много общих черт с тюркскими племенами, пришедшими сюда из южнорусских степей [101, с. 2].

При раскопке древних могильников на территории Татарской АССР обнаружены конские кости, принадлежности сбруи — удила, уздечки, украшенные серебром или бронзой, стремяна, железные сабли в ножнах с серебряными обкладками, наконечники стрел, детали луков и колчанов, кожаные ремешки, украшенные фигурными накладками и др. Аналогичные предметы обнаружены в древних могильниках дунайских венгров, относящихся к IX—X вв. н. э. [222, 1975, 23 марта]. На основании найденных катакомб при раскопках археологами Чингульского кургана в Запорожской области в 1981 г. ученые пришли к выводу о проникновении этой культуры в Северное Причерноморье не позднее IV—II тыс. до н. э. из Передней Азии в результате миграции кочевников-скотоводов, поскольку время зарождения катакомбной культуры относится к VIII—VII тыс. до н. э., а ее исчезновение с арены падает на середину II тыс. до н. э. [119, 1982, № 10, с. 20—23].

О том, что все кочевники, жившие в степях Восточной Европы, пришельцы с Востока, свидетельствуют не только археологические находки в могильниках [43, с. 22], но и обычаи, фольклорно-эпическая традиция.

Распространенный у народов Средней Азии, Кавказа лирико-героический эпос «Қор оглы» своими корнями также уходит к кочевым народам, жившим в глубокой древности в районе Орхоно-Енисея, о чем свидетельствуют ономастические и топонимические понятия, встречающиеся в этом эпосе. По утверждению доктора филологических наук А. Конратбаева, таковыми являются, например, «Хоркин» (что следует читать как Орхон), «Сары Озек» — Желтая река (Хуанхе), «Аудак Кол» — озеро Хуадак (Варахш), Хорхарун (Каракорум) и т. д. [129, 1974, 20 сентября].

Интересным является и такой факт: все кочевники, жившие в Восточной Европе, — печенеги, торки, полов-

цы имели обычай брить головы, подстригать усы и бороды [83, с 189] Этот обычай в конце XIII в стал сильно распространяться и в Венгрии [83, с 189—190], у среднеазиатских кочевников он существовал вплоть до 20—30-х гг XX в

Может быть, печенеги, торки и половцы — названия близких между собой по характеру хозяйства, образу жизни и говорящих на одном языке разных кочевых племен? Если даже они жили в разные исторические периоды и вторглись в Европу в разное время, то их потоки затем сосуществовали, это способствовало выработке у них единого образа жизни, общих традиций и т д Рашид ад-дин пишет «Различные ветви тюрков, которые известны в настоящее время, имеют между собой близкое родство» [229, с. 75] Не случайно в русских летописях названия их упоминаются рядом, путем простого перечисления [218, с 196], скажем, какой-то русский князь заключил союз с половцами, печенегами, торками, чтобы совместно выступить против кого-то

Наконец, о том, что все эти кочевые народы — пришельцы с Востока, свидетельствует тот факт, что у кочевников южнорусских степей и состав стад был азиатским Это кони, верблюды, овцы В летописи встречаются среднеазиатские виды скота, например верблюды (или вельблюд, как это там написано) [219, с 283—284]

В Скифии встречались и лошади другой породы, а именно более крупные, с тонкой, красиво изогнутой шеей, высокими стройными ногами Эти лошади напоминают современных ахалтекинцев, что также дает основание полагать, что они попали в причерноморские степи из Средней Азии [295, с 34]

В исследовании истории прошлого огромное значение имеет этимология слов, естественные географические названия местностей, хотя некоторые временами менялись или передавались в искаженном виде Многие из них имеют древнее происхождение Например, Торгоут — собственное имя главного монгольского племени Но это же слово встречается и на казахском языке Тоғыз санды Торғауыт» (т е девятый по счету Торгоут) Например, у казахов, есть такая поговорка, связанная с упоминанием географических названий далеких мест: «Ұлы ырымға, қызы қырымға кетті» («Сына

отдали в залог, а дочь в Крым», т. е. в рабство).

Изучение исторических фактов, археологических данных в сочетании с этнографическими наблюдениями, пословицами, поговорками помогает понять смысл многих сложных проблем.

Как показывают исторические данные, кочевники Орхоно-Енисея говорили на тюркском языке, на этом же языке до гуннов говорило и население Средней Азии и Казахстана. Н. К. Антонов считает, что тюркский язык мог выделиться из алтайской группы языков во II тыс. до н. э. [37, с. 16]. Об этом свидетельствуют и названия местностей (топонимия), рек, озер и т. д., а также этимология слов. Например, рунические надписи орхоно-енисейских тюрок, Кодекс куманикус и др. написаны на тюркском языке. Такие слова, как «апа» (сестра), «аға» (брат), «ене» (свекровь), «куда» (сват) и т. д., существовали на языке орхоно-енисейских тюрок еще в I тыс. до н. э. Эти же слова издревле существовали в языке населения Приаральских и Прикаспийских степей. Многие географические названия на Алтае, как и в Западной Сибири и Восточной Европе, имеют тюркское происхождение. Так, название реки Енисей происходит от древнетюркских слов «Ене-сай», что означает «матушка лощина», название оз. Байкал — от древнетюркских слов «Бай-Кол», что означает богатое озеро; Саратов происходит от «Сары-Тау» — желтая гора и т. д.

Говорили по-тюркски не только кыпчаки (половцы). В. П. Алексеев считает, что язык хазар и карaimов — тюркский, религия — иудаизм [30, с. 284, 285]. Как уже сказано, государственным языком не только Золотой Орды во главе с Батыем, но и хуннской орды во главе с Атиллой, был тюркский язык. Следовательно, тюркский язык такой же древний, как само кочевое общество.

Об этом свидетельствуют имена людей, отдельные слова, названия местностей, донесенные до нас путешественниками через иностранные транскрипции. У печенегов, например, были имена Кучук (собачонка), у найманского хана тоже было такое имя, Куел (тотем), Куркут (пугач), Темир (железо). У них был богатырь, которого звали Темир Хозы [219, с. 160]. У огузов тоже есть такие имена, например дядя Куркут, или Ватан,

Илдей (Родина) и др. [219, с. 39, 57, 64, 68]. Имена аварских послов, такие, как Кандик (ханство), Солах (левак), Кок (синий) [223, 1982, № 11, с. 56], носят тюркский характер.

Такие же тюркские имена встречаются у хуннов. Вот исторические имена хуннских вождей: Едиге (наставник Аттилы, Берих (Берик), Ойварси, Актар, Мынзык и др. Имена жен и детей Аттилы тоже тюркские, как и имя самого Аттилы (Едил): Эллак, Ескалма, Узынтура, Емназар, Оте, Тениз, Ернак [198, с. 23]. То же самое мы говорили уже об имени скифа Тохсарис (тохсарл), которое имеет ярко выраженный тюркский смысл.

Мы не знаем, на каком языке говорили саки. Но если иметь в виду, что тюркский язык сложился примерно во II тыс. до н. э., то можно предположить, что саки, жившие в то время, даже позднее его, и на территории, где позднее жили тюрки, говорили на языке, в котором имели место элементы тюркского языка. Это относится не только к топонимике — «Жез-қазған» (медь копал), «Қой қрылған қала (город падежа овец). существование которых относится к сакскому времени.

У Геродота и других авторов встречаются такие названия рек в стране массагетов и саков, как Лик, Оар, Сиргиз [80, IV, 23, 57]. Их, как полагают ученые, надо читать соответственно как Елек, Ор, Иргиз [69, 1947, № 2 с. 282], встречающиеся на территории Западного Казахстана.

Арабский путешественник Ахмед Ибн-Фадлан, проезжавший через земли Западного Казахстана из страны Хорезма в страну Булгарского царства 20 марта 922 г., перечисляет названия рек, которые он форсировал; в частности, упоминаются реки Оленти, Анкаты, и т. д. Эти реки так называются и по сей день. Что же касается этимологии этих наименований, то трудно сказать, когда они были названы и на каком языке. Может быть, «Оленти» слово тюркское, что означает «песенное», ибо река была многоводная и текла, наверно, с шумом. В таком случае «Анкаты» также имеет тюркское происхождение, тем более что автор упоминает об оз. Шалкар. Значение этого слова «широкое». Но не всегда так легко обстоит дело. Есть отдельные слова, имена людей, смысл которых нам неизвестен.

Из всего сказанного вытекает, что и миграция кочевников-скотоводов из Центральной Азии происходила во всех направлениях, начиная с самой глубокой древности. Говорили они, очевидно, по-тюркски или на близком тюркской группе языке [129, 1980, 15 февраля].

Взаимосвязь кочевого и оседлого хозяйства

Кочевое скотоводческое общество не представляло собой замкнутой системы, изолированной от других социальных и этнических групп, общностей людей. Сама миграция являлась формой контактов.

Кочевники-скотоводы не могли обходиться без обмена продуктами своего хозяйства с оседлым населением, так же как последние, в свою очередь, нуждались в постоянных торговых связях с кочевыми народами. По существу, такой обмен вытекает из природы первого крупного общественного разделения труда — отделения пастушеских племен от земледельческих, отделения ремесла от земледелия, города от деревни. Взаимный обмен продуктами между кочевым и оседлым хозяйством восходит к глубокой древности. Уже в те времена он составлял существенный элемент производственных отношений. Кочевники не могли обходиться без многих предметов одежды, хозяйственной утвари, предметов роскоши, изготавливаемых людьми, ведущими оседлый образ жизни. В свою очередь земледельцы нуждались в животноводческих продуктах и сырье. Эта была естественная потребность, взаимная экономическая тяга друг к другу. Обмен продуктами земледелия и животноводства осуществлялся в караван-сараях, на ярмарках, базарах и т. д., где велась бойкая торговля. По мнению средневекового поэта и мыслителя Юсуфа Баласагуни, ни город, ни степь не могут обойтись без обмена и продажи необходимых продуктов потребления. В советах правителю в отношении кочевников-скотоводов он пишет: «Что они просят, то дай. Возьми то, в чем ты нуждаешься» [300, с. 666].

В тех местах, где постоянно осуществлялись торговые операции, как уже отмечалось, появлялись населенные пункты, очаги культуры и т. д. Именно таковыми

были города, возникшие в низовьях Сырдарьи: уже упомянутые Отрар, Сыгнак, а также Ясы (Туркестан), Собран (Сауран), Тараз, Дженд (развалины его находятся к югу от Кзыл-Орды), Янгикент (развалины его расположены к югу от Казалинска) и др. [48, с. 234, 235, 236].

«Хотя мы империю получили сидя на лошади, — говорится в одной из монгольских хроник, — но управлять ею сидя на лошади невозможно» [120, 1976, 28 марта]. Как видно из этой хроники, кочевники отчетливо осознавали необходимость связи между оседлым и кочевым хозяйствами, и в данном случае ее административный аспект.

Но еще важнее экономическая сторона этой связи. Например, о Каракоруме — столице монгольской империи — в источниках говорится, что он «разделялся на несколько частей. Один из них, который назывался кварталом сарацинов (сартов. — Д. К.) представлял собой обширный базар с лавкой» [120, 1976, 28 марта].

Раскопки древнего города Отрара, которые ведутся сейчас, показывают, что он был не только административным центром, но и центром оживленной торговли между кочевниками-скотоводами и оседлыми людьми. На городской рынок пригонялись из кочевой степи кони, верблюды и другие животные. О характере этой торговли говорят не только найденные при раскопках города осколки гончарных изделий, но и сохранившиеся кости крупных животных.

На вырученные в результате продажи скота деньги кочевники приобретали обувь, одежду, предметы украшения, быта, посуду, конскую сбрую, оружие, зерно, муку, сушеные фрукты и т. д. Такие центры торговли обычно возникали в пограничных между кочевыми и оседлыми населенными районами. Так было на Западе, на Востоке и на Юге кочевой степи.

В долине реки Талас торговыми центрами были города Джикиль, Барсхан, Бехлу, Атлах, Хамукет и др. — всего десять.

Крупным торговым и культурным центром был город Сыгнак. Развалины древнего города холмом возвышаются над окружающей равниной вблизи ж.-д. ст. Тюмень-Арык. Похоже, что здания в городе были по-

строены из жженого кирпича и камней. Город был окружен 20-метровым рвом.

В сочинении «Михман-намэ-и Бухара» (книга бухарского гостя), которое относится к началу XVI в., имеется любопытное свидетельство о Сыгнаке. В нем он рассматривается как «самый крайний город в низовьях Сырдарьи. Здесь кончается культурная полоса (орошенные земли) и дальше на север тянется песчаная степь». В прежние времена Сыгнак, по мнению автора, был очень большим и имел хорошие пашни и постройки. Он даже называет его «бандар-и Дашт-и Кыпчак», т. е. гаванью кыпчакской степи. Подчеркивая, что культурные земли шли узкой полосой, он сообщает, что они орошены каналами, выведенными из Сырдарьи. Несколько ниже тот же автор говорит, что узбекские ханы из рода Шайбани устроили себе недалеко от Сыгнака кладбище называемое «Кок-Кесене», где находился их некрополь (могилы и гробницы). Когда кто-нибудь из них умирал, то прах перевозили сюда и «на мазаре» его выстраивали высокий «гунбаз» (купол) [84, с. 307—308]. Рассказывают, что Кок-Кесене был священен потому, что здесь якобы похоронена когда-то Гульбаршин — жена эпического героя Алпамыса. Еще в начале нашего столетия путешественники отмечали наличие его развалин. Сейчас эти места не выделяются. Из местных жителей никто не знает, где находился Кок-Кесене. Следует отметить, что даже сам Сыгнак до сих пор по-настоящему не подвергался археологическим раскопкам. Что таят в себе заросшие кустарником холмы древнего Сыгнака — крупного торгового города и столицы Белой Орды, пока мало известно.

Сыгнак начинает упоминаться в арабских источниках чаще всего в связи с историей хорезмшахов Атсыза и Мухаммеда (XII — начало XIII в.), которые вели определенную политику за присоединение этого и других городов к своим владениям [84, с. 307], затем как столица Белой Орды [84, с. 311, 312, 313, 321].

Однако утверждать, что появление этих городов относится к XI или XII вв. или что они появились в связи с мусульманскими переселениями IX—X вв., было бы неверно, хотя такая точка зрения, как отмечают Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, прочно существует в лите-

ратуре [84, с. 307]. Дело в том, что и до нашествия арабов города здесь были, поскольку на территории Казахстана издревле существовали кочевые племена и они вели, как уже отмечено, торговый обмен с оседлым населением. Например, Отрар существовал до арабского нашествия. Но позднее, после арабского завоевания, он был переименован в Фараб. Возможно, то же произошло с Сыгнаком и другими городами, которые появились задолго до арабов, о чем свидетельствуют хотя бы их тюркские, а следовательно, кыпчакские названия.

Среди местного населения существует предположение, что название Сыгнак происходит от двух тюркских слов: «су» и «нак», что означает «вода будет непременно, точно». Город возник у предгорья Каратау. Это обеспечило его водой, за счет весенних паводков. Кроме того, город находился недалеко от реки Сырдарьи, от которой к нему был проведен канал, который получил название Тюмень-Арык (Нижний арык).

В начале XX столетия В. В. Бартольд приезжал в тюмень-арыкские места; он писал, что видел остатки этого арыка и развалины Сыгнака. «Об арыке Тюмень говорится, — пишет В. В. Бартольд, — что он вытекает из Сырдарьи, как известно, этот арык сохраняет свое название до сих пор» [53, с. 202].

В 1940 г. здесь был построен Главный Чиилийский канал; всегда полноводный, он является основой высоких урожаев риса в этих местах.

Недалеко от Сыгнака находился большой город Джупан-ана, расположенный в 8 верстах от устья реки Кенгир, впадающей в Сарысу. Развалины его были видны еще в конце XVIII в., где П. И. Рычков обнаружил пять полуразрушенных мечетей и развалины других построек. Местные жители говорили ему, что «тут бывало жилище некоторого ногайского хана» [243, с. 261—262].

На берегу той же Сарысу был другой большой город — Белян-ана (может быть Баян-ана. — Д. К.), развалины которого занимали 6 верст в длину и с версту в ширину, что позволяет судить о его размерах [243, с. 261—262]. П. И. Рычков пишет о развалинах города Татагай, расположенного неподалеку от устья реки Нуры, впадающей в озеро Кургальджино, и другого боль-

шого города на реке Карасу, впадающей в Ковду, который казахи называли «астана» (т. е. столица.— Д. К.) и т. д.

Среднеазиатский историк Хафиз-и-Таниш, описывая улутауский поход Абдуллы-хана II, упоминает о городах Сарайлы и Турайлы, расположенных в долине реки Кенгир, и о мавзолее Джучи-хана, находившемся вблизи Сарайлы [72, с. 308]. Купол мавзолея последнего разрушился, но стены и крыша его сохранились, хотя они и не защищены от пагубного воздействия ветра, солнечных лучей и атмосферных осадков.

На берегах рек Кенгир и Сарысу археологи обнаружили множество других архитектурных памятников (развалины Келин-тама, Кара-Мола, Джансейт-тама, Кийкбай-тама, Шимбая, мавзолея, Талмас-ата, Алаша-хана, Тимур Кутлуга и др.) [165, с. 46—47].

О том что, еще в глубокой древности на склонах Каратау, в долинах Каратала, Чу и др. существовали города с торговыми центрами и оседлым населением, свидетельствуют и другие факты. В Каратауском оазисе, например, было множество городских поселений, наиболее крупными из которых были древние Кумкент, Саудакент и Сузак, расположенные на большом караванном пути. Они еще в средние века как торговые города являлись главными пунктами для сбыта продукции как кочевого, так и оседлого земледельческого хозяйства.

Вот еще один характерный пример. На территории сахарного завода в г. Талды-Кургане археологами обнаружены следы древнего города Еки-Огуз [166, с. 4, 56], где летом 1253 г. побывал Вильгельм Рубрук, описавший его [210, с. 105].

По долине Сырдарьи много разных «тюбе» (т. е. холмов), или, как их называют, «оба». В большинстве случаев это остатки древних городов, существовавших, очевидно, до Сыгнака, Отрара, Саурана. Косвенно об этом можно судить по свидетельствам древнегреческих историков. Например, Арриан пишет, что против Александра возмутилось население сакских городов, расположенных на левом берегу Яксарта [41]. Видимо, это были города, названия которых не дошли до нас. Археологами раскопаны могильники Уйгарак и Тегискен, расположенные на одном из древнейших притоков Сыр-

дарьинской дельты — Инкар-Дарье (на территории современной Кзыл-Ординской области), курганов Бешагыр на реке Или и Аржан в Туве, которые относятся к началу I тыс до н э

По сообщениям греческих историков, а также персидских клинописных надписей, пишет известный востоковед Г В Григорьев [85, с 58], « низовья Сырдарьи в VI—II вв до н э были населены саками — скифским народом»

Кочевники скотоводы, как уже отмечалось выше, имели свои районы кочевья, которые делились на зимовку и летовку В районе зимовки они обычно оставляли своих бедных сородичей, которые занимались хлебопашеством, заготовкой сена и т д Берега рек Сырдарьи, Чу, Яик, Едил использовались имечью для этих целей Поэтому здесь находят следы орошения, земледельческой культуры, хотя трудно точно сказать, когда воздвигались эти земледельческие поселения

Многие путешественники отмечали, что окрестность Сыгнака когда-то утопала в садах Земледельческая культура троникла и на север — туда, где имелись поймы рек Так, русский исследователь А Левшин оставил ценный материал об оросительных системах низовьев Сырдарьи и Иргиза, которые свидетельствуют о давнем существовании поливного земледелия в этом районе [160, с 200—205] Другой исследователь В А Каллар, совершивший инспекционную поездку в начале XX в в район левобережья Сырдарьи, видел здесь следы сохранившейся древней ирригационной системы, занимающей значительную площадь земли [135, с 73]

Г С Загряжский, посетивший в 1874 г казахские селения, расположенные в долинах Сырдарьи и Чу, оставил ценные сведения о характере жизни, быта и хозяйствовании населения этих мест По его сведениям, между Каратау и Сырдарьен, между Арысом и Туркестаном существовало поливное земледелие Орошение осуществлялось из горных потоков Бугун, Чаян, Бурджар и Икан, вытекающих из Каратауских гор Заг Туркестаном также были земли, удобные для оседлой жизни и земледелия, которые шли двумя полосами (шириной по 10—15 км), постепенно расширяясь до Джулека «От станции Тюмень-Арык, — писал Г С Загря-

жский, — идут две большие оросительные артерии, к которым присоединяется скоро третья, берущая свое начало верстах в трех ниже станции; эти три больших канала несколько далее распадаются в целую систему арыков, оканчивающихся у развалин Сунак-Ата, древнего кишлака, сохранившего следы улиц, садов, огородов, клеверных полей и т. д. В ширину эта система арыков охватила почти все пространство между плодоносными полосами... Арыки до сих пор еще совершенно хорошо сохранились» [110, с. 1].

Эту третью оросительную систему, которая была создана в конце XIX столетия, в довоенные годы наблюдал и автор данной книги. Она называлась Большой Чиилинкой. Сейчас ее нет.

В тех местах, где невозможно было орошать пригодные к земледелию поля посредством канала, — продолжает В. Г. Загряжский, — люди устраивали своего рода водоподъемные «машины» — чигири [110, с. 3; 136, с. 118]. Они имеют длительную историю — 3—5 тыс. лет и существовали как простейшее и доступное средство орошения. Эти чигири сохранились в здешних местах вплоть до коллективизации сельского хозяйства.

Трудно согласиться с Г. А. Федоровым-Давыдовым, когда он возникновение городов в кочевых государствах объясняет исключительно волевым фактором. Он пишет: «Пока была сильна центральная власть, города процветали. Но стоило этой власти пошатнуться и ослабнуть — они сразу пришли в запустение. Их неспособность пережить ослабление политической власти была следствием того, что они строились на пустом месте, на привозных материалах и людских ресурсах, не были связаны с окружающими их кочевыми степями, искусственно поддерживались правительством. Золотоордынские города, пышно расцветавшие в XIV в., оказались историческим «пустоцветом» и в XV в. не оставили после себя ничего, кроме величественных руин и воспоминаний».

В оседлых районах (в Крыму, Волжской Болгарии) культура золотоордынских городов оказалась более устойчивой, пережила Золотую Орду и составила важный компонент более поздних культур Казанского и Крымского ханств» [46, с. 232].

Нельзя так прямолинейно делать вывод о судьбе городов, возникших в кочевой степи. Эти города, как уже сказано, возникали на границах кочевых и оседлых регионов из-за необходимости обмена товаров, и жизнь их была тесно связана с существованием экономической, культурной и торговой связи, и как только кочевье приходило по тем или иным причинам в упадок, угасала и торговля, питавшая жизнь этих городов. Такова судьба всех городов, возникших на границе между кочевым и оседлым хозяйством как в Восточной Европе, так и в Западной Сибири, Центральной и Средней Азии.

Следует отметить, что все вещи, которыми пользовались кочевники-скотоводы, изготовлялись мастерами прикладного искусства (зергерами), ведущими оседлый образ жизни. При этом характерно, что они использовали сюжеты из жизни кочевников. Зергеры еще во времена скифов или саков отделяли тонким узором седла, удила, стремяна, сабли и др., для инкрустации они использовали золото, серебро, бронзу, кость и т. д. Например, под курганом № 2, в могильнике Тасмолы V, что в Центральном Казахстане, была обнаружена вместе с семью конскими черепами также часть уздечек в виде стремевидных бронзовых удил, роговых трехдырчатых псалий, прорезанных колокольчиков, пронизов и других предметов, датируемых временем не позже VI в. до н. э. [128, с. 319, 323, 396].

В кургане № 3 этого же могильника Тасмолы V, на одном из лошадиных черепов найдена золотая барельефная бляшка в виде профильной фигуры хищника с длинным закрученным на конце хвостом. В зубах лошади были бронзовые стремевидные удила с остатками пластинчатых железных псалий, украшенных зигзагообразным орнаментом из накладного золота [128, с. 324—325; 43, с. 24—28]. Все эти вещи, украшения изготовлялись различными мастерами, живущими в городах и имевшими свои мастерские.

Но с другой стороны, на этих предметах часто изображались дикие и домашние животные — голова лошади, горб верблюда, рога барана и др. Характерно также, что различные городские строения в то далекое время заканчивались куполообразным верхом (гумбаз), напоминающим купол юрты кочевника. Все это не слу-

чайно, здесь мы видим следы обратного влияния культуры кочевого общества на оседлые народы.

В могильниках гуннов археологами обнаружено много вещей китайского происхождения: зеркала, монеты, лакированные чашечки и др. Особенно много их найдено в наиболее богатых могильниках, таких, например, как Найнулинский курган [59, с. 27—28].

Существует сходство неолитической посуды и декоративного искусства низовьев Амударьи (V—III тыс. до н. э.) с керамикой и орнаментами неолитического населения окрестностей Салехарда [151, с. 16].

Итак, сходство в орудиях труда, в различном инвентаре (конской сбруе), орнаментике между различными племенами Алтая, Казахстана, Восточной Европы не только по горизонтали — в пространственном распространении, но и по вертикали — в глубь веков объясняется в первую очередь близостью их хозяйственного уклада. Не случайно корни казахской орнаментики, — пишет М. С. Муканов, — уходят в глубь веков, имея сходные черты с орнаментом прикладного искусства периода андроновской (II тыс. до н. э.) и бегазы-дандыбаевской (начало I тыс. до н. э.) эпохи бронзы Центрального Казахстана [186, с. 27].

Кочевники имели с оседлыми людьми не только экономические, но и культурные связи. Например, искусство северокитайских кочевников, вопреки клеветническим утверждениям тех, кто отрицал наличие культуры у кочевников [222, 1975, 10 января], оказало сильнейшее влияние на южный оседлый Китай, в котором в противовес сухому геометрическому орнаменту Чжоуской эпохи в ханьское время возникает реалистический стиль, появляется реалистическое изображение животных, рыб, всадников и т. д. [59, с. 27—28].

Культура населения Передней и Средней Азии оказала благотворное влияние и на культуру греков, проникших на Восток как завоеватели. В развитии эллинистической культуры значительную роль сыграла и культура народов Средней Азии, в том числе многовековая культура кочевников-скотоводов.

Как свидетельствуют археологические данные, некоторые основополагающие принципы эллинистического градостроительства, например попадамова система го-

родской планировки, восходят к идеям, развившимся на Востоке задолго до эпохи эллинизма. Многие греческие мифы своими корнями уходят в страны Востока; например, мотивы рассказа об ослеплении циклопа, который приводится в «Одиссее», имели место у многих тюркоязычных народов Кавказа, Средней Азии, Западной Сибири, Алтая, Монголии (например, в огузском эпосе «Коркуте», киргизском эпосе «Манас» и др.). На этом основании, в частности, Е. Д. Турсунов считает (и не без основания, на наш взгляд), что этот сюжет «Одиссея» взят из сказок Азии [270, с. 36].

По сведениям Геродота, образ Геркулеса взят греками у скифов, у которых он назывался Таргитай. Культ Аполлона также проник в Грецию из Малой Азии.

Существовали, разумеется, различные формы взаимовлияния кочевых и оседлых народов. Чем больше контактов между ними, тем благоприятнее, естественно, были возможности для торгового и культурного обмена между ними. В зависимости от конкретных условий это взаимовлияние могло быть пассивным или активным.

Развитие различных транспортных средств в эпоху бронзы значительно облегчило передвижение на далекие расстояния людей, вещей и идей и тем самым снизило тормозящее влияние географического фактора [203, с. 131]. Взаимовлияние культур кочевых и оседлых народов имело место и в условиях монгольского нашествия. Один из крупных исследователей проблем кочевого общества акад. Б. Я. Владимирцов писал: «Ушедшие на запад монголы довольно скоро подверглись отуречению, вообще растворились в окружающей этнической среде, более или менее им близкой».

Но процесс усвоения монголами «мусульманской» культуры в Средней Азии протекал медленнее, чем в Персии, так как в Средней Азии монголы оказались отчасти посредине этнически близких им тюркских кочевников. В Афганистане монголы, как известно, сохранились до наших дней, сберегли свой язык. Денационализация монголов в западных улусах началась с господствующего класса, в особенности когда разные монгольские феодальные синьоры приняли ислам и стали постепенно усваивать «мусульманскую» городскую культуру»

[73, с. 126]. В ряде районов Анатолии, где турки численно преобладали, начиная с XV в. происходила туркизация остального населения [102, с. 174].

Арабский писатель первой половины XV в. ал-Омари характеризует процесс смешения, т. е. ассимиляцию, монголов с тюрками-кочевниками следующим образом. «Кипчаки сделались их (т. е. монголов. — Д. К.) подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар) и все они стали точно кипчаками, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле кипчаков, вступили в брак с ними и оставались жить на земле их» [259, с. 235].

Известно, что монгольские племена к XII в. занимали территорию между Алтаем и озером Кукуй-Бугыр и от Байкала до верховьев Енисея и Иртыша, до Южных окраин пустыни Гоби. Свое название «татар», как они обозначаются во многих арабских, персидских, русских и других источниках XIII—XIV вв., монгольские племена берут от имени одного из монгольских племен. Но в XIII—XIV вв. в Монгольскую империю входили кроме монголов уйгуры, тангуты, туркмены, кыпчаки, найманы и другие, уже местные племена [98, с. 75].

Ш. К. Сатпаева пишет, что «в богатом казахском фольклоре, где сконцентрирована вся духовная жизнь народа, сохранены многие следы его культурных связей с другими народами, и прежде всего с народами Востока» [244, с. 7]. В кочевой степи появились дастаны, кисса, распространяемые первоначально устно, затем и в рукописях, такие, как «Жусип — Злиха», «Лейли — Межнун», «Сейфуль-малик», «Бозжигит», «Шакир — Шакрат», «Мунлык — Зарлык», «Рустем-дастан» и др., в которых в своеобразной форме пересказывались сюжеты множества арабо-иранских сказок.

В. В. Бартольд писал, что «персы мусульманской эпохи создали поэзию, имевшую влияние не только на поэзию других восточных народов, в особенности турок, но и на классических поэтов Европы» [52, с. 249].

Академик Б. Д. Греков пишет, что «мы не можем отрицать наличия в русском языке многих восточных слов, относящихся к политической, общественной и бы-

товой сторонам жизни, — базар, магазин, чердак, алтын, сундук, тариф, тара, калибр, лютня, зенит и т. д. Но связывать появление этих слов в русском языке с монголо-татарскими словами было бы очень рискованно. Нам хорошо известно, что сами татары очень много заимствовали от народов среднеазиатских, кавказских, южноевропейских. Нам известно, что язык и культуру этих последних они усвоили, и в весьма значительной степени. Такие слова, как базар или магазин, могли идти к нам и от арабов через Западную Европу, а с другой стороны, многие восточные обычаи и термины имелись у нас и в дотатарский период истории: обычай сидеть на коврах, восточные мотивы в орнаменте и архитектуре, восточная посуда...».

Все это объясняется из хорошо нам известного факта весьма древних связей с восточными странами и народами задолго до появления в нашей стране татарских полчищ.

В языке тюрков-кочевников и монголов есть много общих слов. Например, «урух» (семья), «керуен» (караван), «мерген» (стреляющий метко, охотник), «елші» (посол), «баатур» (богатырь), «нокер» (дружинник) и т. д. Далее в словарном фонде кочевников-тюрков есть и арабские, а также такие персидские слова, как «калам» (карандаш), «зулым» (коварный), «мульк» (имущество) [257, с. 36, 48, 59, 74] и т. д.

Местное кочевое население находилось в тесной связи с городом, с городской культурой как стран Восточной Азии, так Центральной, Средней и Передней Азии. Больше того, города находились не только на границах кочевого и оседлого населения, но и в глубине самих кочевых районов.

Одной из форм влияния оседлых народов на кочевников в средневековом Казахстане явилось распространение среди них мусульманской религии. Но кочевники, имевшие соседями народы, придерживавшиеся других вероисповеданий (например, христианства), заимствовали эти вероисповедания. Так, кыпчаки на Балканах стали перенимать католицизм, другие кочевые народы — восточное христианство (в Северном Причерноморье), иудаизм (в Хазарии), буддизм (на Востоке), ислам, а

до него — зороастризм, буддизм, манихейство и несторианское христианство (в Средней Азии).

Миссионерскую политику среди населения кочевой степи проводили, как об этом будет сказано, священнослужители городов. Именно здесь располагались церкви, мечети, синагоги, духовные учебные заведения. Миссионеры разных вероисповеданий направлялись в степь, чтобы приобщить кочевое население к своим религиям. Большую миссионерскую работу проводили, например, папские послы. Такую же деятельность в кочевой степи задолго до них осуществляли армянские и другие миссионеры. Они построили церкви в Самарканде, Яркенде и в других местах [48, с. 85].

В начале X в. багдадский халиф снарядил и отправил огромное посольство в Булгарское царство и в другие районы Поволжья для обращения местных жителей в ислам [145].

Даже когда образовалась казахская народность, ислам в ее среде распространялся через служителей культа, которые выезжали в кочевую степь из Казани, Туркестана, других городов. Они обучали местное население предписаниям шариата и собирали с населения религиозный налог (фитр).

Широкие экономические и культурные связи кочевых и оседлых народов были преобладающими в их отношениях, хотя они и нарушались периодически военными столкновениями. Одновременно следует отметить, что в составе кочевого населения некоторая часть его занималась в той или иной степени земледелием. Это было отмечено в свое время К. Марксом, который в письме к Ф. Энгельсу от 2 июня 1853 г. писал, что «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающимся кочевничеством другой части» [12, с. 214]. К тому же нет чисто кочевого общества. Некоторая часть кочевников время от времени переходит к оседлому образу жизни, занимаясь земледелием и ремеслом для удовлетворения собственных потребностей.

Совершенно прав был Г. В. Григорьев, обследовавший Келесскую степь, когда писал: «Вообще, по-видимому, «чистых» кочевников не бывает: в той или иной

мере всякие кочевые народы знают земледелие» [85, с. 57]. Эту же мысль подчеркивает А. Бернштам в своей книге, посвященной социально-экономическому строю орхоно-енисейских тюрок VI—VIII вв.: «Исходя из данных письменных и этнографических источников, — пишет он в своей работе, — мы знаем, что нет чистого кочевничества, у кочевников есть всегда повседневная связь с земледелием и охотой, т. е. мы должны искать археологический материал, доказывающий последнее положение. Мы знаем также, что обедневшая часть кочевников «ложится» на землю (джатачество; «джатак» — буквально «лежащий»); естественно ожидать, что наряду с вещественными памятниками, характеризующими кочевничество, должны быть следы оседлости и т. д.» [58, с. 66]. Поэтому естественно, что население кочевой степи наряду с овцеводством и коневодством имело дело с разведением крупного рогатого скота [282, с. 46].

Мы показали все это на примере городов, расположенных вдоль Сырдарьи, низовья которой испокон веков были центром цивилизации, лежащей на границе кочевого и оседлого мира, и то, что имело место здесь, вполне характерно и для других подобных районов.

Наконец, следует подчеркнуть, что будет правильно говорить не об одностороннем влиянии оседлых народов на кочевое, а о взаимовлиянии, ибо, как было выше сказано, оседлое население перенимало у кочевого и отдельные приемы ведения хозяйства, и элементы культуры, устного народного творчества, мифологии и т. д. Все это было результатом тесной экономической, политической и культурной взаимосвязи двух типов общества — кочевого и оседлого.

Расцвет культуры на стыке кочевых и оседлых народов вполне естествен, ибо здесь происходит своеобразное столкновение двух образов жизни, каждый из которых, имея свою специфику, влияет друг на друга, происходит взаимообмен опытом, взаимообогащение. Вообще в истории имело место немало фактов, когда при столкновении культур происходит своеобразный взрыв, скачок в развитии. Так появился, например, эллинизм в древней Греции.

Надо полагать, результатом такого взрыва культуры на основе столкновения кочевой и оседлой форм хозяй-

ства, быта, образа жизни людей является появление таких шедевров культуры, как Тадж-махал в Индии, архитектурный ансамбль в Самарканде или сказки «Тысячи и одной ночи», а также поэтический дастан «Шах-намэ» А. Фирдоуси и многие другие. «Насколько бедней бы стала русская музыка, — пишет Д. Шостакович, — без половецких плясок Бородина, «Исламея» Балакирева, «Плясок персидок» Мусоргского, «Шехерезады» Римского-Корсакова и многих других страниц русской музыки о Востоке» [296, с. 14]. Появление этих шедевров русской музыкальной культуры, несомненно, результат взаимовлияния культур России и Востока.

Великий ученый аль-Фараби, выдающиеся мыслители и ученые аль-Жаухари, Рудаки, аль-Бируни, Саади, аль-Хорезми, Ибн-Сина (Авиценна), Юсуф Баласагуни, жившие в разное время, тоже появились в этом регионе как бы на «стыке» кочевой степи со Средней Азией, Ираном, т. е. в промежуточных регионах между Тураном и Ираном.

Глава 3

АПОГЕЙ КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА

Кочевое общество представляет собой сложное социальное образование. Оно развивалось своеобразно, противоречиво. С одной стороны, оно созидает, выращивает скот, производит продукты питания и сырье, занимается хозяйством, с другой — из-за пастбищ оно вступает в конфликт с оседлыми племенами. Иногда из среды кочевников образуются завоевательные военные союзы. Это обстоятельство затрудняет изучение кочевого общества, раскрытие его сущности. Не случайно поэтому о природе кочевого общества высказаны различные, а порой противоречивые точки зрения.

Как было сказано, оно появилось в глубокой древности, имеет более чем четырехтысячелетнюю историю. За это время появились различные кочевые племенные образования, которые, пережив свой расцвет, стали резко терпеть упадок в результате истощения пастбищ, падежа скота, вымирания, наконец сходили с исторической арены. Кочевое общество поднималось по шкале общественного прогресса очень медленно. Крайне медленно развивались его производительные силы. Такие принадлежности кочевого образа жизни, как седло, уздечка, аркан и др., в течение многих веков и тысячелетий не претерпели особых изменений, остался прежним и сам тягловый, вьючный, мясной и молочный скот.

«Узда древних горноалтайцев, — пишет С. И. Руденко, — за исключением некоторых деталей, ничем существенным не отличается от современных узд. Пред-

шествеником современных узд был недоуздок, узда без удила» [237, с. 224].

Первые удила появились в долине верхнего Иртыша примерно 2800 лет назад, — заявляет известный советский археолог С. С. Черников, — они были бронзовыми и очень быстро окислялись. А через 400—500 лет их стали изготавливать из железа [225, 1963, № 5, с. 122].

Образ жизни кыпчаков XII в в своей основе мало чем отличался от образа жизни кочевников-казахов начала XX в И даже бронзовые удила сохранились у кочевников-казахов вплоть до коллективизации сельского хозяйства. Это говорит о том, что тот хозяйственный образ жизни и быт людей, который сложился в период расцвета кочевого общества, в своей основе остался у кочевников-скотоводов без существенных изменений на протяжении последних семи — восьми веков. В частности, несмотря на существенные расхождения в классификации типов скотоводческого хозяйства, большинство исследователей справедливо отмечают относительную стабильность хозяйственных форм и традиций кочевников-скотоводов в разные исторические эпохи [282, с. 36]. То же самое имел в виду Ф. Энгельс, когда писал: «Восточный деспотизм и господство сменявших друг друга завоевателей-кочевников в течение тысячелетий ничего не могли поделать с этими древними общинами...» [16, с. 166].

Арабский путешественник Ибн Баттута (XIII в.), говоря о своей поездке в половецкую степь, отмечает, что в качестве топлива кыпчаки используют кизяк [259, с. 289]. Известно, что кизяк использовался у кочевников-скотоводов для этой цели и в бронзовом веке [171, с. 212]. Он же в качестве топлива применялся кочевниками-скотоводами в Казахстане и в начале XX в. Или такой момент: дышловой способ запряжки скота в телегу в V—IV вв. до н. э. был вытеснен более удобным оглобельным способом, который сохранился без существенных изменений вплоть до наших дней [282, с. 57]. Уже с кыпчакского периода сложились стандартные типы и ныне существующего конского снаряжения и т. д.

Не произошло за последнее тысячелетие особых изменений и в характере пищи кочевников-скотоводов.

Акад. АН Казахской ССР А. Х. Маргулан считает,

что многочисленные бытовые, обрядовые и другие обычаи казахов, такие, как повеление высокопоставленных особ, принятие решений, сватовство, аменгерство, уплата куна за убийство человека, порядок рассаживания гостей (по чину) в различных сходках, на праздниках, соблюдение траура после смерти человека, коленопреклонение перед высокочтимой особой: феодалом, беком и др — существуют с периода кыпчаков, огузов, гуннов [129, 1982, 12 ноября]. Как указывает акад В А Горделевский, многие социально-бытовые обычаи казахов, такие, как деление пастбищ на летовки и зимовки, порядок кочевания с соблюдением различных бытовых традиций и ритуалов, берут начало с седой древности, с периода гуннов, усуней, огузов и кыпчаков (половцев) [129, 1982, 12 ноября]

Тем не менее кочевое общество не представляло собой какого-то застойного явления. И производительные силы, и производственные отношения хотя и медленно, но развивались.

Нельзя согласиться с мнением о том, будто кочевое общество не было способно развиваться далее раннеклассового уровня без влияния оседлого населения. А М Хазанов пишет: «В последнее время было высказано еще одно мнение, согласно которому самостоятельно кочевники достигают только раннеклассового уровня, а их дальнейшее развитие во многом определяется взаимоотношениями с оседлыми земледельческими обществами» [277, с 5]. Такое мнение в известной мере является развитием уже давно высказывающейся идеи о том, что кочевников нельзя изучать изолированно, в отрыве от оседлого земледельческого и городского населения [49, с 28]. Но, на наш взгляд, из правильного утверждения о взаимовлиянии людей кочевых и оседлых обществ в ходе исторического развития не следует делать однозначного вывода о том, что движущей силой развития кочевого общества является его связь с оседлым, хотя последняя играла немаловажную роль. В кочевом обществе имела место, если можно так выразиться, своя движущая сила — противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Скот в кочевом обществе в зависимости от конкретных обстоятельств выступал то как средство труда, то как предмет труда.

Изменение выражалось в развитии субъекта производства — людей, главной производительной силы кочевого общества.

У кочевников-скотоводов накапливался опыт по уходу за скотом, совершенствовались навыки труда. Кочевники с глубокой древности занимались скрещиванием скота и выведением его новых пород — красивых, более выносливых, быстроходных или мясных, словом, приспособленных к условиям суровой кочевой жизни.

История знает не одно общество, которое между своим возникновением и исчезновением имеет наивысшую точку развития (свой апогей); например, время наибольшего в истории Индии подъема рабовладельческих отношений падает на III—II вв. до н. э. [191, с. 235], наивысшая точка развития феодализма в Китае — I в. до н. э. [191, с. 226].

Трудно сказать, к какому этапу развития относится апогей кочевничества в целом. Ведь каждое племя имеет свой апогей. Например, есть наивысший расцвет скифской материальной и духовной культуры [295, с. 37]. Однако условно это можно определить.

Нам представляется, что периодом расцвета кочевого общества Средней Азии, Казахстана является исторический отрезок времени примерно между VI—XII вв., который последовал за распадом гуннского союза и продолжался до начала монгольского нашествия.

Все познается в сравнении. Конечно, кочевое скотоводческое общество в VI—XII вв. стояло в целом на низкой ступени социально-экономического развития, но и эта ступень по сравнению с предыдущим периодом означала значительный шаг вперед. Больше того, в этот отрезок времени кочевое скотоводческое общество, возможно, достигло такого уровня развития, на которое вообще было бы способно подняться. Это и умение более оптимально вести скотоводство в условиях кочевничества, и сложение определенного, устойчивого кочевого образа жизни со всеми вытекающими отсюда последствиями, и классовая дифференциация, и определенный общественно-политический строй и т. д. Но есть и другое сравнение. Военные кочевые союзы разрушили Рим, покончили с рабством и этим было положено начало для развития в Европе феодализма. Разумеется, в это время (IV—

V вв н э) рабство изживало себя, находилось в состоянии упадка, рабы не были заинтересованы в развитии производительных сил. Кочевое скотоводческое общество вообще не знало рабства как общественно-экономической формации, хотя с самого начала своего зарождения оно предполагало деление общества на богатых и бедных. Вообще кочевое скотоводство как специфический тип хозяйства одинаково уживалось в многовековой своей истории и с рабством, и феодализмом, и с капитализмом, хотя каждая из этих формаций накладывала на него свой отпечаток. Даже феодализм у кочевников-скотоводов прошел поэтому разные стадии развития.

Подобный сравнительно-исторический подход вполне уместен. «Что касается до вопроса о медленности или быстроте развития капитализма в России,—писал В. И. Ленин,—то все зависит от того, с чем сравнивать это развитие. Если сравнивать докапиталистическую эпоху в России с капиталистической (а именно такое сравнение и необходимо для правильного решения вопроса), то развитие общественного хозяйства при капитализме придется признать чрезвычайно быстрым. Если же сравнивать данную быстроту развития с той, которая была бы возможна при современном уровне техники и культуры вообще, то данное развитие капитализма в России действительно придется признать медленным» [22, с. 601]. Это указание В. И. Ленина имеет важное методологическое значение при оценке конкретных исторических периодов и в жизни кочевого общества. В VI—XII вв кочевники достигли такого уровня развития материальной и духовной культуры, которого вообще способно было достичь кочевое общество.

VI—XII вв были не только периодом наивысшего развития внутренних возможностей кочевого общества, но и временем его наибольшего территориального разделения. В степи кочевало огромное количество племенных объединений. Кочевое общество занимало обширное пространство от берегов Тихого океана до Балкан. VI—X вв С. А. Плетнева считает периодом образования и расцвета каганатов [208, с. 107].

Почти на всей полосе от Охотского моря на востоке до Каспийского моря на западе искони обитали кочевые

скотоводческие народы Они «вели тот же самый образ жизни, какой ведут потомки их по прошествии 2000 лет, находились в тех же пределах, в которых и ныне живут, с небольшим изменением в пространстве» [61, т 1, с 12]

В период расцвета кочевого общества кочевники уже хорошо разбирались в особенностях домашних животных, в способах ведения скотоводческого хозяйства Они прекрасно знали, где и когда пастись скот, когда поспевает, достигает своей полной зрелости та или иная трава и т д, хорошо разбирались по приметам в сложных природных условиях, свободно ориентировались в безбрежной, однообразной степи по небесным светилам и т д

Они совершенствовали способы разведения скота, уделяя большое внимание его содержанию и условиям ухода за ним О том, что кочевники Западной Сибири задолго до монгольского нашествия сумели вывести более продуктивные породы животных (верховых коней курдючных баранов и др), свидетельствуют археологические раскопки из Пазырыка, Тасмолы (Центральный Казахстан) [172, с 415] Не только поздние кочевники, но и скифы умели заботиться об улучшении пород своих коней, могли производить искусственное скрещивание или кастрацию животных [295, с 34]

В этот период произошла относительная стабилизация кочевых племен Определелись районы кочевания каждого рода, родовых объединений, подродов, аулов. Конец XI в, по мнению С А Плетневой, «знаменуется ограничением территорий кочевья и четким определением границ кочевок» [208, с 56] Уменьшились факты беспорядочного кочевания, случаи захвата чужих земель или угона скота и т д Например, в обычном праве кочевников-казахов определялась необходимость соблюдения границ районов обитания Семейные земельные споры (жесір дауы, жер дауы) становятся предметом особого рассмотрения Кочевники строго соблюдали установленный порядок освоения и использования пастбищ Они отлично определяли районы своих кочевок (летовок, зимовок), охраняли их и вели относительно устойчивый образ жизни, т е кочевали, как уже было сказано, лишь по определенному маршруту, обитали лишь в районах

своих постоянных кочевков. Этот обычай посезонного использования пастбищ сохранился вплоть до начала XX в. Это было необходимо. «Призимовочные пастбища кочевники сберегают очень тщательно от потравы и других повреждений, — говорится в «Обзоре Семипалатинской области за 1910 г., — потому что на таких пастбищах их скот должен пережить тяжелое время года — зиму» [192, с. 32].

Итак, к XII в. в Западной Сибири, Приаральской и Прикаспийской степях и в других степных районах определились три формы кочевания [173, с. 298—299].

Первое и основное — это «меридиональное» кочевание, когда кочевники, перегоняя скот, следовали летом на север, в прохладные места, а зимой — на юг, в теплые края. Обычно такая перекочевка на Север начиналась с ранней весны в зависимости от конкретных климатических условий, в конце августа она продолжалась в обратном направлении, на юг. Так двигались кочевники, жившие в восточной части Европы. Аналогичными были пути движения кочевников-скотоводов Центральной и Западной Азии. Вильгельм Рубрук писал о кочевниках-скотоводах, в частности о половцах, что «именно зимою они спускаются к югу в более теплые края, летом поднимаются на север в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды» [210, с. 69]. Марко Поло отмечал: «Зимою татары живут в равнинах, в теплых местах, где есть трава, пастбища для скота, а летом в местах прохладных, в горах да равнинах, где вода, роши и есть пастбища» [142, с. 88].

Арабский историк Ибн аль-Асир, описывая жизнь кыпчаков XI в., указывал, что в них летние кочевки начинались из района Булгар (Эдил) и завершались к зиме в районе Баласагуна, где они останавливались на зимовку. Персидский историк XVI в. Фазл-аллах Ибн-Рузбихан сообщал, что у казахов расстояние между летним пастбищем и зимовкой занимало шесть тысяч фарсан, что примерно составляет 3500—4000 км [132, т. 6, с. 55]

Не только в далеком прошлом кочевники-скотоводы

вели такой образ жизни. Как пишет проф. Л. Гуссель (ГДР), в пустынных и полупустынных районах Мали господствующая форма кочевания — меридиональная; кочевники-скотоводы начиная с сезона дождей совершают кочевки со своими стадами, направляясь к северным границам Сахеля, а с наступлением сухого сезона возвращаются в южные районы страны, хотя такие дальние переходы при дефиците воды и трав к концу засушливого периода доводят скот до критического предела.

Далее, существовало «пустынное» кочевание, когда скотоводы следовали от колодца к колодцу или пасли свои стада вокруг колодца. Такая форма кочевания характерна для безлюдных, песчаных массивов (Кызылкумы и др.).

Наконец «вертикальное» кочевание с зимних пастбищ, расположенных в долинах, на летние высокогорные пастбища, где имеются альпийские луга. Эта форма кочевания особенно характерна для районов, расположенных вблизи Тарбагатайских, Заилийских, Каратауских и других гор, если речь идет о Казахстане. При отгонном животноводстве скот перегоняли посезонно на пастбище (скажем, летом, на два-три месяца на альпийские луга), а в остальное время содержался полустойлово. Следовательно, пастух или чабан — это не кочевник-скотовод.

Этнограф Хассан Исмаил Обейд (Судан) считает, что в их стране, в отличие от пустынных районов, где преобладает «меридиональное» кочевание, в южных районах напротив, практикуется «вертикальное» [195, с. 53]. Таким образом, веками сложившаяся практика ведения кочевого скотоводства выявила определенные закономерности, которые повторяются и в других странах.

О расселении кочевников мы знаем по сведениям Геродота, из ряда других источников. Кочевники занимали территорию Северного Причерноморья, Аральского и Каспийского морей, вдоль рек Сырдарьи и Амударьи до Алтайских гор. Здесь жили в разные времена (а некоторые в одно и то же время) крупные кочевые союзы племен — скифов, савроматов, массагетов, саков, печенегов, усуней, кыпчаков, гузов, канглов и др., сменявших друг друга или покоряемых другими, более сильными кочевыми племенами, начиная с древнейших времен и кончая

средневековьем. Местных кочевников нередко вытесняли или поработали иноземные кочевники.

К периоду выделенного нами апогея кочевого общества не только было покончено с прежним беспорядочным кочеванием, но у людей сложились определенные обычаи, традиции, приметы, связанные со скотоводством. Например, необходимость вычислять периоды подъема и спада воды у Нила, смены времен года для настуше-ских и земледельческих народов вызвала к жизни астрономию [18, с. 500]. Необходимость лечения больных привела к созданию медицины. Точно так же необходимость ухода за скотом развила у кочевников наблюдательность, умение по незаметным на первый взгляд приметам предвидеть погоду.

Казахи по новслунию определяли, какая погода будет в новом месяце. Кроме того, казахи за день-два также могли с точностью определить погоду. Они говорят: «Ай котанданса, айырынды сайла, күн котанданса, күрегінді сайла» — «Если ореол образуется вокруг луны — к бурану, непогоде, потому готовь вилы, а если ореол образуется вокруг солнца — к снегу, слякоти, потому готовь лопаты» и т. д.

Единица измерения времени у кочевников-скотоводов также была связана со скотоводством: ет пісірім уақыт (время варения мяса), бие сауым уақыт (время доения кобылиц), сүт пісірім уақыт (время кипячения молока), или расстояния: шақырым жер (расстояния слышимости голоса), ат шаптырым жер (расстояние одной скачки), бір көш жер (расстояние одной кочевки) и т. д.

Кочевое скотоводческое хозяйство требовало от кочевников точного знания времени и понимания периодичности явлений природы, годовых циклов и т. д. Кочевники внимательно наблюдали за движением небесных светил, хорошо по ним ориентировались в бескрайней и безбрежной степи. Например, при появлении Шолпан (Венеры) — утренней звезды кочевники начинали перекочевку или выходили в путь.

«Я знаю, по крайней мере, — писал В. Даль, — что кушюлы — птичий путь, то есть млечный путь, и темир-казык — железный кол, то есть полярная звезда, вокруг которой, по мнению кайсаков (казахов. — Д. К.), ло-

шадь — медведица ходит на приколе...» [220, с. 302]. В частности, по полярной звезде кочевники определяли направление своего движения, по расположению остальных звезд — время ночи. Казахи говорят: «Жеті қарақшыны таныған, жеті қараңғы түнде адаспас» («Кто определит Большую медведицу, тот не заблудится и в темной ночи»). Многие сказки казахов, уходящие своими корнями в глубокую древность, отражают астрономические наблюдения тогдашних кочевников. К ним относятся сказки: «Жеті алып» («Семь исполинов»), «Ертөстік», «Қырық өтірік» («Сорок небылиц»), «Алыптар туралы аңыз» («Легенда о великанах») и др. Во всех этих сказках главными героями выступают люди или животные, птицы, предметы быта, под которыми подразумеваются астрономические явления, звезды, планеты и т. д. Немалыми знаниями должны были обладать лица, которые создавали такие абстрактные, своеобразные «астрономические» сказки. Может быть, этим в какой-то мере объясняется то, что Средняя Азия в раннем средневековье стала родиной великих астрономов: аль-Жаухари, аль-Фараби, аль-Бируни. Улугбек был их последователем.

Определенное влияние на процесс развития кочевого общества и, в частности, на то, что именно VI—XII вв. стали эпохой его расцвета, оказали и внешние факторы, в первую очередь подъем экономики и культуры Средней и Передней Азии на почве посреднической мировой торговли. Будучи тесно связанными с оседлыми народами этих районов, кочевники Западной Сибири и Восточной Европы также включились в процесс этой торговли, представляя для этой цели продукты своего хозяйства и приобретая товары земледельческого и ремесленного характера.

Мировая межконтинентальная торговля, в которой Средняя и Передняя Азия играли посредническую роль, подхватила и подстегнула и кочевую степь. Она способствовала возрождению экономики и культуры Ирана, загложших тысячу лет назад в результате разрушения Александром Македонским Ахеменидского государства. Это возрождение начинается примерно в 750 г., т. е. с созданием Багдадского халифата, и завершается в 1258 г., т. е. в период, когда чингисхановские полчи-

ша разрушили Багдад до основания и покончили с остатками халифата [93, с. 321].

Следует отметить, что некоторые внешние проявления жизнедеятельности кочевого общества не соответствовали его действительной социальной сущности. Кочевники жили общинами, делились на роды и подроды во главе с родовыми вождями, старейшинами. Известно, например, что кочевники Средней Азии и Казахстана до массовой коллективизации сельского хозяйства и оседания жили по родо-племенному принципу. Обычай и традиции, господствовавшие в обществе, способствовали закреплению в сознании людей их родовой принадлежности. Это обстоятельство порождало у исследователей, путешественников ложное представление о наличии у кочевников родового строя, об отсутствии у них социальной дифференциации.

Сельскую (или земледельческую) общину К. Маркс считал «первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами» [8, с. 418]. Такую же роль играла и кочевая община.

Сохранению родовых обычаев и традиций способствовал сам кочевой образ жизни, при котором люди могли объединяться в различные общины, выходить из них и объединяться в другие. Этим они отличались от оседлых жителей, общины которых носят устойчивый характер.

В условиях кочевой жизни своеобразной формой прикрепления людей к определенной общине являлись родовые, племенные традиции.

Скотоводство требует меньше рабочей силы, чем земледелие, кочевое тем более. К. Маркс писал, что «в животноводстве, когда оно ведется в крупных размерах, масса применяемой рабочей силы очень мала по сравнению с постоянным капиталом в виде самого скота» [11, с. 327].

Это при оседлом скотоводстве. А если скоту не надо готовить сено, кошары и если скотопас только следует за скотом и сторожит его, то тем более необходимо мало людей. Здесь люди имеют относительно больше свободного времени, что располагает их к обстоятельным разговорам, беседам.

У кочевников-скотоводов пользовались уважением

люди, способные интересно рассказывать, играть на домбре (иметь домбру в каждой семье было добрым обычаем), спеть песню, импровизировать стих, уметь слушать, говорить образно, иносказательно. На торжествах по случаю, скажем, рождения ребенка, свадьбы, приезда гостей молодежь затевала свои игры на находчивость, остроумие, импровизацию и т. д. Словом, устное народное творчество стояло на первом месте. Это воспитывало людей, и человек считался неполноценным в культурном отношении, если он не обладал одним из этих талантов.

В. И. Даль пишет: «У кайсаков ничто не делается без красноречия, без лишних речей, в коих обыкновенно берет верх тот, кто всех перекричит и, не дав никому опомниться, оглушает все собрание полчаса сряду, без роздыха, без расстановки диким криком своим, и, отковав таким образом все умы по своему чекану, увлекает их за собой. Люди умные, одаренные кроме голоса еще и даром слова, умеют им пользоваться: они заводят окольную речь, в которой никак не ожидать такого резкого конца, и неожиданность эта и поражает, и увлекает всех, заставляя смеяться и соглашаться» [220, с. 107—108].

В кочевом обществе в период апогея складывается феодализм со всеми его атрибутами. Однако это общество сочетало в себе пережитки и дофеодалных отношений, которые связаны с особенностями развития кочевого общества, не знавшего рабства. Отсюда возникает вопрос об азиатском способе производства, ибо последний представляет собой особый переходный тип производственных отношений, он образуется при переходе от первобытнообщинного строя к феодализму, минуя рабство. А был ли у кочевого общества азиатский способ производства — это вопрос открытый, ученые спорят по этому поводу уже не одно десятилетие.

Но способ производства кочевников-скотоводов отличается от азиатского способа производства оседлого населения.

В. Н. Никифоров в книге «Восток и всемирная история» отрицает не только азиатскую формацию, но и азиатский способ производства [191, с. 73—74, 283—284]. В части отрицания особой азиатской формации мы

с ним полностью согласны, но спорным является отрицание им азиатского способа производства. Ведь в обществе иногда могут существовать несколько способов производства, но не все из них образуют формацию, а лишь господствующие, и если это так, то особый, так сказать, азиатский способ производства может существовать, если иметь в виду то обстоятельство, что Восток имеет некоторые свои особенности, т. е. не все страны Востока обязательно прошли все известные общественно-экономические формации, некоторые из них не знали рабства в классической форме, а перешли от первобытнообщинного строя через определенные переходные ступени к феодализму. Имеются различия и между кочевой и оседлой формой хозяйства. Для кочевого общества вообще немислимо рабство как формация. Если иметь в виду все это, то существовал и не мог не существовать на Востоке особый азиатский способ производства. В чем это выражается, попытаемся рассмотреть на примере кочевого общества.

Прежде всего, кочевое общество миновало рабство не потому, что оно появилось, как иногда утверждают, после разложения рабства. Кочевое общество появилось почти параллельно, по соседству с рабством. Однако рабство здесь не могло утвердиться из-за кочевого образа жизни. Поэтому оно до определенного периода своего развития оставалось обществом военной демократии, раннего феодализма и т. д.

Необходимо также отметить, что в кочевом обществе не было и так называемого восточного деспотизма, а если нечто подобное и имело место, то оно проявлялось не в столь жестоких формах, как в земледельческих странах Востока. Деспотизм в этом обществе мог устанавливаться лишь в исключительных случаях как явление сугубо временное, ибо природа кочевого общества не давала возможности для его развития. По словам Ф. Энгельса, «восточный деспотизм был основан на общей собственности» [16, с. 647]. Но эта общая собственность могла быть лишь удобным прикрытием и условием жестокой эксплуатации людей. Например, в оседлых районах Востока особое значение приобретает вода. Без воды земля пустует, жизнь прекращается, а вода — в руках феодалов: ханов, эмиров, халифов,

султанов. Воду достать — дело рук многочисленных людей, целого селения, племени, эмирата, находящихся во власти феодалов. Они роют каналы, колодцы, строят плотины. Поэтому рядовой человек невероятно зависим от их произвола. Все это возвышает роль правителей. Это и есть основа деспотизма. В условиях кочевой жизни зависимость от господствующего класса проявляется несколько своеобразно. Здесь скот мог иметь практически каждый, и не было личной зависимости. Поэтому не было той тупой жестокости по отношению к подчиненным, как у земледельческих народов Востока. Классики марксизма, говоря об истоках восточного деспотизма, указали на два момента: на наличие общинных традиций и собственности на воду [3, с. 132, 135; 20, с. 221, 229]. В условиях кочевой жизни общинные традиции были живучи, но собственность на воду в такой форме, как это имело место в Передней и Средней Азии, отсутствовала. Этим объясняется специфика кочевого скотоводческого общества, где восточный деспотизм не привился.

В научной литературе относительно патриархально-феодальных отношений сложились две точки зрения. Согласно одной из них, основой производственных отношений и у кочевников-скотоводов в эпоху феодализма является земля. На такой точке зрения стоят И. Я. Златкин, А. И. Першиц, С. З. Зиманов, А. Е. Еренов, Б. А. Ахмедов и др. Другие ученые: С. Е. Толыбеков, А. Карриев, А. Ю. Якубовский, В. П. Шахматов — считают, что основой феодальных отношений у кочевников является собственность только на скот.

Не отрицая роли земли в способе производства феодального общества вообще, кочевого в частности, нельзя не признать наличия специфических особенностей кочевого общества. У кочевников-скотоводов скот всегда служил основой социальной дифференциации людей. Он служил и основой кочевого хозяйства, и средством обмена товаров, выполняя и функцию денег. Вся жизнь, надежды и чаяния кочевников были связаны с содержанием и размножением скота. Особенность кочевого скотоводческого общества состоит в наличии собственности на скот как основы патриархально-феодальных отношений. У кого было много скота, тот

практически был обладателем и земельных просторов. Поэтому борьба за землю, пастбище определялась размерами частной собственности на скот.

Ф. Энгельс писал: «На средней ступени варварства у пастушеских народов мы находим уже имущество в виде скота, которое при известной величине стада регулярно доставляет некоторый излишек над собственной потребностью; одновременно мы находим также разделение труда между пастушескими народами и отставшими племенами, не имеющими стад, следовательно, две рядом стоящие различные ступени производства и, значит, условия для регулярного обмена» [19, с. 165].

Постепенно размножающийся прирученный скот стал основой богатства одних и бедности других, т. е. тех, кто не имел их. «Стада были новыми средствами промысла» [19, с. 162].

Но скот, как уже сказано, выполнял и роль денег, служил предметом обмена между различными племенами. «..Скот сделался товаром, — писал Ф. Энгельс, — ... скот приобрел функцию денег и служил деньгами уже на этой ступени» [19, с. 160].

Скот требовал сильных мужских рук. В семье главенствующую роль стал играть мужчина. Даже переход от матриархата к патриархату, перемена власти в семье связаны с приручением животных. Разведение скота совершило революцию в семье [19, с. 161].

Таким образом, если наличие собственности на скот определяет богатство или бедность членов общества, служит средством обмена, да еще и непосредственно влияет на семейную структуру, то это значит, что собственность на скот является и основой патриархально-феодалных отношений. Однако отношения господства и подчинения часто проявлялись завуалированно, под прикрытием патриархально-родовых отношений. Здесь вместо классовой борьбы на первый план выступали межродовые распри. Господствующий класс в этом был заинтересован.

Говоря о живучести патриархально-родовых пережитков у кочевников-скотоводов, Ф. Энгельс все же отмечал: «... между тем постепенное разрушение их стихийно сложившейся домашней промышленности, вызываемое конкуренцией продуктов крупной промышленно-

сти, все больше и больше разлагает эти общины» [16, с. 166].

Итак, производственные отношения, господствовавшие в экономике кочевников-скотоводов в дореволюционном Казахстане, называются патриархально-феодальными. В этом сказываются особенности скотоводческого хозяйства по сравнению с земледельческим хозяйством. Известно, что в основе производственных отношений лежат характер и уровень развития производительных сил. У кочевников-скотоводов к элементам производительных сил относились земля и скот (они же в зависимости от конкретных условий выступали как предметы труда), затем традиционные орудия труда: кнут, узда, седло и т. д. и, наконец, сами люди — главная производительная сила общества.

Кочевое общество нуждалось, хотя и в ограниченном количестве, в зависимых людях, которые ухаживали бы за скотом, пасли и сторожили его, постоянно следуя за ним. У кочевников не было крепостного права, не было и рабства в классическом смысле этого слова, но людей тем не менее надо было закрепить за каждым байским хозяйством. Единственным способом для решения этой задачи у кочевников-скотоводов были патриархально-родовые традиции, когда феодально-зависимые люди выдавались за родственников, сородичей. Патриархально-родовая идеология закрепляла в сознании масс эту традицию. Способствовали этому также различные межродовые распри, свадьбы, поминки (асы) и т. д. С другой стороны, сами бедные кочевники не могли обойтись без «помощи» крупных скотовладельцев, без молока, шерсти, мяса и т. д. Все это доставляет людям скот, а последний находится в собственности феодала. Таким образом, бедняк-сородич, работая на своего феодала, ухаживая за его скотом, все больше попадал в зависимость от него. В литературе такую форму эксплуатации называют «саун», «көлік маны», «жун беру» и т. д.

Но в глубокой древности у кочевников-скотоводов прикрепление людей осуществлялось грубо. Например, у скифов существовал обычай ослеплять рабов [80, IV, 2]. М. И. Артамонов считает, что ослепление рабов у скифов — это не просто жестокость, как полагают не-

которые исследователи, а необходимость, вытекающая из их кочевого быта [42, с. 81].

Скот у кочевых людей пасся в общем стаде. Богатые люди, имевшие много скота, не могли обходиться без помощи других, т. е. бедных одноаульцев, сородичей, которые вкладывали столько труда, сколько было необходимо для содержания огромного количества скота. При этом все это выдавалось за родовую взаимопомощь. Никаких трудовых соглашений не существовало. Это создавало возможность для появления скрытой формы эксплуатации чужого труда. Но это вовсе не означает, что кочевники-скотоводы жили в условиях доклассового общества. Но поскольку патриархально-родовые отношения были очень живучи, они не могли не оставить своего отпечатка. Это тем более примечательно, что и азиатский способ производства, с одной стороны, порождает классовый строй, с другой — сохраняет пережитки родового быта, из которого он вышел. При этом зависимость родовых кочевников от феодалов не носила такой обнаженно острой формы, как у оседлых людей стран Ближнего Востока.

В условиях кочевого скотоводства в основе патриархально-феодальных производственных отношений, как уже сказано, лежала собственность на скот и на землю. Что касается роли скота, то все, кажется, понятно, ибо без скота нет и скотоводческого хозяйства. Но вот с решением вопроса о собственности на землю дело обстоит гораздо сложнее. Часто собственность на землю определяется собственностью на скот, что и порождает мнение, согласно которому отрицается роль собственности на землю в условиях кочевого хозяйства. Между тем появление самого кочевого скотоводства связано с характером земли, пастбища. Даже то, что в условиях кочевого скотоводства развиваются не все виды скота, а лишь определенные из них, скажем, кони или верблюды, овцы, говорит о том, что нельзя сбрасывать со счетов наряду с собственностью на скот и роли собственности на землю в условиях патриархально-феодальных отношений. Давно известно их взаимовлияние. Скажем, земля, если на ней просто пасти скот, может служить лишь как объект труда; но если иметь в виду и то обстоятельство, что земля (пастбище) определяет и ха-

рактер скота и само скотоводство, то в этих условиях она превращается в средство производства. То же можно сказать о роли собственности на скот: если его просто пасти, он служит объектом труда, но если сделать его источником обогащения (путем купли, продажи и т. д.) или заниматься улучшением его породности и увеличением поголовья скота, то в таких условиях он превращается в средство труда.

Таким образом, в кочевом скотоводстве в зависимости от конкретных условий меняется роль как земли, так и скота. Даже у оседлых людей нетрудно заметить такие превращения. Например, у оседлых людей Средней Азии в основе богатства и бедности лежит собственность на движимое и недвижимое имущество, т. е. социальная дифференциация зависит от наличия или отсутствия хозяйственного строения, участка земли, садов и т. д. Но все это в конечном счете ничего не стоит, если нет воды, которой орошается эта земля [136, с. 199]. Очевидно, этим объясняется известное высказывание К. Маркса о том, что «в основе всех явлений на Востоке (имеются в виду Турция, Персия, Индостан.—Д. К.) лежит отсутствие частной собственности на землю» [12, с. 215]. Здесь частная собственность на землю определяется через собственность на воду.

Следовательно, у оседлых земледельческих людей Средней Азии в основе феодальных производственных отношений лежала собственность и на землю и на воду. Потому ничего особенного нет в том, что в условиях кочевого скотоводческого хозяйства в основе патриархально-феодальных отношений лежала собственность и на землю и на скот одновременно.

Что касается классовой структуры кочевого скотоводческого общества, то, прежде всего, следует отметить, что оно состояло из крупных феодалов-скотовладельцев (баев-богачей) и кедеев (бедняков): койшы (овцепасов), жылкышы (конепасов), малаи (слуг), кул (рабов), кун (рабынь), байгус (нищих) и т. д. Это в социальном отношении. В политическом отношении в обществе были господствующие классы: ак-суйек (белая кость) и зависимые люди: «кара-суйек» (черная кость), «букара» (бу — эта, кара — черный), буквально это черный, чернь, простолюдин. Соответственно бы-

ли: ханы, султаны, старшины, бии, подданные, податные, например, туленгуты (төренді кут, т. е. служи своему господину), прислужники, дружинники и т. д. Кроме того, были особый класс торговцев, купцов (саудагеры), а также служители культа, муллы (с принятием ислама), бақсы (шаманы) и т. д. Например, знаменитый Коркут, живший до проникновения в кочевую степь ислама, считался одним из духовных предков шаманов на территории Казахстана.

Наконец, из всего сказанного вытекает, что общественный строй у кочевников-скотоводов, по крайней мере к началу нашей эры, носил характер раннефеодального строя, подвергаясь на протяжении почти двух тысяч лет лишь небольшому изменению. Даже политический строй кочевого общества, достигший определенного развития в период монгольского нашествия, после военных походов снова возвращался к старому положению. Так, войска Чингисхана строились по родовому признаку. Это была свободная форма, основанная на военном насилии. Но даже родовой принцип организации у кочевников в тот период носил лишь внешний характер.

История кочевых племен связана с историей образования и упадка различных крупных и малых политических союзов и орд. И на территории Казахстана, Северного Причерноморья, Алтая издревле жили местные кочевые племена со своими древними обычаями и традициями, хотя в разное время их относительно спокойная жизнь, как уже сказано, прерывалась вторжением различных иноземных захватчиков.

Так, средневековье характеризуется нашествием на Восточную Европу кочевых тюркоязычных народов: печенегов, торков, половцев, как их называют в русских летописях. В византийских источниках они именуются соответственно падинаками, узами и кучанами, в арабских и персидских — баджнук, гузами, кыпчаками. С. А. Плетнева пишет: «Все три народа, несомненно, близкородственны, все три пришли из азиатских степей, все три во время нашествия на Восточную Европу стояли на одной стадии экономического и общественного развития. Наконец, эти народы имеют один антропологический тип, хорошо прослеженный благодаря материалам, полученным из степных курганов» [206, с. 47].

У кочевых народов, даже в условиях апогея их общества, наиболее обездоленной была жизнь женщины. Ее считали собственностью семьи, рода, продавали и покупали, как скот. Это положение закреплялось законами ислама и адата (обычное право). Женщина не имела права постоять за себя, действовать наперекор мужу, выступать в качестве обвинителя или свидетеля.

Постоянное кочевание, межродовые распри, вооруженное отражение нападения врагов чрезвычайно возвысили роль мужчины в обществе, при этом в ущерб женщине. Эта неравноправность закреплялась и в психологии общества, в обычном праве. Так, после смерти своего мужа женщина не имела права по своей воле выбрать себе мужа или возвратиться в родительский дом. Она могла стать женой лишь члена рода, откуда происходил умерший муж.

О том, что женщина не выбирала себе мужа, за нее это делали другие, т. е. тот, кто платил или получал выкуп, свидетельствуют такие реакционные обычаи, как калым, аменгерство, раннее сватовство и т. д. В женщине ценились безропотность, кротость, покорность, полнейшая зависимость от мужа. Ее единственный удел — семейный очаг и дети, ее обязанности — служить мужу, угождать ему и всем старшим, и младшим в семье, создавать домашний уют и т. п. Самым страшным оскорблением для мужчины было, если его назовут женщиной.

Униженное положение женщин в кочевом обществе определялось и другими моментами. В условиях кочевого скотоводства население распадалось на мелкие аулы, находившиеся друг от друга на значительном расстоянии. Иначе содержать огромное количество скота, т. е. концентрировать его на одном месте, было практически невозможно. Интересы размножения скота постоянно выдвигали на первый план потребность в дополнительных рабочих руках для содержания животных и ухода за ними. Поэтому кочевник-скотовод был заинтересован в выдаче замуж малолетних девочек или в женитьбе мальчиков 13—14 лет на взрослой девушке и даже женщине, чтобы удовлетворить потребность в рабочих руках. Кроме того, из-за быстрого размножения скота аулы постоянно дробились на ряд подаулов. Это делалось двояким способом. В одном случае кочевник-

скотовод выделял женатому сыну определенное количество своего скота и феодально-зависимых людей, чтобы он, образовав самостоятельный аул, кочевал в составе большого аула, придеживаясь определенного интервала. В другом случае феодал, т. е. богатый скотовод, сам женился на очередной своей жене (второй, третьей и т. д.), поскольку он имел возможность уплатить за нее калым и содержать каждую из них отдельно в качестве самостоятельного аула со своим хозяйством. Это делалось в основном для того, чтобы лучше содержать огромное количество скота. Но полноправным собственником всех этих аулов с их скотом был глава патриархальной семьи — феодал-скотовод.

Интересами содержания хозяйства и наличием калыма был вызван у кочевников обычай родовой экзогамии — левират, который существует с глубокой древности. Плано Карпини отмечал: «Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать: иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственниками, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после смерти его они могут жениться. А на жене брата другой брат, меньший, после смерти первого или иной младший из родства обязан даже жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого. По смерти мужей жены не легко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху» [210, с. 5].

Конечно, к высказываниям Плано Карпини по данному вопросу нужно относиться критически, но некоторые его свидетельства носят объективный характер. Например, женитьба на мачехе или на жене братьев после смерти их мужей существовала еще у гуннов, затем у уханьцев.

Гунны, по сведениям китайских источников, «по смерти отца женятся на мачехе, по смерти братьев женятся на невестках» [61, т. 1, с. 40].

Известно, что к господствующему укладу хозяйства приспособляются и другие институты — семья, ее быт, обычаи людей, традиции и т. д. Не случайно у кочевни-

ков сильно развито чувство священности родственных уз, обязательное почитание младшими старших.

Положение женщины в кочевом обществе определялось и тем, что в условиях кочевой жизни не было домостроевского порядка. Здесь просто невозможно существование института затворничества женщины, паранджи, гарема и т. д. Женщина в кочевом обществе имела относительную свободу и самостоятельность. Она, если речь идет о женах богатых скотоводов, могла самостоятельно принимать гостей, высказывать свое мнение, объявлять публично свое решение, хотя все это делалось от имени мужа. Это обстоятельство несколько выделяло роль женщины в обществе кочевников и воспитывало соответственно этому и психологию людей.

«...В Приаралье, к северу от Хорезма, византийские послы в XI в. застали тюркские племена, управляемые женщиной» [267, с. 13].

Значительная часть хозяйства у кочевников держалась на плечах женщины [210, с. 78]. Женщина плела, шила, вязала, чинила, выделывала кожу, мыла, красила, теребила шерсть, готовила пищу, кумыс, сбивала молоко, сушила мясо, делала курт, а при перекочевках вьючила верблюдов, ставила и снимала юрту, подавала мужу одежду, коня и т. д.

Чтобы понять, насколько изменился образ жизни кочевников-скотоводов, живших в первой половине XIII в., т. е. в период нашествия Чингисхана, сравним его с образом жизни кочевников, скажем, начала XX в. Не трудно заметить, что изменений особых за последние семь-восемь веков не было. Значит, то, о чем писали Плано Карпини и Вильгельм Рубрук, сохранилось без особых изменений до начала 30-х гг. XX в.

Вот, к примеру, что писал о команах (половцах) В. Рубрук: «Из коровьего молока они сперва извлекают масло и кипятят его до полного сварения, а потом прячут его в кожах баранов (мес. — Д. К.), которые до этого сберегают. Хотя они не кладут соли в масло, оно все-таки не подвергается гниению вследствие сильной варки. И они сохраняют его на зиму. Остальному молоку, которое остается после масла, они дают киснуть, насколько только можно сильнее, и кипятят его; от кипения оно свертывается. Это свернувшееся молоко они

сушат на солнце, и оно становится твердым, как выгорка железа; его они прячут в мешке на зиму. В зимнее время, когда у них не хватает молока, они кладут в бурдюк это кислое и свернувшееся молоко, которое называют гриут (гурт, курт. — Д. К.), наливают сверху теплой воды и сильно трясут его, пока оно не распустится в воде, которая делается от этого вся кислая; эту воду они пьют вместо молока. Они очень остерегаются, чтобы не пить чистой воды» [210, с. 75].

Все это ничем не отличается от уклада жизни кочевников начала XX в. Следовательно, если за семь веков в образе жизни кочевников мало что изменилось, то возникает вопрос: когда же появился такой способ приготовления продуктов? Не мог же он мгновенно появиться в середине XIII столетия и стать на многие века устойчивым. Несомненно, все это уходит в глубь веков.

Немало красочных описаний различных обрядов кочевников-казахов (помолвка, женитьба и др.) мы находим в лирическом эпосе «Кыз-Жибек» и других эпических поэмах казахов. Героико-лирический эпос казахов «Кыз-Жибек» появился до образования казахской народности, ибо не встречается в нем понятие «казах». Джигит Тулеген едет за своей невестой за тридевять земель, преодолевая шестимесячный путь. Весьма характерен знаменитый народный кюй «Аксак кулан», относящийся к концу 20-х гг. XIII в., в котором рассказывается, как музыкант сумел с помощью кюя сообщить хану трагическую весть о гибели его сына на охоте, причем так сообщить, чтобы не навлечь на себя гнев хана. Такому способу передачи мыслей предшествовал длительный период эволюции культуры народа. Мы придерживаемся мнения, что кочевое общество после XIII в. не получило дальнейшего развития и было обречено на медленное угасание. Все, что оно могло дать, сложилось именно до монгольского нашествия.

В период расцвета кочевого общества устное народное творчество обогащается многими новыми песнями, сказками, лирическими и героическими поэмами. Совершенствуется прикладное искусство.

Кочевники очень высоко ценили ораторские способности, природное остроумие и юмор. У казахов шашены (ораторы) пользовались особым уважением, известно, на-

пример, что шашен Каздаусты Казбек в тридцать лет был избран бием, выиграв трудный судебный процесс. Хотя у казахов, как и у всех народов Востока, женщина была бесправна, но если она владела искусством образной, логичной и убедительной речи, то это получало одобрение у окружающих. Видимо, отсюда происходит казахская поговорка: *Әзілің жарасса, атаңмен ойна* — «Если шутка твоя уместна, то можешь пошутить с самим свекром».

Характерно, что во время различных торжеств, праздников, на свадьбах, когда устраивались состязания на лучшую песенную импровизацию (*айтыс*), это поэтическое соперничество происходило нередко между мужчиной и женщиной.

Высоко ценится у казахов иносказательность речи, способность искусными намеками и полунамеками дать понять собеседнику ту мысль, которую говорящий по какой-либо причине не может (или не хочет) высказать прямо.

Многие обряды также уходят своими корнями в седую древность. А. Левшин сообщает, что казахи «зарывают вместе с телом оружие, конскую сбрую и убор умершего... некоторые зарывают вместе с мертвым посуду, ему принадлежавшую» [160, с. 111].

По мнению С. И. Руденко ритуал «топырак салу» (землю сыпать на могилу) у казахов — отголосок ритуала древних кочевников возводить огромные курганы (холмы) на могиле знатных людей.

Охота у кочевников в тот же период получает широкое распространение, в том числе и как средство развлечения [48, с. 523].

Тактику охоты монголов В. Рубрук описывал так: «Когда они хотят охотиться на зверей, то собираются в большом количестве, окружают местность, про которую знают, что там находятся звери, и мало-помалу приближаются друг к другу, пока не замкнут зверей друг с другом как бы в круге и тогда пускают в них стрелы» [210, с. 76]. Монголы же, согласно предположениям некоторых ученых, заимствовали у местного кочевого населения тактику облавной охоты на диких животных, которая явилась для них и своеобразным методом обучения войск.

Русское слово «ура» в свое время заимствовано у монголов Те, в свою очередь, возможно, заимствовали его у местного тюркского населения, что происходит от тюркского слова «ора», т. е. завертывай, окружай. Видимо это слово возникло первоначально на основе облавной охоты.

Долгое время охота у казахов являлась любимым занятием и одновременно доходной статьей «Хотя большая половина сих богатых и праздных скотоводцев, — пишет И. Г. Георги, — упражняются в звериной ловле только для забавы, однакож промысел сей, доставляя им дичину и мягкую рухлядь, приносит великую пользу» [81, с. 128] Об этом же сообщает Паллас П С [201, с 585]

Однако появилась она в кочевом обществе в период VI—XII вв Вильгельм Рубрук писал о кылчаках, что «охотой оны добывают себе значительную часть своего пропитания» [210, с 76]

Экстенсивное скотоводческое хозяйство требовало относительно небольшого количества рабочих рук, и это приводило к их излишку В результате кочевники часто уходили в соседние государства для службы в вооруженных отрядах Такую службу они несли, в частности, в Хорезме, Хиве, Грузии, у русских и венгерских князей и др К X—XII вв половцы, печенег и другие кочевники-скотоводы сблизились с Русью, находясь в соседстве с ней Они торговали, приходили друг другу на помощь в борьбе с иноземными захватчиками Думается, логика соседства кочевников скотоводов с Русью привела бы их к еще большему сотрудничеству, если бы чингисхановские полчища не разбили их Но половцы и русские в X—XII вв посеяли добрые семена дружбы и братства наших народов, которые дали дружные всходы значительно позже

Апогей кочевого общества совпадает с периодом образования великого Тюркского каганата

О значении великой кочевой державы Л Н Гумилев пишет: «Образование ее стало в какой-то мере переломным моментом в истории человечества, потому что до сих пор средиземноморская и дальневосточная культуры были разобщены, хотя и знали о существовании друг друга. Бескрайние степи и горные хребты

препятствовали сношениям Востока и Запада. Только позднее изобретение металлических стремян и выючной упряжки, заменившей телеги, позволило караванам сравнительно легко форсировать пустыни и перевалы» [89, с. 5].

Расцвет кочевого общества был связан, в первую очередь, с определенными экономическими предпосылками, которые необходимо рассмотреть особо.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ РАЗВИТИЯ КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА

Мировые торговые пути и кочевое общество

На историческом пути развития народов исключительно важную роль играло взаимовлияние их экономик и культур. Чем больше контактов было между странами, тем шире были возможности для взаимобмена опытом; при этом отставшие в своем развитии народы всегда учатся у более развитых народов.

То обстоятельство, что древняя и средневековая Средняя и Передняя Азия имели в свое время относительно высокие достижения в развитии экономики, культуры и науки, имеет прямое отношение к сказанному выше.

Только недавно город Самарканд отметил свое 2500-летие. Такую же дату отметило Иранское государство. Двадцать веков исполнилось городу Ташкенту.

Когда войска Александра Македонского вторглись в пределы Малой и Средней Азии, они столкнулись с наиболее стойкой хорошо вооруженной силой. Особенно сильное сопротивление оказала завоевателю конница, состоящая из скифов-массагетов [41, с. 135—137, 148—149]. Воины среднеазиатских степных народов в бою были «тщательно закрыты» металлическим панцирем [155, 1971, X, с. 8], имели металлические шлемы, а также щиты разной формы и разного размера [41, с. 136]. По сообщению Геродота, кони массагетов были защищены нагрудными панцирями [80, т. 1, с. 201, 215]. Клинообразный строй в бою употребляли скифы, от них его заимствовали фракийцы [41, с. 16; 69, 1948, № 1, с. 281].

Страбон писал о массагетах, что «они — хорошие конные и пешие воины, вооружаются луками, ножами, панцирями и медными секирами» [254, XI, 29, 6].

Из Средней Азии военные изобретения скифов или саков-массагетов распространились на запад (в Ахеменидское государство (Иран), на юг — в Индию, на восток — в Китай. В Средней Азии в это время имелись также боевые колесницы. Лукиан писал: «Скифские стрелы намазываются ядом» [69, 1948, № 1, с. 299]. Но прежде всего надо подчеркнуть, что Средняя Азия была издревле связана с Ираном.

Акад. Б. Г. Гафуров в своей книге «Таджики» пишет, что имеется много общего между Средней Азией и Ираном. В то время нельзя было отрывать Среднюю Азию от Передней, а кочевников Западной Сибири и степей Приаралья — от оседлых народов Средней Азии. Действительно, тогда Иран, Средняя Азия и кочевая степь севернее Сырдарьи представляли собой один общий торгово-экономический регион, связывающий Восток с Западом. Эта связь имела различные аспекты.

Во-первых, это была торговая связь. Средняя Азия и Иран издревле являлись районами оживленной торговли, их территорию пересекали в разных направлениях трансконтинентальные караванные тропы. В Средней Азии, как уже было сказано, много было торговых городов, караван-сараяв. Например, Сауран (Собран), развалины которого по сей день сохранились недалеко от Туркестана, при Саманидах был богатым торговым городом. Согласно Ибн Хаукалю, торговали с мусульманскими купцами-кочевниками огузы (гузы). По словам Макдиси, Сауран — большой, окруженный стенами город. В то время (80-е гг. X в.) Сауран был крепостью против кочевников гузов и кимаков [84, с. 304].

«Был Иран и был Туран, мир оседлый и мир кочевой. Казалось, что они всегда враждовали. Фирдоуси в «Шах-намэ» писал об их вековой борьбе, а тысячелетиями раньше в священной книге древнего Ирана «Авесте» противопоставлялись правоверные и добродетельные земледельцы и их враги, «поклонники дэвов», кочевники — тура. Впрочем, они не только воевали, но временами дружили и торговали», — пишет А. Хазанов [119, 1975, № 1, с. 23]. Туран — страна кочевников.

Что касается языка, на котором изъяснялись народы Ирана и Турана, то существуют различные точки зрения. «Хотя в древности Иран и Туран, — продолжает А. Хазанов, — редко понимали друг друга, но объяснялись тогда без переводчиков», потому что говорили на одном из диалектов иранской группы. А на тюркском и монгольском языках говорили на Востоке [119, 1975, № 1, с. 23]. Но с этим трудно согласиться. В этом случае непонятно, откуда произошли тюркские названия местностей, относящиеся к глубокой древности.

Во-вторых, между этими регионами существовала религиозная связь. В Средней Азии и Иране в более поздний период такой религией явился ислам.

Не случайно монголы, как это будет показано ниже, впоследствии признали ислам в качестве государственной религии во всех тех улусах, которыми они правили. Из Индии в Среднюю Азию проникает буддийская религия [266, с. 187].

Между Ираном и Средней Азией осуществлялись также связи по линии науки, литературы, искусства, фольклора.

Иранский народный героический эпос, который частично известен нам из сохранившегося во фрагментах труда придворного врача Артаксеркса II Ктесия «Персидская история», первоначально создавался в среднеазиатских областях, главным образом у бактрийцев и саков. Позднее он распространился на запад, в него были внесены изменения и дополнения, и он стал основой иранского национального эпоса. Многие сюжеты этого эпоса вошли в «Шах-намэ» Фирдоуси [78, с. 84].

Минарет Калян в Бухаре, башня Бурана близ Токмака, мавзолей Рабат и Малик в Узгене, Айша-Биби близ Джамбула, Ходжи Ахмеда Яссави в Туркестане и др. носят выраженный отпечаток влияний различных художественных и культурных элементов и традиций.

Среднеазиатские кочевники, особенно саки, отличались, как уже сказано, большим воинским искусством. Не случайно Ахеменидское государство пополняло ряды своих воинов саками.

Образцы храбрости показали саки также в битвах при Платеях и Фермопилах. Персидский полководец Мордоний в контингент отборных отрядов, с которыми

он направлялся покорить Грецию, наряду с персами и мидийцами включил также бактрийцев и саков [78, с. 83].

Александр Македонский после завоевания Средней Азии и Персии, когда он направлялся покорять Индию, в состав своего войска также включил саков (скифов) [41, с. 176].

Как сообщает Лукиан (I—II вв. до н. э.), Александр сказал: «... Я дошел до Индии, сделал океан границей своих владений... и, перейдя через Танаис (т. е. Дон; за Дон Александр Македонский ошибочно принял Сырдарью. — Д. К.), победил в большой конной битве скифов, далеко не ничтожных противников» [69, 1948, № 1, с. 301].

Ахеменидское государство в свое время терпимо относилось к приезду к ним ученых, мастеров, ремесленников, поэтов из других стран.

Гераклит, Фалес, Геродот, Демокрит, Аристотель и другие представители древнегреческой культуры путешествовали по странам Востока и познакомили греков с культурными достижениями народов этих стран и сами оставляли заметный след в развитии науки и культуры Востока. Как полагают некоторые ученые, Демокрит вряд ли мог бы без влияния культуры Востока создать свое знаменитое атомистическое учение [155, 1971, X, с. 8]. Геродот написал историю в девяти томах, значительная часть которой посвящена Востоку.

Отцом греческой математики, как свидетельствует предание, был родовитый гражданин города Милета, богатый купец Фалес (конец VII и начало VI в. до н. э. Он посетил Вавилон и Египет, где познакомился с достижениями ученых этих стран.

Фалес, как известно, определил продолжительность года, изучил движение луны и планет. Он прославился тем, что в Греции в 585 году до н. э. предсказал солнечное затмение. За это он получил титул оракула от египетских жрецов. Между тем на Востоке, в частности в Китае, затем в Индии, все это было известно значительно раньше — за тысячу лет до н. э. [246, с.120]. А благодаря торговым и другим связям со странами Востока такие сведения проникали и в Среднюю и в Переднюю Азию.

Искусство государства Ахеменидов, оказавшее влияние на древних греков, во многом обязано, в свою очередь, среднеазиатским народам. Мастера, работавшие при Ахеменидах, творчески переработали и развили заимствованные у своих предшественников и у оседлых среднеазиатских кочевых народов культурные традиции.

Например, так называемый звериный стиль, широко распространенный у скифских племен на обширной территории от Сибири до Северного Причерноморья, был широко использован иранскими мастерами прикладного искусства. В свою очередь, произведения ювелирного искусства ахеменидских мастеров, как об этом свидетельствуют археологические раскопки в Приаралье, Семиречье и ряде других районов, проникли благодаря торговле не только в Среднюю Азию, но и далеко в глубь степей. Китай перенял у народов Средней Азии искусство изготовления стеклянных изделий [266, с. 187].

Вблизи Сургута, что находится в районе Средней Оби, археологами при раскопках древних курганов обнаружено несколько хорошо сохранившихся могильников, относящихся к III и II вв. до н. э., в которых найдено большое количество керамики, металлических наконечников стрел, бронзовых обкладок для сосудов, различных серебряных вещей: поднос, ваза и украшения, сделанные не местными мастерами. В частности, в серебряном подносе в центре позолоченной чеканки изображен волк, нападающий на оленя.

Как полагают ученые, народы, населявшие Иртышско-Обский бассейн, имели оживленные связи с другими народами, и эти вещи завезены сюда, видимо, из южных стран торговым караваном [222, 1975, 19 августа].

В Каунчи-Тепе, вблизи Ташкента, найдены раковины Каури, добываемые только в Индийском и Тихом океанах, а также характерные боченовидные бусы из синего стекла [85, с. 58]. Но раковины Каури и Грифея найдены и в Прохоровских курганах Оренбургской области, которые относятся к VI—V вв. до н. э., а бусы из синего стекла — в скифских курганах у села Покровка Уральской области [235, с. 17, 18, 22].

Курганные находки в Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма также говорят о том, что

эти края являлись связующим звеном между Востоком и Западом, Югом и Севером. Здесь, в частности, найдены зеркала, «вывезенные из Греции или сработанные в мастерских Греции по греческим образцам», серебряные блюда с надписями, свидетельствующими об их ахеменидском происхождении, азиатский котел из красной меди и многое другое [235, с. 24, 26, 71]. Из Ирана шли серебряные блюда, ожерелья, подвески, нашивные бляхи [257, с. 208].

Существовала тесная связь между племенами Горного Алтая и Передней Азии, о чем свидетельствуют раскопки алтайских курганов VI—IV вв. до н. э. Например, в персидском искусстве большое место занимали мотивы животного мира. Львы, горные козлы, лани, дикие быки и другие животные изображались в разных композициях. При этом кроме животных, типичных для фауны Передней Азии, часто воспроизводились фантастические животные: ушастые, орлиные и львиные грифоны, что характерно для искусства племен Алтая. С другой стороны, переднеазиатские и среднеазиатские мотивы изображены на предметах найденных при раскопках курганов Алтая, в частности на персидских, ворсовых коврах из Пазырыкских курганов, расположенных на Улаганском плато, которые сохранились здесь благодаря вечной мерзлоте [238, с. 13].

По мнению специалистов, это переднеазиатский ковер, о чем свидетельствует и его качество и рисунок. Так, большой пазырыкский ковер, как и все стриженные ковры, прямоугольной, слегка удлиненной формы, размером 1,83×2 м. Он имеет сложный бордюр, обрамляющий центральную часть — поле, на котором многократно повторяется один и тот же рисунок. Причем рисунок этот представляет собой оформленный в прямоугольную рамку крестообразный орнамент, состоящий из четырех цветков с квадратом в центре и четырех чашелистиков. Орнамент расположен на красном фоне. Цветы, составляющие орнамент, желтые, чашелистики голубые. Квадрат в центре и прожилки цветков темно-синие [238, с. 23]. На ковре использованы еще серые, темно-серые и белые цвета. Это говорит о богатом красочном оформлении ковра.

По мнению акад. Б. Г. Гафурова, такие ковры изго-

товляли и в Иране, и в Средней Азии, так как приемы, стиль, техника художественного исполнения и сюжеты изображенных на них сцен были общими для многих среднеазиатских народов [78, с. 85].

Таким образом, кочевая степь, Средняя и Передняя Азия были между собой в тесных экономических и культурных связях, и в их развитии мы находим немало общего.

Древнейшие торгово-экономические связи между этими народами способствовали тому, что в более позднее время, спустя почти тысячелетие, район Средней Азии вновь стал очагом возрождения экономики, торговли, культуры.

Говоря об эпохе, относящейся к XV в. (эпоха Возрождения), Ф. Энгельс во введении к «Диалектике природы» писал: «Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества. Леонардо да Винчи был не только великим живописцем, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики. Альбрехт Дюрер был живописцем, гравером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации, содержащую в себе некоторые идеи, которые много позднее были вновь подхвачены Монталамбером и новейшим немецким учением о фортификации. Макиавелли был государственным деятелем, историком, поэтом и, кроме того, первым достойным упоминания военным писателем нового времени. Лютер вычистил азгивы конюшни не только церкви, но и немецкого языка, создал современную немецкую прозу и сочинил текст и мелодию того проникнутого уверенностью в победе хо-

рала, который стал «Марсельезой» XVI века Герои того времени не стали еще рабами разделения труда, ограничивающее, создающее однобокость, влияние которого мы так часто наблюдаем у их преемников» [18, с. 346—347]

Анализируя эпоху расцвета кочевого общества в Средней и Передней Азии, мы находим в ней немало черт, сближающих ее с периодом, так ярко охарактеризованным Ф. Энгельсом. Не случайно VI—XII вв. в развитии Средней и Передней Азии «часто называют Восточным Ренессансом» [140, с. 52].

Однако Восточный Ренессанс имел ряд особенностей. Западный Ренессанс, который пришел значительно позже, с эпохой великих географических открытий, был связан с буржуазным периодом, требовавшим развития производительных сил, промышленности, науки и культуры. Передовые ученые, мыслители были материалистами, атеистами, решительно выступали против средневековой схоластики, пустой силлогистики, призывали изучать природу, проводить экспериментальные исследования, явились идеологическими предвестниками буржуазных революций.

Восточный Ренессанс был связан с развитием торговли. Как Маркс писал, что там, где отсутствует промышленность, существенную роль в развитии производительных сил играет торговля. И Восточный Ренессанс дал миру гениальных мыслителей, которые обогатили сокровищницу мировой науки, путешественников, знавших много языков, овладевших различными областями знаний. Однако они не были атеистами. Критика существующего строя, религии и схоластики велась робко, завуалированно, в виде сказок, назиданий или анекдотов, насмешек. Например, в сказках «Халила и Димна» главными героями повествования выступают звери и птицы. Через их повадки в аллегорической форме выявляются социальные и моральные пороки общества. К этому периоду истории относится появление сказок, где в фантастической форме рассказывается о наследниках трона, которые понимают язык животных и птиц, слушают их рассказы о добре и зле, о чести и бесчестии, о верности и подлости и т. д. Но никогда сами не принимают активного участия хотя бы в разбо-

ре этих моральных проблем. Разумеется, и в условиях феодального и религиозного гнета народ жил своей внутренней, духовной жизнью. Он дал миру вечно живые, смешные и жизнеутверждающие анекдоты Ходжи Насреддина, рубайяты Омара Хайяма и др. Они будоражили умы передовых людей: ученых, мыслителей, поэтов. Например, анекдоты остролова Ходжи Насреддина разоблачают не только ханжество мулл, но и религиозные догматы, высмеивают жадность богачей, тупость феодальных правителей. Омар Хайям, призывавший в своих рубайятах наслаждаться земной жизнью, дабы не обмануться надеждами на сладость потусторонней жизни, был выдающимся ученым-математиком и мыслителем.

Среди этих разносторонне одаренных людей на первом месте по праву стоит имя Абу Насра Мухаммада аль-Фараби — великого ученого-астронома, физика, химика, минералого, математика, музыковеда, риторика, социолога. Его при жизни называли вторым, после Аристотеля, учителем Востока.

Абу Райхан Мухаммед Ибн Ахмед аль-Бируни был не только выдающимся астрономом и математиком, но и геодезистом, географом, геологом, физиком, химиком, биологом, поэтом, философом, историком, этнографом, т. е. разносторонним ученым-энциклопедистом. Он родился в предместье Кят, древней столицы Хорезма, в 973 г., умер в 1048 г. Аль-Бируни оставил свыше 150 сочинений [79, с. 8].

Аль-Жаухари — астроном, математик; аль-Хорезми — энциклопедист, астроном, математик; Авиценна — мыслитель, медик; Улугбек — астроном и эмир (государственный деятель). Все они выходцы из Средней Азии. Иранский поэт и мыслитель Фирдоуси тоже значительную часть своей жизни провел в городах Самарканде, Бухаре и др. Это обстоятельство заслуживает внимания. Данный момент стоит подчеркнуть, так как некоторые авторы оспаривают эти факты.

Так, иранский проф. Ф. Реза пишет, что аль-Фараби, так же как аль-Бируни, Авиценна, имеет иранское происхождение, и писал он свои сочинения на родном, персидском языке [232, с. 35]. Но чуть позже в другом номере того же журнала указывается, что аль-Фараби

— один из великих философов Востока и что он родился 1100 лет назад на территории Туркменской Советской Социалистической Республики [155, 1973, VI, с. 31].

Между тем аль-Фараби родился в 870 г. в Отраре, который арабы называли Фарабом, т. е. в Южном Казахстане по современному административному делению, в городе, который когда-то был узловым пунктом караванных путей на границе между кочевыми племенами и оседлыми народами. В городе, где родился и провел свое детство аль-Фараби, была богатейшая библиотека, уступающая лишь знаменитой Александрийской. Подобно тому, как Александрийская библиотека вдохновляла великого математика Евклида, отрарская библиотека вдохновляла Аристотеля Востока — аль-Фараби. Затем аль-Фараби путешествовал по странам Ближнего Востока, бывал в городах Хорране, Саммаре, Халебе, Тадморе, Иерусалиме, Каире и др. Умер он в 950 г. в Дамаске.

Писал аль-Фараби на арабском языке. Нам известно сейчас свыше 160 его трудов. А сколько из них исчезло бесследно? Только за последние годы Академией наук Казахской ССР опубликованы отдельными изданиями его философские, социально-экономические, логические и другие трактаты. Он глубоко изучал труды Аристотеля и высоко ценил греческую философию. О зрелости социально-этических взглядов аль-Фараби свидетельствуют его высказывания о войнах справедливых и несправедливых. В частности, он писал: «Когда правитель ведет войну с какими-либо людьми только для того, чтобы они покорились и подчинились ему, почитали все его предписания, соглашались, чтобы он руководил и управлял ими, как он это находит нужным, и чтобы они соглашались со всеми его указаниями во всем, чего бы он ни пожелал, то это — несправедливая война» [34, с. 231].

Это было время, когда многие правители государств Средней и Передней Азии окружали себя выдающимися учеными из разных стран, как Халиф Гарун Рашид, или сами занимались наукой, поэзией, как Эмир Абулгази Бахадур или Улугбек. В то время Багдад был центром науки и культуры. Здесь была академия

«Байт-аль-Хикма», где трудились арабские, греческие, индийские, иракские, вавилонские ученые, а также ученые, прибывшие из Средней Азии (среди них был и аль-Фараби), оставившие след в развитии мировой науки и культуры. Одним из крупнейших научных и культурных центров был в то время Хорезм, куда съезжались выдающиеся ученые. Здесь была «Академия Мамуна».

И в Средней и в Передней Азии религия преследовала свободомыслие, но тем не менее она не смогла остановить всеобщего подъема, вызванного потребностями общественного прогресса.

Особо следует сказать о первом средневековом поэте и мыслителе Юсуфе Баласагуни, жившем в XI в. на территории современного Южного Казахстана при правлении Караханидов. Он написал гуманистическую поэму «Кутадгу билиг» [301] — «Знание есть счастье», в которой изложил свои философские, этические и политические взгляды, призывал к изучению наук, показав свою осведомленность во многих областях знаний. Нам не известно, занимался ли он специально науками. Но он был современником аль-Бируни, Ибн Сины и других ученых-мыслителей, следовал их учениям. Когда умер Ибн Сина, Баласагуни было 17 лет, а когда умер аль-Бируни ему было 28 лет. Он на 20 лет старше Омара Хайяма. Как известно, и Ибн Сина, и аль-Бируни, и Омар Хайям соответственно своей эпохе были разносторонними учеными. Является ли Юсуф Баласагуни исключением? Это вопрос, на который должны дать ответ будущие исследователи творчества и наследия этого мыслителя.

Таким образом, X в., который для стран Запада был мрачной эпохой застоя и упадка, для Ближнего Востока «явился эпохой великолепного прогресса научных знаний» [184, с. 16].

Говоря об этом периоде, Ф. Энгельс писал о весьма важных, но лишь спорадически и по большей части безрезультатно исчезнувших открытиях арабов [18, с. 345]. При этом необходимо учесть, что Ф. Энгельсу далеко не все открытия арабов были известны, поскольку многие их исследования стали известны значительно позже.

В свете сказанного со всей очевидностью обнаруживается неприемлемость и ошибочность оценки Ф. Бэконом роли арабов в развитии науки.

Ф. Бэкон писал: «По справедливости можно насчитать только три периода наук: один — у греков, другой — у римлян, третий — у нас, т. е. у западных народов Европы, и каждому из них можно уделить не более двух столетий. А промежуточные времена мира были несчастливы в посевах и урожае наук. И нет причины для того, чтобы упоминать арабов или схоластов, потому что в эти промежуточные времена они, скорее, подавляли науку многочисленными трактатами, чем прибавляли ей вес» [66, с. 41].

К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «... историю человечества» всегда необходимо изучать и разрабатывать в связи с историей промышленности и обмена» [1, с. 28]. Средняя Азия вела оживленную мировую торговлю со многими странами, являясь посредником между Востоком и Западом, так же как и Западная Европа в XV—XVII вв. Благодаря торговле, например, из Ирана были завезены в Европу люцерна, белый голубь и т. д. При царствовании Дария из Ирана фисташки были завезены в Сирию, рис в Месопотамию, кунжут в Египет [155, 1971, X, с. 8].

Из Средней Азии Китай заимствовал культуру винограда и люцерны, искусство изготовления стеклянных изделий [267, с. 187].

Даже после того, как Средняя Азия и Восточная Европа, Кавказ и Иран, территория современного Казахстана были захвачены войсками Чингисхана, связь западных стран со странами Востока в течение некоторого времени продолжала существовать. В этих условиях возросла посредническая роль городов Северной Италии: Генуи, Венеции, базировавшихся на монопольной торговле товарами, полученными из Индии и проходившими через руки арабских купцов, через Египет и Сирию.

К. Маркс писал: «Тот закон, что самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к степени развития капиталистического производства, с особенной ясностью обнаруживается в истории посреднической торговли... например у венецианцев,

генуэзцев и голландцев, следовательно, там, где главный барыш извлекается не из вывоза продуктов своей страны, а из посредничества при обмене продуктов таких обществ, которые еще не развились в торговом и вообще в экономическом отношении, и из эксплуатации вступивших в обмен обеих производящих стран» [10, с. 361]. Эта посредническая роль городов Северной Италии резко упала лишь к концу XV столетия, когда произошли великие географические открытия материка Северной Америки, морского пути в Индию вокруг южной Африки и, наконец, материка Южной Америки. Это привело к изменению мировых торговых путей и оказало колоссальное влияние на экономику всей Средней, Передней Азии, вплоть до Северной Италии. Имея в виду это обстоятельство, К. Маркс, в частности, писал, что «революция мирового рынка с конца XV столетия уничтожила торговое преобладание Северной Италии» [9, с. 728, прим. 189].

Торговля являлась в то время одним из ведущих рычагов развития производительных сил, науки, культуры и взаимобмена производственным опытом. К сожалению, этому вопросу в исследованиях уделялось мало внимания.

Совершенно правильно замечает С. А. Плетнева в «Заключении» коллективной монографии «Степи Евразии в эпоху Средневековья», говоря: «Почти никогда ни один средневековый автор, рассказывая о каком-либо народе или государстве, не пишет о его торговых связях с ближними и дальними странами. Эти вопросы всецело решаются археологическими и нумизматическими исследованиями» [46, с. 239].

Торговля способствовала экономическому росту и культурному взаимобмену как оседлых, так и кочевых народов. Как отмечал К. Маркс, «в прямую противоположность развитию городов и его условиям торговый дух и развитие торгового капитала часто свойственны как раз неоседлым, кочевым народам» [10, с. 365].

К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали важнейшее значение мировых торговых отношений для сохранения и развития созданных производительных сил [1, с. 54]. В Средней и Передней Азии эта мировая торговля играла аналогичную роль.

Примером того, как межконтинентальная торговля оказывала влияние на возникновение крупного купеческого капитала в этом районе, является деятельность известного ученого Востока, энциклопедиста и историка Рашид ад-дина Файзаллаха, служившего визирем при Газан-хане и Ульзейту-хане в государстве Ильханов (население здесь вело полукочевой образ жизни) в течение 19 лет (1298—1317).

Рашид ад-дин писал о себе: «Сего слабого раба ввели в ряд заместителей (верховой власти) из (простого) служения его величеству и препоручили (ему) сады важных (государственных) дел, несмотря на то, что он не имел дарования к этому великому занятию, не было у него на это и достаточной силы ума и мысли. (Но), повинувшись (высочайшему) приказанию, нужно было заняться этим и по мере сил необходимо (было) проявить в этом отношении старание» [229, с. 51].

За время своего визирата он скупил множество мульковых земель. Кроме того, Рашид ад-дину за написание исторического труда Ильхан Ульзейту-хан пожаловал два селения в каждой области. Как видно из его завещания, Рашид ад-дин владел в разных областях государства 12 770 федданами, или около 80 тыс. га орошаемых пахотных земель, на правах мулька, ему принадлежали сотни тысяч голов скота — кобылиц, верблюдов, овец, коров [32, с. 189], и большие средства он вкладывал в караванную торговлю. Купцы возвращали Рашид ад-дину его долю прибыли товарами — текстильными, кожевенными и другими изделиями. Сверх того, Рашид ад-дину принадлежал основанный им пригород в Табризе, в котором 30 тыс. домов (семейств), 24 караван-сарая, 1500 лавок и т. д. [204, с. 235—236].

Сближение феодалов и феодальной знати с купечеством в Средней и Передней Азии в раннем средневековье напоминает аналогичные процессы, наблюдавшиеся позже во Флоренции. Возникнув тоже на почве посреднической торговли, знаменитая семья Медичи в XIV—XV вв. превратилась в могучую силу, в фактического правителя Флоренции. Она играла важную роль в политической жизни Италии, оказывая влияние на королей, политических деятелей. Эта семья дала 2 пап, 11 кардиналов, покровительствовала деятелям литера-

туры и искусства в Италии. Леонардо да Винчи, Микеланджело, Данте, Бокаччо и др., будучи флорентийцами, так или иначе были связаны с семьей Медичи.

Интересным является тот факт, что народы Средней Азии хорошо понимали тогда роль золота в жизни общества. Не случайно аль-Бируни в своих «Удельных весах» описывал такие действительные качества золота, как редкость его нахождения, долговременное его существование, редкое появление на нем ржавчины от влаги, воды и сырости земли, то, что «оно не рассыпается и не кальцинируется, и в огне не сгорает; вместе с тем оно легко поддается клейменю, препятствующему обманщикам подделывать его; оно обладает также красивым внешним видом». Бируни добавляет: «Но если бы оно, помимо всего этого, не обладало еще каким-то неизвестным качеством, то не радовался бы ему младенец и не тянулся бы к нему рукой из колыбели, чтобы схватить его; не утешалось бы им дитя во время плача, хотя оно и не знает ему цены и не умеет пользоваться им для нужд своих; не бились бы все люди в мире между собой из-за него, не щадя при его добывании ни тела, ни родных, ни детей, ни имущества, не считая свою цель достигнутой, как бы велико ни было собранное» [28, с. 258—259]. Это доказывает то, что Бируни жил в той среде, где сильно была развита роль денег, благородных металлов.

Таковы некоторые моменты, характеризующие роль торговли в экономическом подъеме кочевых и оседлых народов Средней и Передней Азии в VI—XII вв.

Средняя Азия — своеобразное торговое звено

В наиболее развитой форме торговля испокон веков, как уже было сказано, осуществлялась между Востоком и Западом. В этой торговле Средней Азии отводилась важная посредническая связующая роль. Это было вызвано тем, что когда не были еще открыты морские пути, соединяющие Восток с Западом, наиболее удобным в географическом отношении регионом, лежащим между Востоком и Западом, была именно Средняя Азия. Караваны выносливых верблюдов, способных перекрыть

большие расстояния без воды и пищи, преодолевать песчаные барханы и являющихся поэтому наилучшим в то время средством передвижения, состояли иногда более чем из тысячи «кораблей пустыни». Кочевники снабжали купцов этим живым транспортом. Один из иранских авторов IX в. Ибн Хордадбех писал, что русы на верблюдах достигают Месопотамии, даже далекого Балха, что находится на территории современного Афганистана [241, с. 98]. Кроме того, и сама Средняя Азия включалась активно в сферу торговли. Она сама становится районом, поставляющим свои и потребляющим товары других стран. Этому способствовали также ее богатые природные и экономические возможности. В сочинении «Михман-намэ-и Бухара» имеются интересные сведения о рынке города Сыгнака, куда сгоняли ежедневно 500 голов верблюдов для продажи [84, с. 307—308].

Даже временные затруднения, вызванные нашествием неприятеля, ухудшением отношений между странами, не могли, как уже сказано, надолго прервать торговлю. На торговых путях вырастали большие города, являвшиеся центром экономической и культурной жизни.

Арабский историк Ибн Баттута, побывавший в Сарае-Берке в 1333 г., оставил интересные сведения об этом городе: «Город Сарай, — писал он, — (один) из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, красивыми базарами и широкими улицами. Однажды мы ехали верхом с одним из старейшин его, намереваясь объехать его кругом и узнать объем его. Жили мы в одном конце его и выехали оттуда утром, а доехали до другого конца его только после полудня, (все) это сплошной ряд домов, где нет ни пустынных мест, ни садов. В нем 13 мечетей для соборной службы, одна из них шафийская. Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей. В нем (живут) разные народы, как-то монголы — это (настоящие) жители страны и владыки (ее), некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кипчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Ираков, из

Египта, Сирии и других мест живут в (особом) участке, где стена окружает имущество купцов» [259, с. 306].

О других древних городах уже было сказано ранее. Они тоже представляли собой крупные очаги торгово-экономических и культурных отношений.

Почему экономика и культура народов Средней Азии, а вместе с ними кочевников степей севернее Сырдарьи стояли не только до монгольского, но и до арабского (VIII в.) нашествия на том же уровне, что и экономика и культура народов Передней Азии? Это объясняется, прежде всего, тем, что Средняя и Передняя Азия являлись тогда единым экономическим районом, через который проходили караванные пути, идущие из восточных стран в западные страны и обратно. В этих условиях Средняя и Передняя Азия в одинаковой мере были вовлечены в сферу межконтинентальной торговли.

Далее, развитию экономики и культуры Средней Азии способствовало то обстоятельство, что народы Средней Азии находились в более благоприятных в географическом отношении районах, нежели народы Передней Азии. Здесь протекали крупные реки: Сырдарья, Амударья и др. Жаркое, знойное лето, плодородная почва и поливное земледелие способствовали здесь развитию садоводства, возникновению городов, развитию ремесленного дела. Кишмиш, орехи, урюк, дыни, хлопок и многое другое издревле выращивалось в Средней Азии и поставлялось в страны Востока и Запада.

Ибн Баттута пишет: «Подобия хорезмской дыни нет на свете, ни на Востоке, ни на Западе, за исключением бухарской дыни, за которой следует испаханская дыня. Кожа ее зеленая, внутренность красная. Она (дыня) чрезмерно сладкая; при этом она твердая. Удивительные свойства ее (закключаются) в том, что она разрезывается, сушится на солнце, укладывается в корзины — как у нас делается с сушеными винными ягодами и халагской смоквой — и везется из Хорезма в самые крайние земли Индии и Китая. Между всеми сушеными фруктами нет лучше этих дынь» [259, с. 313].

Такими же благоприятными районами были Семиречье, долины рек Чу, Кенгерлика, Едила и Яика. В Передней Азии тоже жаркий климат, но постоянно чувствуется дефицит воды.

Средняя Азия издревле привлекала внимание ученых, путешественников, географов. Очень много высказываний, путевых заметок об этом районе оставили в своих отчетах, дневниках арабские, персидские, армянские, римские и русские путешественники.

Так, персидский писатель эл-Джюздани в своем сочинении «Насиравы разряды» [1259—1260] приписывает сыну Чингисхана Джучи такие слова о Кыпчакской земле (Дашт-и Кыпчаке): «Во всем мире не может быть земли приятнее этой, воздуха лучше этого, воды слаще этой, лугов и пастбищ обширнее этих» [260, с. 14]. О Дашт-и Кыпчаке как стране, «обильной пастбищами и зимой, и летом» писал с восхищением арабский ученый Ибн аль-Асир, живший в первой половине XI в.: «В ней есть места, прохладные летом, богатые пастбищами, и есть места, теплые зимою, также изобилующие пастбищами — это степи на берегу моря», — писал он [259, с. 26; 273, с. 660].

Этот богатый район постоянно привлекал внимание также завоевателей из других стран. Не случайно он не раз оказывался объектом жестоких кровопролитных сражений. В этом отношении интересна этимология слова «Тараз» — так в древности называли город Джамбул. Некоторые исследователи считают, что это название произошло от тюркского слова «таразы», что означает весы, имея при этом в виду то обстоятельство, что город лежал на великом торговом (шелковом) пути. Но есть и другое предположение, согласно которому название города происходит от тюркского «талас», тем более что рядом протекает река с таким названием. Подобные факты имели место в прошлом, когда город получал название местности. На наш взгляд, вторая точка зрения ближе к истине. Возможно, первоначальным названием города было не Тараз, а Талас.

Талас — «город на реке того же имени, точное положение его неизвестно», говорится в примечаниях к запискам Плано Карпини и Вильгельма Рубрука [210, с. 195]. О городе Таласе упоминает в своих сообщениях и Рашид ад-дин [229, с. 73, 83]. Надо полагать, что свое название Талас (т. е. соперничество, борьба, состязание) сперва река, а затем и город получили от того, что эти

места являлись когда-то объектом постоянной борьбы различных противоборствующих сил.

Один из первых исследователей географии Туркестанского края В. Масальский писал: «Здесь все не только своеобразно, но и грандиозно: безводные степи и пустыни занимают многие сотни тысяч квадратных верст, озера настолько велики, что некоторые из них называются морями, реки по длине соперничают с наиболее крупными артериями Европы, впадины лежат намного ниже уровня океана, а горные системы принадлежат к числу высочайших на земном шаре» [175, с. 2]. Эта огромная территория веками являлась ареной схваток, кровопролитных боев с иностранными захватчиками.

На протяжении почти двух тысяч лет кочевник-скотовод отстаивал эту огромную территорию, сохранял свой быт, язык, обычаи. Его не сломали ни завоевательная лавина Чингисхана, ни нашествия джунгар, а еще ранее арабов, гуннов. В середине XVIII столетия казахское кочевое общество добровольно приняло русское подданство, связав тем самым свою судьбу с Россией и открыв своим потомкам широкий путь политического, социального и культурного прогресса. Этот союз был горячо одобрен казахским народом. Он видел в лице русского народа старшего брата и надежного друга. Конечно, присоединение национальных окраин к России явилось многоплановым процессом. С одной стороны, оно принесло колониальный гнет и национальное неравенство. С другой — способствовало пробуждению национального и социального самосознания трудящихся, укреплению дружбы русского народа с трудящимися национальных окраин, явилось предпосылкой для грядущих боев против царизма, колониализма и местных эксплуататоров. Кроме того, Россия явилась защитником Казахстана от иностранных интервенций. Добровольное присоединение сыграло исключительно прогрессивную роль в экономическом, социальном, культурном развитии казахского трудового народа.

«Присоединение к России Казахстана, — говорится в постановлении ЦК Компартии Казахстана «О 250-летию добровольного присоединения Казахстана к России», — способствовало активизации хозяйственной и общественно-политической жизни края, ускорило ломку патри-

архально-феодалных устоев, освоение природных богатств, создание очагов промышленности, развитие земледелия.

Благотворное влияние на духовную жизнь казахского народа оказало распространение демократической русской культуры и общественной мысли. Под их воздействием сложилось мировоззрение выдающихся казахских просветителей Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева и других» [131, 1981, 30 октября].

Многовековой жизненный опыт кочевника-скотовода, его мудрость, своеобразный характер психики кочевника-скотовода, вызванный условиями его хозяйственной жизни, воплотились в духовной культуре. Благодаря торговому общению и благоприятному взаимовлиянию культур как кочевые, так и оседлые люди получили большие возможности для развития материальной и духовной культуры. Не случайно наибольший расцвет культуры у кочевых людей, возможный в условиях антагонистических формаций, наблюдается в тех районах, которые граничат с зонами оседлости.

В свою очередь, и оседлые люди обогащали свою культуру за счет кочевников. Вдоль границ с кочевыми людьми, как уже сказано, возникали пункты обмена товаров, города с шумными базарами, караван-сарай, очаги культуры. Сюда относятся, видимо, и районы Средней Азии, граничащие на севере с кочевниками-тюрьками, на юге с кочевниками-арабами, и районы Северного Китая, граничащие с кочевниками Центральной Азии.

Влияние культуры народов Средней Азии, отдельные их обычаи проникали далеко за пределы этого района. В связи с этим мы хотели бы высказать одно предположение. Оно касается того довольно удивительного факта, что японский календарь очень близко совпадает с летосчислением среднеазиатских кочевников-скотоводов. У японцев, как и у казахов и других кочевников, эта древняя система летосчисления состоит из 12 циклов, причем каждый год этого цикла носит имя одного из календарных животных. Например, год лошади у народов Востока по двенадцатилетнему звериному стилю приходит после года змеи, но раньше года овцы, с 22

марта предыдущего по 21 марта следующего года. В древнетюркском языке он называется Ионд, у желтых уйгур — Иот, у уйгур — Тулеут, у алтайцев — Ат (конь), у узбеков, туркмен, ногайцев, черкесов — Жылкы (лошадь), у монголов — Морн, у вьетнамцев — Нгуэ, у тибетцев — Та, у китайцев — Ма, у маньчжурцев — Морн, у хмеров — Моми, у японцев — Ума и т п

Более того, согласно народным преданиям, каждый год как у японцев, так и у казахов соответствует повадкам этих зверей. Например, год мыши или змеи является, как правило, неблагоприятным, засушливым, а год коровы или барана, наоборот, спокойным, травостойным, урожайным. Откуда же такое совпадение? Ведь Япония до середины XIX в была замкнутой феодальной страной. К тому же она островное государство. В Японии, как отмечали китайские путешественники, «не было коров, лошадей, тигров, леопардов, овец и сорок» [61, т 2, с 34]. В Китае, как утверждают исследователи, две тысячи лет назад «к знакам периодов, т е «земным ветвям», были прибавлены еще названия животных» [246, с 126]. Скорее всего, этот календарь появился у кочевников-скотоводов Центральной Азии. Такого мнения придерживается В В Цыбульский [285]. Затем среднеазиатские купцы вместе с товаром привезли его в страны Востока.

Надо полагать, таким образом, что проникновение далеко на восток такого календаря в конечном счете берет начало у кочевых народов. Тем более что кочевая степь и Средняя Азия были теснейшим образом связаны по линии торговли не только с Монголией, но и с Китаем. Первые сведения об этом относятся к III—II вв до н э. Китайские купцы продавали кочевникам шелковые и хлопчатобумажные ткани, парчу, готовую одежду, рис, просо, вина, украшения [61, т 2, с 52, 57, 60, 69]. А Китай, в свою очередь, был связан с Японией. К тому же в VI в н э Китай имел уже военный флот [229, с 187], а до этого Корея, Япония, Китай были связаны между собой морскими торговыми путями.

В Китае двенадцатилетний животный цикл появился лишь в I в н э [163, с 16]. До этого такое летосчисление было широко распространено у тюркских народов. Говоря об этом обычае у тюркских племен, например,

китайский источник «Тан шу» сообщает « с помощью двенадцати животных считают годы, например, если год находится под циклическим знаком «цзы», то называют годом мыши; если под знаком «сюй», то называют годом собаки. Это (у них) (т. е. у киргизов. — Д. К.) одинаково с хуйгусцами» [158, с. 58]. Исходя из этого Е. И. Лубо-Лесниченко, ссылаясь на высказывания Э. Шаванна и др., делает вывод о тюркском происхождении этих обычаев и о том, что заимствовано это китайцами у тюркских народов [163, с. 16].

Поразительно сходство скифских военных знаков с китайскими и японскими Арриан пишет « скифские военные значки представляют собой драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины. Они сшиваются из цветных лоскутьев, причем головы, все тело вплоть до хвостов делаются наподобие змеиных. Выдумка состоит в следующем. Когда кони стоят смирно, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных, а при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения, проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас, но полезны и для различения атаки и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой» [40, с. 281].

Все это результат торговых связей, контактов, взаимообмена опытом между Востоком и Западом, существовавший с глубокой древности.

Вполне возможно, что связь Востока с Западом через Среднюю Азию берет начало не от гуннов, поскольку они сами представляли собой пришельцев. Гунны проникли в IV—III вв до н. э в Среднюю Азию из Северной части Китая, затем они завоевательными походами дошли до Дуная. Задолго до гуннов местное кочевое население имело торговые связи с Восточной Европой, так что когда гунны проникли на территорию Казахстана, Западной Сибири, а затем Восточной Европы, они действовали не вслепую — имея в своем составе представителей местных кочевых племен, которые могли им указать дорогу, гунны действовали целенаправленно и осознанно, проникая все дальше на Запад.

О том, что гунны знали дорогу на Запад, свидетель-

ствует письмо гуннского хана Туркеша, страна которого лежала к северу от Каспийского моря, на пути к Средней Азии (территория современного Западного Казахстана) к послу византийского императора Тиверия (578—582): «Не думаете ли Вы таким образом держать от меня в тайне ваши границы из опасения, чтобы я не захватил их? Я знаю очень хорошо, где текут ваши реки Днепр, Дунай и Марица, я знаю пути, которыми шли авары, мои подданные, чтобы напасть на ваши владения. Ужели вы думаете, что я не знаю прекрасно ваши силы?» [283, с. 211].

Об этом сообщает византийский миссионер Феоклит, который с шестью помощниками провел в стране сибирских гуннов 14 лет и перевел так называемое святое писание на гуннский язык и приобщил к христианству много гуннов.

Из данных, приведенных Геродотом, видно, что еще в его время и даже ранее жители Причерноморских и Приазовских степей имели торговые отношения с населением, жившим в то далекое время на территории современного Казахстана и далее [80, IV, 22—24].

О тесных экономических, торговых и культурных связях между народами свидетельствуют не только названия местностей, слова, встречающиеся в языковом фонде того или иного народа, но и имена людей. Кстати имя Туркеш, о котором уже сказано, встречается и у казахов, под этим именем, например, жил знаменитый композитор в Западном Казахстане. Но не об этом сейчас речь.

Несколько лет назад издательство «Казахстан» опубликовало книгу Т. Жанузакова «Есімдер сыры. Тайны имен», где даются толкования имен казахов. У казахов очень много имен арабского, иранского происхождения, но есть и старотюркского, греческого, русского, монгольского происхождения. В свою очередь, у русского, армянского, грузинского и других народов много имен, восходящих к тюркским, арабским, иранским и другим словам [105, с. 77, 94].

С другой стороны, такие русские слова, как соболь, бобр, в результате торговли проникли далеко на юг и на запад. Так, арабское слово семур, самур, литовское Sabala, Sabalas, немецкое Zobel, Zobil, английское Sob-

le, латинское Zobelino, Zibellina, Cebelina, финское Sorol — все это, как полагал в свое время действительный член русского географического общества И. Срезневский, происходит от славянского «соболь» [252, с. 56, 58].

Это вполне возможно, если учитывать, что у славян распространенным предметом торговли были меха: соболь, бобер и др. «Дирхемы руссов — писал Ибн-Фадлан, — это шкурки белки (и) соболя...» [145, с. 153]. Эти меха, таким образом, выполняли роль денег.

Таковую же посредническую роль издавна выполнял и скот у кочевых скотоводческих племен. Поэтому они очень рано вступили в процесс обмена. «Кочевые народы, — писал К. Маркс, — впервые развивают у себя форму денег, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме, и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов» [9, с. 99].

Уже в древнейшие времена река Волга (Едил) служила связующим звеном в торговле между иранцами и угро-финнами через болгарское царство и Русь. Предметами торговли служили меха, медь, мука и т. д., с одной стороны, и соль, сахар, шелк, сухофрукты, драгоценности — с другой. Несколько позже, очевидно, путем, соединяющим страны Севера и Юга, стала другая большая река — Днепр.

Хордадбех, осведомленный о делах русских, пишет, что «русские из племени славян вывозят меха бобров и чернобурых лисиц из самых отдаленных краев славянской земли и продают их на берегах Румского (Средиземного) моря: тут царь Румский (Византийский) берет с них десятину. Когда им вздумается, они отправляются на славянскую реку (Волгу) и приезжают в залив города Хазарь (Итиль); тут дают они десятину владельцу этой страны. Затем они едут на море Джурджанское (Каспийское. — Д. К.) и там пристают к любому берегу, а это море в поперечнике простирается на 500 фарсахов. Иногда случается, что они везут свои товары из Джурджана через Ибил и Багдад» [70, с. 52—53].

В IX—X вв. н. э. кроме мехов предметом торговли служили и другие товары. Из западных стран купцы вы-

возили ткани, кожи, мечи, а с Ближнего Востока — мускус, алоэ, камфору, корицу и другие товары. С Урала и Алтая еще во время Геродота и раньше к берегам Понта, к греческим владениям вывозили золото, значительная часть которого оседала среди кочевников [289, с. 331].

Существовало несколько путей, соединявших Запад с Востоком. Например, один из них проходил из Франции морем в Фараму, оттуда к берегу Черного моря в Кользом, севернее Суэца, потом в Хеджас и Джидду, а далее в Синд, Индию и Китай. Другой путь из Франции был через Антиохию, оттуда к Евфрату, Евфратом до Багдада, потом Тигром до Ибила, а далее в Оман, Синд, Индию и Китай [70, с. 51—52].

Что касается сухопутных сообщений, то и здесь издавна существовали различные варианты передвижения с Запада на Восток и с Востока на Запад, или с Юга на Север. Но при всех условиях караваны шли через территорию Средней и Передней Азии. Например, из Испании или Франции путешественник или торговец с своим обозом отправлялся через Северную Африку до Египта; потом через Дамаск, Багдад, Басру, Фарс в Индию и Китай. Другой путь лежал из Италии или Франции через Греческую (видимо, Византийскую) империю и славянские земли в залив Хазарского Итиля, вблизи нынешней Астрахани и оттуда через море Джурджанское (Каспийское) в Балх и Мавераннахр, а потом в Тагазгаз и Китай [70, с. 51—52].

Но при всем различии этих маршрутов в древние времена купцы не могли миновать Среднюю и Переднюю Азию. Здесь скрещивались вековые караванные тропы, соединяющие Север с Югом, Восток с Западом. Существовали также и другие пути, идущие прямо через Среднюю Азию. Например, торговый путь между Ближним Востоком и Китаем в Средиземноморских странах проходил через Багдад, Хамадан, Нишапур, Мерв, Шаш, Тараз, Баласугун, южный берег Иссык-Куля, а оттуда — в Монголию и Китай.

Ибн-Фадлан подробно описал торговый путь из Багдада и Ирана в Булгарское царство через Кавказ и Хорезмское царство. Однако в начале X в., т. е. при правлении Халифа Муктадыра, отношения между Багдад-

ским халифатом и Хазарским царством ухудшились и торговые пути стали проходить через Мавераннахр. Ибн-Фадлан пишет, что из Бухары торговые пути шли к Амударье, затем по Амударье в Кят, центр южного Хорезма, потом Ургенч, а оттуда через Эмбу в Булгарское царство [145, с. 138—142]. Таким образом, торговый путь огибал территорию Хазарского царства и шел по левому берегу Волги. По пути были выстроены постоянные дворы, где купцы останавливались на отдых. Об интенсивности торговых связей Средней Азии с Русью свидетельствует большое количество саманидских дирхемов, исмаилы, найденные в различных местностях России, вплоть до Балтийского моря [306].

Из Булгарского царства через Хорезм на Восток вывозили меха, кожи, кору для дубления кож, скот, мед, орехи и др. Из Средней Азии в Восточную Европу везли рис, сухофрукты, различные ткани, но больше всего — серебряные дирхемы, исмаилы [78, с. 363].

Другие источники пополняют список товаров, вывозившихся в Индию (груши, яблоки, кишмиш и миндаль, хорезмские дыни, русские меха и дичь) и поступавших из Индии в Среднюю Азию (парча, краски, чай, жемчуг, из Афганистана — сахарный тростник, из Ирана — пестрые шелковые и полотняные ткани, полотно) [127, с. 537—538]. Дашт-и Кыпчак не только представлял свою территорию для межконтинентальной торговли, но и выставлял для продажи свои товары, среди которых особую статью составляли кони.

Ибн Баттута рассказывает, что Дашт-и Кыпчак славился своими конями. Лучшие из них стоят на месте от пятнадцати до шестнадцати дирхемов (серебряный динар в Мавераннахре и Золотой Орде стоил в золотом исчислении 50 копеек (дирхем — $\frac{1}{6}$ динара. — Д. К.). Лошадей этих вывозят в ряд стран, особенно в Индию. Караван часто доходил до шести тысяч конских единиц. Отправляли их купеческие кампании, причем на долю отдельных купцов приходилось от ста до двухсот лошадей. Золотоордынские купцы выручали большие деньги, несмотря на значительные путевые расходы и высокие пошлины, ибо в массе продавали своих коней не дешевле ста динаров серебром за лошадь, т. е. более чем в десятки раз дороже их настоящей стоимости

[84, с. 155—156]. Причем в Индии «покупают дашт-и кыпчакских лошадей не для скачек, а для военных целей как крепких и шагистых, на войне на них надевают брони» [227, с. 72].

В Средней Азии имеются довольно многочисленные находки римских изделий, а также римских монет. И это не случайно, поскольку бактрийские купцы еще в древние времена проникали в пределы Римской империи, в частности в один из крупнейших торговых центров — Александрию, а с другой стороны — римские купцы проникали в Среднюю Азию [253, с. 180].

Даже дошедший до нас половецкий словарь (очевидно, Codex Cumanicus. — Д. К.) составлен в первую очередь из записей, сделанных купцами и проповедниками, т. е. католическими миссионерами. Такой вывод делается на том основании, что в нем встречается много слов «для выражения понятий религиозных и технических, употребляющихся в торговле» [83, с. 226].

В то же время через Среднюю Азию из Китая на Запад по знаменитому «шелковому пути» привозились кроме шелка бронзовые зеркала, лаковые изделия и др. [78, с. 163]. Купцы из Средней Азии привозили в Дашт-и Кыпчак котлы, медные сосуды (кумганы, тазы), другие предметы домашнего обихода [110, с. 3]. Кроме того, бухарские и самаркандские купцы ввозили в степь шелковые, хлопчатобумажные ткани и одежду [243, с. 317].

Оживленная торговля велась между половцами и русскими княжествами. В частности, около рязанских пограничных застав и сторожевых крепостей возникли торговые места, где половцы обменивали скот: баранов, лошадей, быков, а также продукты скотоводческого хозяйства — кожу, шерсть на зерно, муку, меха и т. д.

Дашт-и Кыпчак издревле славился добыванием и использованием для бытовых нужд меди и поставлял ее в другие страны, в частности приволжским сарматским племенам, через их территории к странам Причерноморья и т. д., о чем свидетельствуют многочисленные археологические данные. Так, по словам Геродота, массагеты были богаты золотом и медью, из золота они делали изящные изделия [80, I, 215].

Интересно отметить, что батыры древних казахских сказок Ер-тостик и Карамерген жили в медных дворцах

(сараях), в медных крепостях Медные крепости часто упоминаются и в других древних сказках казахов. Это говорит о том, что их далекие предки издревле были знакомы с медью. Об этом говорит даже слово «жез» (медь). Это тюркское, а следовательно, и кыпчакское слово.

Одним из районов добывания меди в кыпчакской степи были месторождения «Жез-Казган» вблизи Улутау. Буквально это слово на кыпчакском языке означает «медь копал». По мнению акад. АН Казахской ССР А. Х. Маргулана, места, которые упоминаются арабским путешественником (географом) аль-Идриси как находящиеся в 18-дневном караванном пути от города Ташкента, есть места Джезказганские [107].

Абулгазы-хан, говоря о стране огуз-кыпчаков, которая занимала пространство от Иссык-Куля и Алмалыка до Сайрама и гор Казы-Курт, Қарауау и Янги-Кента, отмечает, что страна на севере простиралась «до гор Улуг-Таг и Кичик-Таг, в которых медь добывают» [149, с. 36].

Трудно сказать, с какого времени в Джезказгане начали добывать медь. Но более двух тысяч лет история Джезказгана связана с добычей медных руд, это доказано многочисленными фактами.

Археологические данные свидетельствуют о том, что Джезказган является одной из колыбелей медно-бронзовой культуры человечества. Здесь обнаружены места добычи руды и древней плавки меди, определена система печей-тиглей, найдены слитки меди, образцы угля, мелкодробленной руды, шлака, обломки тиглей, а также орудия труда древних рудокопов-обогащителей.

Некоторые доспехи кочевников (кривые сабли, длинные мечи, шлемы, короткие кинжалы), упомянутые в эпических поэмах, железные и бронзовые наконечники стрел различных типов нередко встречаются в культурных слоях Джезказгана, районах предгорий Улутау, р. Сарысу и Бетпакдалы. Отсюда исследователи делают вывод о том, что главным местом производства этих наконечников и разных доспехов был Джезказган. Другим местом изготовления наконечников стрел, как отмечают источники, был Сыгнак. Фирдоуси в «Шах-намэ» пишет о красивых луках и стрелах Шаша и Тараза.

А. Х. Маргулан считает, что основным источником

снабжения Сыгнака железом и другими металлами был Джебказган [170, с. 32].

По мнению акад. К. И. Сатпаева, «по самым скромным подсчетам из Джебказганских районов добыто в древности не менее 1 миллиона тонн богатых медных руд». Из всего сказанного можно сделать вывод о том, что Джебказган, расположенный вблизи больших торговых путей, очевидно, еще в глубокой древности играл значительную роль как поставщик меди в другие страны. Даже среднеазиатские монеты (дирхемы) из меди в начале X в. были красного, желтого и других оттенков медного цвета.

Следовательно, в то время медь, добываемая и выплавляемая в кыпчакской степи, способствовала развитию материальной культуры, ремесленного дела, гончарного искусства и т. д.

Торговые пути не всегда были открыты для движения караванов. В зависимости от конкретных обстоятельств они то оживлялись, то затухали, но в целом обмен товарами не прекращался. В период монгольского нашествия, когда сильно была нарушена торговля, Чингисхан и Тимур [272] сами проявили инициативу в оживлении торговых связей. Эти их усилия, однако, не дали желаемых результатов главным образом потому, что Средняя Азия перестала к этому времени играть былую посредническую роль.

Историки отмечают, что известная отрарская катастрофа разразилась из-за того, что в Отраре наместник Хорезм-шаха — Инальчик перебил торговый караван, состоявший из 500 верблюдов, нагруженных золотом, серебром, китайским шелком, мехами и другими товарами, и 450 человек [54, т. 1, с. 465—466].

Воспользовавшись этим, Чингисхан вторгся в Среднюю Азию и в 1218 г. со своим войском осадил Отрар, затем взял его и до основания разрушил. Эта же участь постигла Бухару, Самарканд, Ургенч и другие города. С этого началось жестокое завоевание всей Средней и Передней Азии, Кавказа и значительной части Восточной Европы, описанное во многих исторических и других документах.

Лишь древняя, раздробленная еще Русь, приняв на себя самые мощные удары монгольских полчищ, ценой

огромных потерь и страданий остановила эту страшную лавину, ослабила ее силы и тем самым спасла Западную Европу от неминуемой катастрофы [84].

Итак, причиной падения культуры Средней Азии, превращения ее цветущих центров, оазисов в безликие пустыни явилось вторжение Чингисхана. Его захватническими войнами разрушились прежние города, караван-сарай, местное население было угнано с насиженных мест или перебито, богатство его — разграблено, оросительные системы были уничтожены. «Одна опустошительная война,— писал К. Маркс,— оказалась способной обезлюдить страну на целые столетия и лишить ее всей ее цивилизации» [3, с. 132].

Обычно при таких сложных и труднейших условиях, когда вековые торговые караванные пути становились далеко не безопасными, караван-сарай не действовали, даже верблюдов и их погонщиков нанимать было невозможно, купцы ищут новые пути для реализации торговых дел. Например, Ф. Энгельс в письме К. Марксу писал: «Я недостаточно хорошо знаком с историей торговли шести первых столетий христианской эры, чтобы быть в состоянии судить, насколько именно общие, мировые материальные условия заставили предпочесть торговый путь через Персию к Черному морю и через Персидский залив в Сирию и Малую Азию торговому пути через Красное море. Но во всяком случае немалую роль играло то, что в упорядоченном персидском царстве Сасанидов караваны ходили сравнительно безопасно, в то время как Йемен с 200 до 600 г. постоянно находился в порабощении у абиссинцев, которые завоевывали и грабили страну. Города Южной Аравии, находившиеся еще в римские времена в цветущем состоянии, в VII в. представляли собой пустынные груды развалин» [20, с. 221—222].

Точно такая, далеко не безопасная, тревожная обстановка сложилась в Средней Азии и в южных регионах Западной Сибири в результате нашествия Чингисхана.

Однако в этих новых исторических условиях, когда кочевыми монголами были захвачены вся Средняя и Передняя Азия, Восточная Европа вплоть до Адриатики, иной торговый путь, связавший Запад с Востоком, был

найден принципиально на другой основе — вековой межконтинентальный путь был заменен океанским.

Даже после того, как Запад с Востоком связал морской торговый путь, идущий из Европы непосредственно в Индию, огибая Южную Африку, и тысячелетний великий «шелковый путь», по вине Чингисхана ставший отныне далеко не безопасным, постепенно угас, а прежние караванные тропы были засыпаны песком и стерты с лица земли, торговля Средней Азии с Ближним Востоком и Индией не исчезла сразу, а продолжалась по инерции еще в течение некоторого времени. К XVI в. по свидетельству английского путешественника А. Дженкинсона, торговля Средней Азии с Китаем прекратилась вовсе, а купцы, приезжавшие сюда из Индии, Персии и других стран были так «нищенски бедны», что привозили мало товаров, которые к тому же из-за бедности населения не имели уже сбыта.

Вот что он пишет о торговле Средней Азии с Индией в то время: «Индийцы привозят тонкие белые ткани, которые татары обвивают вокруг головы, а также другие сорта белых материй, употребляемых при шитье одежды из хлопчатобумажной ткани, но они не привозят ни золота, ни серебра, ни драгоценных камней, ни пряностей, потому, что все места, где добываются эти предметы, находятся под властью португальцев» [94, с. 184].

Значение торгового обмена между странами не ограничивается, однако, чисто экономическим их результатом. Караванные пути в период апогея кочевого общества служили также средством взаимообмена опытом в области политической и культурной жизни, средством духовного взаимообогащения народов. С караванами часто ездили не только купцы, но и ремесленники, зодчие, ученые, художники, поэты, послы, путешественники [304]. В период раннего средневековья караваны были очень большими, состоящими из тысячи и более верблюдов.

Обычно такие караваны через некоторое время пути, пересекая пустыни и огромные безлюдные пространства, останавливались в наиболее живописных, богатых растительностью и водою местах на отдых. Здесь постепенно возникали постоянные дворы, караван-сарай, вокруг которых впоследствии вырастали жилые кварталы горо-

дов, многочисленные хозяйственные и культурные сооружения. Эти места отдыха караванов превращались также в своего рода культурные центры. В таких местах, соскучившиеся о людях и жаждавшие новостей путешественники из различных стран слушали рассказы и фантастические повествования друг друга, местных жителей, героические или лирические дастаны, импровизации поэтов и т. д. Нередко на основе таких рассказов, сказок, дискуссий возникали выдающиеся художественные произведения. Одним из таких творений человеческого гения является шедевр восточной и мировой культуры — «Тысяча и одна ночь» (Алиф ляйля ва ляйля) — сказки, возникшие на иранской почве в период наивысшего подъема кочевого общества. Это продукт не только одной иранской культуры, но и многих других народов, и не только IX—XI вв. Сюда вошли 300 сказок народов Ирана, Средней Азии, Индии, Ирака, Египта и других стран, сказуемых людьми, передвигавшимися вместе с караванами: купцами, путешественниками, учеными-поэтами и т. д. В Иране все эти повествования сходились, пересказывались, творчески обрабатывались и в конце концов образовали удивительно цельное, крупное многоплановое и уникальное в своей монолитности стройное художественное произведение. О том, что «Тысяча и одна ночь» — продукт не одного года и не одной страны, а многовековая мудрость многих народов, свидетельствует и тот факт, что сказки эти начали создаваться в IX в. в Иране и окончательно оформились в XVI в. Пленяющая красота и непреходящая сила действия на духовный мир человека, на моральные его устои «Тысячи и одной ночи» состоит в том, что в них правдиво и поэтически обнаженно описываются поистине все человеческие страсти, раскрываются противоречивые стороны человеческого духа, сила и слабость характера, решается вечная нравственная проблема борьбы добра и зла, справедливости и несправедливости, чести, долга и подлости, преданности и измены, любви и коварства. Эти сказки проникновенно отражают сложный, многокрасочный, а порой противоречивый мир человеческой природы в ярких художественных образах.

В сказке «Тысяча и одна ночь» ведущее место, как правило, занимают купцы — «бай-саудагеры»,

ибо в условиях широкой и активной торговли на одно из первых мест выдвигались люди, профессией которых была торговля. Купцы в то время принадлежали к числу наиболее образованных людей, имели большой жизненный опыт, знали традиции и обычаи других народов, умели говорить на разных языках. Не случайно из среды купцов нередко выходили тогда ответственные чиновники, послы. Но прежде всего их влиятельная сила заключалась в том, что купцы были очень богатыми людьми. Они ссужали ханов и эмиров деньгами и в связи с этим могли оказывать определенное воздействие и на их государственную политику.

В X в. Иран стал родиной и другого монументального художественного произведения — «Шах-намэ» (Книга царей), созданного замечательным поэтом и мыслителем Фирдоуси.

Книга монументальна не только тем, что она состоит из 50 тысяч одиннадцатисложных двустиший, но и по материалу ее: здесь излагаются события периода правления 50 царей Ирана, живших до распространения ислама.

Следует отметить, что в «Шах-намэ» вошли многие мифологические, героические дастаны, рассказы, а также религиозные, бытовые сказки, легенды не только древних народов Ирана, но и других, в том числе кочевых народов Турана, может быть, услышанных самим автором этого бессмертного творения во время пребывания в течение длительного времени в Самарканде и других городах Средней Азии. О том, что в «Шах-намэ» встречаются имена, названия и описания местностей среднеазиатского происхождения, уже было сказано.

Заключая этот раздел, мы должны отметить: все, что было достигнуто когда-либо кочевниками в своем развитии, начиная с материальной культуры и кончая устным народным творчеством, — все это создано в период расцвета кочевого общества, а затем на протяжении многих веков претерпело лишь незначительные изменения, поскольку социальный прогресс шел в дальнейшем не по линии кочевого общества.

Глава 5

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОИ КОЧЕВНИКОВ-СКОТОВОДОВ

Кочевые народы, писал Ш. Монтескье, «пользуются большой свободой, так как, не занимаясь возделыванием земли, они и не связаны с нею. Они ведут кочевой образ жизни, и если бы какой-нибудь из их вождей захотел лишить их свободы, то они или стали бы искать свободы под главенством другого вождя, или удалились бы...» [182, с. 398].

Один из дореволюционных исследователей жизни казахов, А. И. Левшин в 1823 г. писал: «Образ внутреннего управления киргизов (казахов. — Д. К.) представляет глазам наблюдателя явление странное и совсем необыкновенное, анархическую смесь деспотизма с неограниченной свободой каждого частного лица. И поэтому в одно и то же время видим здесь полномочного властелина, который вешает своего подданного за покражу барана или лошади, а возле него толпу подвластных ему же, которая торжественно отказывается от повиновения и объявляет, что она переходит от него под власть другого повелителя за то, что он из нее какого-нибудь хищника выдал русскому пограничному начальству или отказал злодею в покровительстве» [176, с. 436].

То, что описывается А. И. Левшиным, относится к началу XIX столетия, но подмеченное им по своей сущности является характерной особенностью общественно-политического строя кочевого общества вообще. Отчасти это объясняется тем, что для кочевого общества характерно медленное развитие производительных сил и производственных отношений. Отсюда известная его консер-

вативность, сохранение у кочевников древних социально-бытовых институтов, старых патриархально-родовых обычаев и традиций. Кочевники-скотоводы жили родами, племенами; однако роды эти лишь назывались союзом кровнородственных людей, а на деле они давно перестали быть таковыми и теперь представляли собой новое социальное образование. Сохранение родовых обычаев не дает основания заключать об отсутствии у кочевников частной собственности на средства производства. «Ведь ясно, — писал Ф. Энгельс, — что институт частной собственности должен уже существовать, прежде чем грабитель может *присвоить* себе чужое добро, что, следовательно, насилие, хотя и может сменить владельца имущества, но не может создать частную собственность как таковую» [16, с. 166].

Верно, что у кочевников-скотоводов на всем протяжении их длительной истории развития способ ведения хозяйства особым изменениям не подвергался, незначительными были изменения и в области политического строя. Периодически появлялись лишь различные феодальные образования, выступавшие под разными наименованиями и последовательно сменявшие друг друга. В результате тот же социально-экономический и общественно-политический строй в период апогея кочевого общества в основном сохранился на протяжении последних веков, но тем не менее за это время происходил процесс постоянного его изменения и развития, хотя бы в том смысле, что из различных родов и племенных образований складывались новые формы общности людей, затем они снова распадались. Кочевничество занимает огромный отрезок времени во всемирной истории.

За это время появились и сошли со сцены многие кочевые народы: скифы, саки, гунны, печенеги, гузы (торки), хазары, половцы и т. д. Каждый из них имел свою социальную структуру, политический строй. Классовыми по своей природе были общества саков и других кочевых племен, пришедших на смену скифам.

Далее, рабство как формация, как уже сказано, у кочевников не привилось в силу специфических особенностей его способа производства. Поэтому социально-политический строй у кочевников с самого начала сложился как раннефеодальный, с последующим развитием его

в сторону феодализма, хотя процесс этот шел медленно. В результате бывало очень трудно заметить существенный сдвиг в общественном прогрессе кочевников. Например, в социальном устройстве у осетин французский ученый Ж. Дюмезиль пишет: «Вплоть до присоединения к России их социальный строй, как и их соседей, не особенно отличался от того строя, который можно разглядеть у скифов Лукиана и даже Геродота» [99, с. 153].

Во всяком случае, кочевничество к началу нашей эры находилось на подъеме, в развитии, тогда как рабство уже изжило себя, начало падать. Рабы, как известно, не были заинтересованы в развитии производительных сил, в то время как кочевники-скотоводы, находясь постоянно в контакте с оседлыми людьми и заимствуя их материальную и духовную культуру, способствовали постепенному развитию производительных сил. Тем более что рядовой кочевник не был лишен всякой собственности, у него была своя семья, свое небольшое хозяйство, а потому он не мог не быть заинтересованным в развитии производительных сил.

Анализируя причины развития феодализма в эпоху средневековья, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Если для античности исходным пунктом служил *город* и его небольшая округа, то для средневековья исходным пунктом служила *деревня*. Эта перемена исходного пункта была обусловлена редкостью и рассеянностью по обширной площади первоначального населения, которое приток завоевателей не увеличивал сколько-нибудь значительно. Поэтому, в противоположность Греции и Риму, феодальное развитие начинается на гораздо более широкой территории, подготовленной римскими завоеваниями и связанным с ними вначале распространением земледелия... Имевшиеся налицо отношения и обусловленный ими способ осуществления завоевания развили, под влиянием военного строя германцев, феодальную собственность» [1, с. 22].

К этому тезису К. Маркс и Ф. Энгельс возвращались неоднократно. Например, об этом писал Ф. Энгельс в труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства».

Редкость и рассеянность сельского населения по об-

ширным территориям как одна из причин развития феодализма в Западной Европе полностью приложима и к кочевому обществу, где с самого начала его зарождения условия жизни людей способствовали формированию феодальных отношений.

В некоторых источниках отмечается отсутствие у кочевников-скотоводов частной собственности на средства производства. Так, Николай Дамасский (64 г. до н. э.) в «Своде старинных обычаев» о скифах пишет: «Они также весьма справедливы, имея общее имущество и женщин, так что старших себя считают отцами, младших — сыновьями, а сверстников — братьями» [69, 1947, № 4, с. 175].

Однако это утверждение касается больше обычаев и традиций, нежели социальных отношений. Традиции патриархально-родовых отношений у многих кочевых народов, в том числе и у казахов, существовали вплоть до недавнего прошлого, что создавало определенную трудность в оценке их социально-классовой структуры, хотя классовая дифференциация существовала у них давно.

В период апогея кочевого общества происходит дальнейшее расслоение кочевых племен на богатых и бедных. Об этом свидетельствуют богато оформленные курганы, могильники, обнаруженные археологами на территории Украины, Казахстана, Горного Алтая и т. д., в которых похоронены кочевники со своими конями, со своими доспехами. Этот обычай имел место еще до нашей эры. Тогда крупных военачальников, племенных предводителей, ханов хоронили с женами, слугами и т. д. Примечательно, что арабский ученый Ахмед Ибн-Фадлан, о котором уже сказано, подробно описывает существование этого скифского обычая и на Руси [145, с. 144]. Но рядовым кочевникам такой почет не оказывается, поэтому сохранившиеся археологические памятники относятся исключительно к богатым кочевникам.

О классовом расслоении на базе владения большим количеством скота можно судить и по героико-лирическому эпосу «Кыз-Жибек», где от имени главной героини говорится: «Әуелі бас қосқаным Жағалбайлы, жылқысын көптігінен бағалмайды) («связала судьбу свою с

Жагалбайлинцем, у которого так много коней, что он не может справиться с ними») [55, 1963, т 1, 640 б]

На территории Венгрии и в соседних с ней странах обнаружено более двадцати тысяч погребений [298, с 53], относящихся к кочевым аварам, жившим в этих местах в VI—IX вв. По степени богатства могильников определяется иерархия аварского общества. Во главе каганата стоял каган. Его первая жена звалась катун (это тюркское слово, что означает жена — Д. К.). Наместниками кагана были тудун, который, надо полагать, являлся правителем отдельной части страны, и югор. По поручению кагана (кагач — это, по-видимому, хач — Д. К.) дань в стране собирали так называемые тарханы, т. е. знать. За тарханами вниз по иерархической лестнице шли вожди племен и родов. Племенным и родовым вождям и принадлежит чаще всего найденный во время раскопок погребальный инвентарь [298, с 53]. Форма могил была различной, в зависимости от социального положения погребенного.

В Рубрук свидетельствовал, что «всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также, где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью» [210, с 69]

П Карпини рассказывал, что «никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники — десятникам» [210, с 23]. Речь идет не о месте пребывания армии, а о том, где должны находиться подвластные улусы, в каком направлении они должны кочевать.

А Марко Поло, проезжавший через кочевую степь кыпчаков в конце XIII в., характеризует наличие явного социального неравенства среди кочевников, описывая одевание богатых людей «Одежда у них, — пишет он, — вот такая: богатые одеваются в золотые да шелковые ткани, обшивают их перьями, мехами — собольими, горностаем, чернобурой лисицей. Упряжь у них красивая, дорогая» [142, с 90]

О том, что у древних скотоводов племен Восточной Европы, Центральной и Западной Азии существовала

собственность на скот и особенно на лошадей, свидетельствуют археологические данные и письменные источники. Древние кочевые народы, обитавшие, по крайней мере, на заре нашей эры, уже не имели общей собственности на скот. Пометки (тамги), которые они ставили на животных, говорят о том, что у них существовала частная собственность на скот. Это относится и к гуннам, и к орхоно-енисейским тюркам, и к туркменам (IX и XI вв.), и к скифам и др. [58; 59; 61, т. 1, 1950, с. 50; 200, с. 59].

Эти пометки (тамги) настолько древни, что даже названия родов во многом исходят из их очертаний. Например, род таракты (гребенный) имел тамгу, напоминающий гребенку, род балталы — топор. Н. И. Гродеков пишет: «Древность тамги подтверждается тем, что многие названия родов, а еще чаще колен, происходят от названия начертаний тамги» [86, с. 3].

О тамгах — знаках личной собственности, нанесенных на глиняные сосуды и некоторые бронзовые предметы конца II и начала I тыс. до н. э., говорится в «Истории Казахской ССР» [124, с. 215].

О том, что у скифов были свои цари, писал Геродот [80, IV, 71, 73, 131]. Плутарх называл у них царей Иданфирса, Атея [69, 1947, № 4, с. 286—287]. Страбон сообщает, что у трибалов (это кочевники-скифы. — Д. К.) был царь Сирм (может быть, Срым? — Д. К.) [69, 1947, № 4, с. 195]. О скифском царе упоминает Аристотель [39, IX, 47; 1947, № 2, с. 326]. Если были цари, то были и простые люди. Геродот так и пишет, что у скифов были и простые люди [80, IV, 72]. Следовательно, было и социальное неравенство еще с периода глубокой древности. Приск, прибывший в резиденцию гуннского предводителя Аттилы с посольской миссией, писал, что Аттила «показывал умеренность... во всем... Пиршествующим подносились чаши золотые и серебряные, а его чаша была деревянная. Платье на нем было также простое и не отличалось не чем иным, как только опрятностью. Ни висящий у него меч, ни шнурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотом, камнями или чем-либо драгоценным, как то водится у других скифов...» [221, с. 23].

Это говорит о том, что уже до Аттилы были эксплуа-

таторы, знатные люди, которые злоупотребляли богатством и роскошью.

Страбон, ссылаясь на Гомера, пишет, что «скифы из-за своей бедности справедливы». О том же свидетельствуют и Гомер, и Геродот, когда пишут о скифах, воевавших с персидским царем Дарием, о довольстве их своим положением и простодушии [69, 1947, № 4, с. 242].

Следовательно, скифы просты, добродушны и справедливы по своей бедности. Но эта бедность их относительна по сравнению с оседлыми людьми и вовсе не означает, что они не имели классового расслоения. Тем более что гуннская знать жила в роскоши, владела большим количеством скота и рабов [254, с. 209].

Страбон заключает: «Я хотел только доказать, что по ... общему преданию как у древних, так и у позднейших авторов существовало такое убеждение о номадах, что наиболее отдаленные от других народов, они питаются молоком, бедны и весьма справедливы, и что это, стало быть, не есть вымысел Гомера» [69, 1947, № 4, с. 197]. У хазар в VII—X вв. было государство, был царь, правивший страной.

Многочисленные археологические и другие источники свидетельствуют о том, что не только на заре нашей эры, а и задолго до нее были отдельные собственники, у которых было сосредоточено огромное количество скота. Кроме того, были, как уже сказано, крупные торговцы, которые занимались межконтинентальной торговлей. Они нанимали большое количество верблюдов и погонщиков к ним, различных приказчиков, обслуживающий персонал, охрану и направлялись в дальние страны, пересекая огромные континенты. Количество верблюдов в таких караванах, как уже отмечалось, доходило иногда до тысячи и более голов. Владельцев такого богатства — торговцев и скотоводов — по-тюркски называли баями. В фольклорных источниках тюркоязычных народов это слово встречается с незапамятных времен.

Слово «бай», видимо, когда-то, в досакское время, означало имя какой-то сверхъестественной магической силы. Не случайно казахи в испуге, в неожиданных ситуациях обращались к нему, произнося «ой-бай». Но позднее в классовом обществе такой могущественной силой стали богатые люди, которых также называли баями.

Поэтому совершенно прав С. З. Зиманов, когда пишет, что слово «бай» не является новым термином, возникшим в XIX в. Оно встречается в древних памятниках других тюркоязычных народов [116, с. 214].

Бай — экономически и политически влиятельная сила в ауле. К эксплуататорам кроме баев относились различные племенные вожди, предводители родов. Они определяли районы кочевания, организовывали защиту своих кочевий от неприятелей. На угон скота отвечали тем же, решали различные спорные дела. Позднее в период монгольского нашествия и после появились и другие представители эксплуататорских классов — султаны (чингизиды), бии (судьи, повелители), тарханы (люди, облеченные властью ханов за какие-нибудь личные заслуги). Они освобождались от различных податей и телесных наказаний и т. д.

Например, тарханы, как отмечал К. Маркс, согласно монгольской Ясе, «были освобождены от всяких налогов, не должны были делить свою добычу с другими, имели постоянный свободный доступ к великому хану, освобождались от наказания до девяти раз» [5, с. 220]. Но в период раннего кочевничества еще не было такой классовой дифференциации. Например, тогда не было еще биев, занимающихся судопроизводством. Тогда суд вершил сам хан или родовой предводитель. Появление биев как особой категории людей, занимающихся вопросами судебного разбирательства, также относится к классово-антагонистическому обществу. Например, судебные тяжбы у казахов разбирались казиями на основе древних обычаев (адата) и мусульманских религиозных предписаний (шариата). Более крупные тяжбы разбирались судом биев (повелителей) на больших сходках (жиын).

Во главе крупных племенных союзов стоял хан. У казахов ханство берет начало с XV в. и просуществовало до середины XIX столетия. Но ханы как таковые берут начало с далекой древности. О них говорят во многих источниках. Слово «хан» означает по-тюркски «кровь». Видимо, первоначально так называли родовых предводителей, людей, связанных кровнородственной связью, но с распадом общества на антагонистические классы

ханы превратились в носителей политической власти.

Исторически ханы были у найман, керентов, усуней и т. д. У кыпчаков не было единого хана, поскольку их многочисленное население было разбросано на всей территории огромной Евразии. Они жили ордами, во главе каждой из которых стоял свой хан. Царица массагетов Тамирис тоже была своего рода ханом. Таким был предводитель гуннов — Аттила и др. Но особенность ханской власти у кочевников-скотоводов состояла в том, что здесь не было абсолютизма.

Одним из признаков государства является его территориальное строение, пришедшее на смену родовому. Чингисхан делил свои владения на улусы (области), во главе которых ставил своих сыновей и внуков, а каждый улус подразделялся на более мелкие подразделения, называемые тысячами, сотнями, десятками, во главе каждого из них стояли свои начальники. Точно так же строилось государство гуннов, состоявшее из 24 улусов, во главе которых стояли старшины. Печенегия делилась на 8 округов во главе с великими князьями: в округе Иртим — Манну, Цуре — Куеля, Гиле — Куркуту, Кулпей — Ипая, Харовон — Кайдума, в округе Талмат — Косту, в Хопоне — Гиази и в округе Цопоне — Ватана [62, с. 106]. Половцы Восточной Европы делились на много орд, во главе которых стояли ханы. Известными из них были: Урусоба, Алтуноба, Белдуз, Шарукан, Отрак. Боняк, Тугоркан, Елтук, Тогисоба, Кончак и др. [206, с. 55. 56].

Наличие родовых пережитков не означает, что здесь господствует родовая структура общества. Роды носили больше политический, нежели этнический характер, и названия их менялись в зависимости от конкретной исторической обстановки.

В новом пятитомном издании «Истории Казахской ССР» отмечается, что «начало I тыс. до н. э. — время интенсивного распада первобытнородовых отношений в сакском обществе и сложения новых форм социального устройства» [124, с. 215]. Например, нам известен характер власти Чингисхана, как он окружал себя лично преданными охранниками — кэшиктенами. Правительство Шанью у гуннов было очень сложным, чиновники дели-

лись на несколько классов. Знатные аристократические роды делились на пять классов: 1) чжуки — князь, 2) лули — князь, 3) великий предводитель, 4) великий дуюй, 5) великий данху. Они составляли высшие чины в правительстве [37, с. 47].

В скифском обществе, которое относится к еще более раннему периоду, к VI—V вв. до н. э., также была значительная классовая дифференциация. О том, что среди скифов были богачи и люди самого низкого происхождения, пишет и Гиппократ [69, 1947, № 2, с. 298]. Об этом можно судить по материалам древних скифских погребений. В частности, рядовых скифов хоронили обычно в простой земляной могиле и клали с ними лишь предметы личного вооружения — лук со стрелами, меч, копья, один-два глиняных горшка с едой и питьем. Над погребением насыпали небольшой земляной холмик. Скифских же царей хоронили со всеми почестями и роскошно. Гробницы их сложные, с различными камерами, а земляной холм поднимался до высоты 6-этажного здания. Насыпали такой курган большим количеством людей, иногда всем племенем. В таких царских курганах кроме драгоценностей археологи находят много скелетов убитых людей — наложниц, конюхов, дружинников, поваров и т. д. Много таких курганов найдено в степях Украины, Северного Кавказа, Ставрополя, Центрального Казахстана и т. д.

Описывая погребения скифского царя, Геродот сообщает о массовом убийстве воинов, слуг на его могиле [80, IV, 71—72]. Кроме наложниц в могиле царя хоронили его виночерпия, повара, конюха, вестника, а по прошествии года на могиле убивали еще 50 юношей-слуг и 50 отборных коней (80, IV, 71—72). Сообщения Геродота подтверждаются археологическими данными. В Чертомлыцком кургане в составе погребения археологи нашли почти всех перечисленных Геродотом лиц, следовавших в могилу за царем: и конюхов, положенных возле лошадей, и слуг, ведавших царским гардеробом и запасом напитков и кушаний, слуг-наложниц и приближенных к царю лиц — оруженосца и вестника [42, с. 83]. В Елизаветинских курганах на Кубани наряду с лошадьми в могилу были положены женщины, по видимому рабыни [42, с. 81].

О том, что в богатых скифских захоронениях имелись остатки гекатомб — массовых человеческих погребений, пышных погребальных кортежей с тяжелыми и роскошными колесницами, относящимися к эпохе раннего и позднего эллинизма на территории Оренбургской области, писал и археолог М. И. Ростовцев (235, с. 80). В Пазырыкском кургане на Алтае, относящемся к скифскому периоду, кроме похороненных мужчин и женщины в саркофаге обнаружены вне погребальной камеры еще десять лошадей — четыре упряжных и шесть верховых (238, с. 13). В некоторых погребениях знатных лиц, например в Большом Уильском кургане на Кубани, датированном VI в. до н. э., было захоронено свыше четырехсот лошадей, принадлежавших одному владельцу [238, с. 5].

Ученый грек Приск писал: «На другой день я пошел ко двору Аттилы с подарками для его супруги. Ее имя Крека. Аттила имел от нее трех детей, из которых старший был владетелем акациров и других народов, занимающих лежащую при Понте (Черное море — Д. К.), землю скифскую. Внутри ограды было много домов, одни выстроены из досок, украшенных резной работой; другие из тесаных и выпрямленных бревен, вставленных в брусья, образующих круги, которые, начиная с пола, поднимались до некоторой высоты. Пол был устлан сделанными из шерсти коврами. Вокруг царицы стояло множество рабов; рабыни, сидя на полу против нее, испещряли разными красками полотняные покрывала, накладываемые в украшение на одежду варваров» [221, с. 22—37, 210].

В 1981 г. недалеко от Майкопа на пахотном поле колхоза «Кавказ» трактористом был обнаружен бронзовый скифский котел. Подобные предметы у скифов являлись признаком знатности, а в рядовых могилах они не встречаются. Примерно в километре от аула Уляп прямо в поле, где расположены небольшие курганы, учеными обнаружены скелеты людей, человеческие черепа и кости рук, красивые бронзовые и серебряные античные сосуды и амфоры, железный меч, наконечники копий, дротиков, стрел, разной формы и величины золотые бляшки, еще один бронзовый котел [120, 1982, 7 февраля]. Подобные бронзовые котлы, обнаруженные архео-

логами на территории Казахстана, выставлены в Государственном музее республики.

На берегу небольшой речушки Чунгула в Токмакском районе Запорожской области экспедиция Института археологии АН УССР обнаружила интересное захоронение. Сначала были найдены кости пяти лошадей, отделанные золотом и серебром сбруи и седла, что говорит о знатности погребенного, остатки жертвенных баранов.

В саркофаге лежал, как полагают ученые, половецкий вождь XI—XII вв. довольно высокого ранга. Об этом говорит и одежда из парчи и пурпура, которую в то время имели право носить только византийские императоры и представители высшего духовенства. Рядом с ним нетронутыми дождались археологов огромная сабля, кинжал и два ножа с костяными рукоятками, отделанные золотом, колчан для стрел, обитый электровыми (сплав золота с серебром) пластинками, золотая гривна, два золотых перстня с драгоценными камнями, серебряная чаша. У ног стоял золоченый шлем, лежала кольчуга, у стены две огромные средневековые амфоры и фарфоровые сосуды с росписью. Нашли археологи и дарохранительницу — тонкой работы бронзовый сосуд с позолотой и орнаментом. Обычно в такие клали монеты или драгоценности. Когда сосуд раскрыли, на днище увидели столбик в виде фонтана, по которому крадется львица с электродовыми глазами

Находка явилась уникальной. Как заключили ученые, захоронение половецкого вождя такой сохранности и богатства обнаружено впервые в истории археологии. До сих пор было известно шесть видов парчи, говорят археологи, а одно погребение у Чунгула дало их целых пять. По-своему уникален и шлем. Существовало мнение, что шлем средневековых кочевников имел вид остроконечной металлической шапки. Этот же снабжен еще и железной полумаской [148].

«Распад первобытнообщинных отношений, — говорится в «Истории Казахской ССР», — продолжается в сакское время, в первой половине I тыс. до н. э.» [124, с. 215—216].

«Большое число так называемых «царских курганов», — пишется в ней, — в долинах рек Чу и Или свидетельствует о том, что здесь, в среде скотоводов-саков (VII—

VI вв. до н. э.) ясно определялось имущественное неравенство» [124, с. 218].

В Бешатырских курганах богатые погребальные сооружения — усыпальницы сакских «царей», бедные могилы рядовых воинов, совершивших какой-нибудь подвиг [124, с. 219], также свидетельствуют о социальном неравенстве в кочевых общинах.

Дифференциация кочевого скотоводческого общества в период его апогея выражалась в разделении его на такие социальные категории, как богачи-феодалы и бедняки, которые не имели возможности для самостоятельного ведения кочевого хозяйства. Поэтому они кочевали в составе крупного хозяйства скотовладельца — бая, попадая под его зависимость, или оставались на месте, ведя оседлый образ жизни. Их называли кедеями. Часто кедеи нанимались в байские хозяйства в качестве жалши (наемник). Они ухаживали за байским скотом, пасли коней (их называли жылкыши), овец (койши) и т. д. Кроме того, у каждого богача-бая жили и работали самые обездоленные люди, которые не располагали никаким скотом, никаким хозяйством. Они, будучи слугами богатых людей, выполняли все их работы по домашнему хозяйству. Их называли малайями (слуга) или кулами (раб). Они влачили жалкое существование и гибли от голода, холода и других невзгод. Но в отличие от оседлых жителей в кочевом обществе рабство носило патриархальный характер. Рабам разрешалось обзаводиться семьями. Но они являлись, наряду со скотом, собственностью феодала. Их покупали, продавали, дарили и т. д. В древние времена их после смерти господина, как об этом говорят вышеприведенные археологические раскопки, умерщвляли и хоронили с ним, вместе с его конем, личным оружием и т. д. Об этом свидетельствуют также сообщения древних путешественников. О них рассказывается и в многочисленных дастанах, поэмах, сказках и т. д. кочевых народов.

Например, уже упомянутый нами Ахмед Ибн-Фадлан, проезжавший через Хорезм далее в кочевую степь, в Булгарское царство, в начале X в., прибыл в страну огузов, столицей хана которых был тогда город Янгикент в низовьях Сырдарьи. Однако в город Янгикент он не заехал, а довершал путь через Устюрт к озеру Чалкар (За-

падный Казахстан. — Д. К.) и дальше к берегам Волги, т. е. к Булгарскому царству. Из его рассказов ясно, каков был общественный строй огузов, как далеко зашло у них имущественное неравенство. В частности, Ибн-Фадлан пишет, что он «видел среди огузов таких, которые владели десятью тысячами лошадей и ста тысячами голов овец» [145, с. 130]. Он встречал по дороге и нищих [145, с. 128]. Ахмед Ибн-Фадлан описывает одного из таких байгушей следующим образом: «Человек из тюрков с презренной внешностью, оборванец, тощего вида, жалкий по существу» [145, с. 124]. «Обычай их нищих таков, — продолжает он, — что нищий не останавливается у дверей, но входит в жилище кого-нибудь из них и сидит некоторое время у его огня, греясь. Потом говорит «Паканд», что значит хлеб, и тогда дают ему что-нибудь а если нет, то он выходит» [145, с. 124]. «Паканд» может быть искаженное тюркское слово «нан» — хлеб.

У огузов распространено было в то время патриархальное рабство. Так, «если заболит из их числа человек, — пишет Ибн-Фадлан, — у которого есть рабы и рабыни, то они служат ему» [145, с. 128]. «Если же он был рабом и бедняком, то они бросают его в дикой местности и отъезжают от него» [145, с. 128].

О байгушах в кочевых казахских аулах В. И. Даль в конце XIX в. писал, что они «нищают целыми аулами и поколениями и гибнут голодом и стужей без всякой надежды на помощь. На целое семейство одна дойная коза и более доходов решительно никаких, на эту козу выучит семейство все имущество свое и питается молоком ее через день или два поочередно, это не сказка, а быль» [220, т. VIII, с. 269].

В древней Средней Азии были классы, — пишет С. П. Толстов, — таковыми являлись рабы, кедиверы (полурабы), аристократия крупных земледельцев и купцов. Между ними находился слой свободных ремесленников, земледельцев, а также азатов — свободных граждан города-государства [266, с. 187].

Караванные пути, прорезавшие кочевую степь, способствовали не только обмену товаров, но и взаимовлиянию культур, религии и т. д. С целью распространения своих религий в кочевую степь приезжали с разными сроками

пребывания то папские, то византийские, то армянские миссионеры, а также арабские служители культа.

Половцы, например, придерживались язычества, христианства, нудаизма, ислама. Мусульманскую религию исповедовали те из них, которые жили у Волги, Яика, в Средней Азии. В южнорусских степях они приняли христианство, среди них были посвятившие себя монашеству [202, с. 95—96]. Христианами стали и те половцы, которые перебрались в Венгрию. Племена канглы, усуни, пайманы, кереты и др. до XIII в. не были мусульманами.

Арабский ученый Ибн аль-Асир пишет, что в 1120 г. грузины в войне с мусульманами имели своими союзниками кыпчаков-половцев [83, с. 190].

Акад. В. В. Бартольд пишет, что «предводитель найманов, Кучлук, был христианином и потом совратился в язычество, вероятно в буддизм» [51, с. 210].

Больше того, Кучлук жестоко преследовал приверженцев мусульманской религии [262, с. 5].

В героическом эпосе казахов «Кобланды-батыр» его герой Кобланды-батыр из кыпчакского племени идет войной против иноверного Газан-хана и грабит это царство. Между тем, если верить этой версии, то Кобланды, как представитель другой религии воюет с мусульманским ханом, ибо Газан-хан — реальная личность, седьмой ильхан, чингизид, правил Ираном (1295—1304). Чтобы заручиться поддержкой иранцев, он приближал к себе мусульманских чиновников и духовенство. Сам он принял ислам, получив имя Султана-Мухамеда [204, с. 242].

При Газан-хане ислам после долгого перерыва (1220—1295) снова стал государственной религией. Следовательно, назвав Газан-хана иноверцем, народ через эпос «Кобланды-батыр» показывает свою непричастность к религии ислама.

Но все же наиболее распространенной религией среди оседлого населения Средней и Передней Азии и в пограничных с кочевой степью районах в IX—XII вв. был ислам. Поэтому, чтобы прочно овладеть положением, чингизиды способствовали распространению ислама в кочевой степи.

Одним из первых ввел ислам в качестве официальной

религии в Золотой Орде хан Батый. Он покровительствовал мусульманским служителям культа. Батый установил в своих владениях в качестве государственного языка язык кыпчаков [51, с. 211, 213—214]. В персидских источниках сообщается, что он «друг мусульман» и что «в лагере и у племен его были устроены мечети с общиной молящихся, имамом и муэдзином» [260, с. 15]. Поддерживал приверженцев исламской религии и монгольский великий каган — Угэдэй-хан.

Правитель Золотой Орды хан Берке принял ислам и добивался в своем владении выполнения мусульманских религиозных предписаний. В частности, он запрещал в своей ставке есть свиное мясо [48, с. 568—569].

Вообще, игра на религиозных чувствах местного населения, его обычаях и традициях — испытанный метод, используемый завоевателями и в прошлом.

Так, Александр Македонский, решив завоевать Египет, прежде всего прибыл в Фивы на поклонение богу Амону. Этим самым он духовно покорил египтян, стал называться сыном Амона. Говорят, что таким способом, без боя, он подчинил себе Египет. Тот же самый Александр Македонский при завоевании Ирана нашел соответствующий ключ и к сердцам иранцев. Он принял имя Искандер Зулхарнайн [109, с. 33] и хотел стать иранцем.

Известно, что властелин Тимур, чтобы завоевать сердца кыпчаков, построил в Туркестане знаменитый мавзолей Ходжи Ахмеда Яссави и перед отправкой в поход для завоевания Китая специально прибыл в Туркестан на поклонение священному месту, но умер в городе Отраре. Именно такими были в своей деятельности Батый, Берке, Газан-хан и другие чингизиды, хотя не все из монгольских ханов придерживались такой политики.

Например, соперник Батыя Гуюк-хан покровительствовал христианской религии. Сам также принял христианство [48, с. 556]. Покровительствовал христианской религии и сын Батыя Сартак. Гуюк-хан преследовал подвластных ему мусульман, унижал достоинство служителей культа [48, с. 557].

И все же ни одна иноземная религия не привилась в кочевой степи. Ни христианство, ни иудаизм, ни буддизм не стали основной религией кочевников Западной Сиби-

ри, Средней Азии, Восточной Европы, хотя в отдельные периоды их истории представители господствующего класса, разные миссионеры безрезультатно пытались добиться этого. Мешала в известной мере сама кочевая жизнь, скотоводческая форма хозяйства, не позволявшая соблюдать религиозные предписания, строить церкви, храмы, синагоги, мечети и т. д.

Несколько иначе обстояло дело с исламом, который проник в степь в результате арабского завоевания. При этом кочевники-скотоводы были мусульманами номинально. Исламские обряды они сочетали с ритуалами доисламских, главным образом языческих, шаманских религий, ибо последние более отвечали их образу жизни, являлись менее строгими и базировались на общественной психологии.

Итак, кочевники веру в монотеистскую религию сочетали с шаманством, поклонялись луне, солнцу, одиноким деревьям в степи, источникам воды, почитали старинные священные места, кузницы, всякие мастерские и т. д. В аулах орудовали различные шаманы (баксы), „умалакши (гадальщики), жаурынши (предсказатели судеб) и т. д. Например, на территории Казахстана археологи временами находят предметы, свидетельствующие о наличии шаманства, тотемизма и т. д. В частности, одно из таких каменных изваяний человека обнаружено археологами в окрестностях Улутау, что находится в Дзезказганской области. В правой руке этого каменного человека — круглая чаша, левая прижата к груди, на боку нарисовано изображение кобыза, а на спине — шаманского колокольца. Акад. АН КазССР А. Маргулан, исследовавший изваяние, пришел к заключению, что это «памятник древнему жрецу, военному шаману, который занимался прорицательством для предводителей союза племен, обращавшихся к нему за советами по вопросам повседневной жизни и политики, предсказывая будущее и давая советы по организации походов». Ученый относит это к VI—VII вв. н. э. [168, с. 42, 88].

Не случайно у казахов, как у всех кочевых скотоводческих народов, существовало примитивное религиозное представление о покровителях (пір) каждого из видов домашних животных. Например, покровителем лошади считался Жилкыши-Ата, овец — Шопан-Ата, верблю-

дов — Ойсыл-Кара, крупного рогатого скота — Зенгибаба и т. д. [213, с. 32].

Следующий вопрос, тесно связанный с изучаемой проблемой, — военная демократия. В литературе встречаются разные точки зрения. Одни авторы относят строй военной демократии на весь период кочевого общества, включая его апогей; другие, хотя и признают его существование, не указывают, к какому историческому периоду он относится; третьи относят его к началу нашей эры. Например, А. Н. Бернштам говорит о наличии военной демократии не только у древних кочевников, но и у монголов периода Чингисхана: «Предшествующие тюркам гунны находились на стадии, аналогичной тюркам VI — конца VII и монголам X—XII вв., т. е. на стадии военной племенной демократии...» [58, с. 66].

По мнению Л. Н. Гумилева, в I в. н. э. гунны от родового строя перешли к военно-демократическому [90, с. 214—215]. С. А. Плетнева считает, что военно-демократический племенной союз гуннов распался в V в. н. э. [208, с. 38, 43].

Мнений много, а вопрос остается открытым. Ясно лишь одно: понятие военной демократии не может быть применимо ни к древнему периоду исторического развития, когда еще не было классового расслоения общества, ни к более позднему времени, когда существовало резкое классовое расслоение. Вопрос о том, что до I в. н. э. у гуннов был родовой строй, является, по крайней мере, спорным.

Не может быть речи о военной демократии, когда мы рассматриваем, скажем, политический строй монголов периода Чингисхана. Какая же это военная демократия, если власть здесь была основана на самой жестокой классовой диктатуре, диктатуре завоевателя. Темники, тысячники, сотники, десятники из войска Чингисхана — это, конечно же, не родовые или племенные вожди. Точно так же делились войсковые подразделения у гуннов [37, с. 45].

Чингисхан вопреки принципам военной демократии установил себе личную охрану и постепенно увеличил ее численность с 860 до 10 000 человек [147, с. 169].

«Мой рядовой кешиктен, — говорил Чингисхан, — выше любого армейского начальника-темника. А стре-

мянный моего кешиктена выше армейского начальника — сотника или десятника. Пусть же не гонятся и не равняются с моими кешиктенами армейские тысячники, в возникающих по этому поводу спорах с моими кешиктенами ответственность падает на тысячников» [147, с. 170].

Все это с достаточной очевидностью свидетельствует о классово-антагонистическом характере общественного строя монголов. Нельзя не видеть того, что родовые и племенные вожди — это фактически в данных условиях верхушка господствующего класса, крупные скотоводы.

Живший за тысячу лет до монголов предводитель гуннов Аттила также умел охранять свой двор специальным отрядом вооруженных людей [221, с. 22—37].

Греческий историк Иордан писал об Аттиле: «Этот человек родился в мир для потрясения и для внушения страха всем странам. Он выступал гордо, озираясь вокруг, чтобы казаться страшным... Любя войну, Аттила был умерен в еде, тверд в совете, снисходителен к просьбам и благосклонен к тем, кого принимал под свое покровительство» [121, с. 91]. Эта характеристика подошла бы к любому жестокому хану. Известно, что Аттила стал единоличным правителем гуннов, убив своего брата Бледа [255, с. 209]. А Тимур, живший в XIV в., тоже убил своего брата Хусаина, чтобы стать единоличным правителем в Самарканде, эмиром. С той же целью, очевидно, убрал своего брата и Чингисхан.

Борьба за власть, интриги, убийство из-за престола — все это характерно для классово-антагонистических обществ. Конечно, в государстве Чингисхана существовал обычай выбирать ханов, но это был выбор не для всех. Выбирали ханов предводители улусов (наместники), а ими были братья и сыновья великого хана.

Государство Усунь, возникшее в III в. до н. э., возглавлял Кюнбег (опекун народа), избранный на престол старейшинами [90, с. 86]. В самом конце III в. до н. э. складывается государство хунну [203, с. 135]. Государственный строй был у скифов еще в VI—II вв. до н. э. [277, с. 238].

Автор девятой главы «Монгольские завоевания и Золотая Орда», коллективной монографии «Степи Евразии в эпоху средневековья» Г. А. Федоров-Давыдов справедливо пишет: «.. не дикими варварами-кочевниками были

воины Чингисхана. За ними, в их тылу, была могучая городская база, они управлялись сильным аппаратом принуждения и учета, сотни чиновников ведали поступающими богатствами и приводимыми рабами — ремесленниками. Организованное государство, жестокое своей дисциплиной и поставленными перед ним целями, — вот в чем была сила монгольского движения перед которым все отступало» [46, с. 230]

Некоторые исследователи считают, что понятием военной демократии следует характеризовать не весь исторический период развития кочевого общества, а только его ранний этап.

Например, М. П. Грязнов относит существование военно-демократического строя у кочевников на территории нашей страны ко второй половине I тыс. до н. э. [44, с. 31]. Нам кажется, что такой взгляд является более правильным, тем более что это догунчский период. Следовательно, в эпоху гуннов, тем более в эпоху Чингисхана, никакой военной демократии уже нет.

М. О. Косвен считает, что военная демократия появилась раньше, чем сакское время (VII—III вв. до н. э.), и делает это на том основании, что кочевое общество образовалось на базе крупного разделения труда. Но с другой стороны, заявляет автор, условия жизни кочевников-скотоводов способствовали сохранению этого института внешне в виде военно-демократического строя [152, с. 430].

Основоположники марксизма относят военную демократию к периоду разложения первобытнообщинного и возникновения классового общества. В частности, говоря о причинах ее возникновения, Ф. Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» писал: «Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре делается необходимым даже и слияние их и тем самым слияние отдельных племенных территорий в одну общую территорию всего народа» [19, с. 164]. У оседлых народов указанные процессы проследить нетрудно. Другое дело у кочевников-скотоводов. Здесь феодальное образование покоится на родовом подразделении. Пережитки родового строя сохраняются надолго. Строй военной демократии, можно предполагать, относится поэтому только к самому раннему периоду воз-

никновения кочевого общества. Общественно-политический строй кочевников в этот период был военным еще и потому, что «война и организация для войны становятся теперь регулярными функциями народной жизни» [19, с. 164]. Не случайно, что к этому периоду относится и возникновение городов со рвами, окружавшими его крепостные стены. Имея в виду это обстоятельство, Ф. Энгельс писал: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов; в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации» [19, с. 164].

Термин «военная демократия» впервые был введен в научный оборот американским ученым, этнографом Л. Г. Морганом для обозначения органа власти, имевшего место в древней Греции на стадии разложения первобытнообщинного строя [183]. У кочевого общества такой переходный период лежит между первобытнообщинным и феодальным строем, поскольку оно миновало рабство. Особенности развития кочевого общества, его консерватизм, медленность развития производительных сил могли способствовать тому, что некоторые черты военной демократии (например, то, что родовые и племенные вожди одновременно являлись военачальниками) могли сохраниться в условиях феодального строя у кочевников.

К. Маркс и Ф. Энгельс придали понятию военной демократии универсальный характер. Они отметили закономерность ее появления на определенной стадии развития у различных народов [6; 19]. Сейчас исследованиями доказано, что классическим примером военной демократии является не только общество греков гомеровской эпохи, но и древних кельтов, германцев, норманнов и др. [63, т. 5, с. 205].

Но это вовсе не означает, что ее можно относить ко всем странам. Военная демократия соответствует ранней поре развития человечества (бронзовому и железному векам). Первый относится ко II и I тыс., а второй — к VII в. до н. э. Применение бронзы и железа привело к значительному развитию производительных сил в недрах первобытнообщинного строя, появлению плужного земледелия, скотоводства, ремесла, обмена, а вместе с тем к появлению прибавочного продукта и частной собственности. В это время становятся обычными войны, пред-

принимаемые в целях захвата чужих богатств. Отсюда, однако, не следует, что кочевые объединения, ведущие такие войны, уже в период своего апогея могут быть охарактеризованы в терминах военной демократии. Не военная демократия, а строй, основанный на социальном неравенстве, был присущ кочевникам X—XII в.

В отчете о III коллоквиуме, проведенном в Лейпциге в 1973 г. на тему «Кочевое скотоводство как хозяйственно-культурный тип», относительно вопроса о месте кочевого скотоводства в схеме общественно-экономических формаций отмечается, что большинство участников дискуссии пришли к такому выводу: «Кочевники-скотоводы в своем развитии достигли и представляли стадию прогрессирующего распада первобытно-общинных отношений [311, S. 466].

Известно, что вопрос этот остается предметом оживленной дискуссии среди обществоведов. Монгольские исследователи (например, Нацагдорж) характеризуют монгольское общество со времен Чингисхана как феодальное; Г. Левин (Лейпциг) находит элементы сходства с так называемой «докапиталистической общественной формацией в Китае», при которой лично свободные производители облагались налогом со стороны государства; Х. Грюнерт (Берлин) указал на военно-демократические черты у скотоводов-кочевников и наряду с другими участниками подчеркнул роль экспансии кочевников в усилении процессов социальной дифференциации и феодализации кочевого общества; Х. Крайссиг (Берлин) высказал мнение, что кочевничество, возможно, вообще развивалось в мировом масштабе, лишь в эпоху классового общества, поскольку «кочевники нуждаются в симбиозе с оседлым населением».

В кочевом обществе этого периода была уже развитая торговля; и основывалась она не на «обмене различных товаров друг на друга», а на «превращении товара в деньги», на продаже, на превращении денег в товар, на купле [10, с. 358]. Причем известно, что само появление торговли означает разложение первобытной общины, она возникает на стадии взаимопроникновения, соприкосновения между собой различных общин [9, с. 97]. И, как отмечал К. Маркс, такая торговля особенно рано появляется у кочевых скотоводческих племен.

В период апогея кочевого общества появляется купеческий капитал, а последний, по выражению К. Маркса, образуется тогда, когда извлекается прибыль не путем вывоза товара из своей страны, поскольку его еще нет, а путем посреднической роли купцов в продаже товаров одной страны в другую. «Таков главный источник его образования,— писал К. Маркс.— Но такая монополия посреднической торговли, а вместе с тем и сама эта торговля, приходит в упадок по мере экономического развития тех народов, которых она эксплуатировала с двух сторон и неразвитость которых была базисом ее существования» [10, с. 361].

В кочевом обществе уже была такая торговля, которая существовала в Западной Европе в XV—XVI вв. и о которой А. Смит писал: «Жители торговых городов вывозили из более богатых стран утонченные товары мануфактурного производства и драгоценные предметы роскоши и таким образом давали пищу тщеславию крупных землевладельцев (от себя можем добавить — и крупных скотовладельцев. — Д. К.), которые с жадностью покупали эти товары и оплачивали их огромными количествами сырого продукта своих земель» [10, с. 361].

Для многих стран Востока характерен ни чем не ограниченный произвол господствующего класса по отношению к угнетенным массам. Условия жизни во многих странах Востока привели к появления так называемого восточного деспотизма. В научной литературе сущность этого явления достаточно подробно описана. Но кочевое общество его не знало. Здесь хотя и были жестокие завоеватели, но не было восточного деспотизма.

Особенность существования общественного строя кочевников-скотоводов состояла в том, что у них не было полиции. Не было и тюрем, как это имело место у оседлых людей. Поэтому у кочевников, кроме смертной казни, все остальные формы наказания сводились, еще со времен саков, или к телесному наказанию, или к выплате аипа (вины) за содеянное в виде скота. Например, за оскорбление платили ат-тон анып (штраф конем и шубой). За убийство платили кун (буквально цена жизни убитого) тоже в виде скота, количественные размеры которого зависели от социального положения убитого.

Взимались налоги. И в этом отношении кочевое общество не отличалось от оседлых людей. Правда, налоги в это время выступали в форме дани, но это не отменяет их общего содержания. Евстафий Фессалоникский, ссылаясь на высказывания Страбона, пишет, что саки-массагеты, «предоставив землю землевладельцам, сами живут в городах, назначивши им умеренную дань для удовлетворения ежедневных насущных потребностей жизни, а если те не дают дани, то воюют с ними» [69, 1947, № 1, с. 289]. Дань платили все покоренные, подвластные как земледельческие, так и кочевые народы натурой в виде ремесленного изделия или скота, зерном и деньгами. Кроме того, подвластные страны поставляли воинов со всем снаряжением. Такую форму дани монголам Чингисхана платили, в частности, грузины и другие народы. Например, в период монгольского владычества Грузия должна была выставять в год 90 тыс. воинов. По одному воину от каждых девяти крестьян [123, с. 233]. Каждый такой завербованный воин должен был заготовить все, что ему необходимо из оружия и военного снаряжения (знамена, иголки, веревки, вьючные и верховые животные и т. д.). Гунны в период своего усиления получали регулярную дань ремесленными изделиями и продуктами земледелия с Китая [61, т. 1, с. 233]. Хотан платил ее гуннам шерстяными и бумажными тканями [256, т. 1, с. 42, 45, 46; т. 2, с. 22, 64]. Кочевники-ухуанцы поставляли гуннам кожи, овчины, полотно [61, т. 2, с. 214]. Кроме того, кочевники и население западного края поставляли вспомогательные войска [61, т. 2, с. 214].

Все принесенное с собой воином должно было быть показано на особом смотре и принято вышестоящими начальниками. Призыв в такое ополчение не освобождал оставшихся на месте членов семьи от выплачивания полагающихся в казну хана податей и повинностей. Если мужчина призывался в войско, его заменяла в хозяйстве женщина. Когда, согласно Ясе, приходил приказ о созыве войска, то обязанные стать воинами в тот же день без опоздания должны были прибыть в назначенное место. Войско отличалось строгой дисциплиной, нарушение которой жестоко каралось [84, с. 107].

Монгольские завоеватели, захватив обширный район Средней и Передней Азии, Восточной Европы, по-своему

распоряжались пастбищами, разрушив старые формы владения ими, существовавшие у половцев. Чингисхан своим указом ввел десятиричную систему управления войсками. Каждый воин должен был состоять в определенном десятке, без права перехода в другой. Далее шли сотники, тысячники и десятитысячники (темники), которые назначались самим ханом [147, с. 168]. Они и являлись фактическими правителями, наместниками хана.

Вильгельм Рубрук писал о монголах: «Они не имеют нигде постоянного местожительства... и не знают, где найдут его в будущем. Они поделили между собой Скифию... которая тянется от Дуная до восхода Солнца» [210, с. 69].

Здесь под Скифией подразумевается земля половецкая, которая была захвачена монгольскими завоевателями. Как видно из приведенного высказывания Рубрука, у кочевых монгольских феодалов имелось определенное количество феодально-зависимых людей.

Хазарский каганат также был основан на данничестве [208, с. 181]. Даннические отношения существовали и в государстве гуннов, взимавших дань с Византии и других государств. Вся история Древней Руси свидетельствует о том, что взаимоотношения с кочевыми ордами печенегов, торков, половцев, монголов, базировались на данничестве. А. М. Хазанов совершенно правильно пишет: «Государственные образования средневековых кочевников европейских степей демонстрируют значительное сходство с древними. Держава древних тюрков была основана на даннических отношениях, установившихся в результате подчинения множества земледельческих и кочевых племен и народов» [277, с. 260]. Все сказанное говорит о том, что кочевое общество с самого раннего периода своего возникновения представляло собой государственную форму политической организации, принимавшую в разные периоды своей истории разное наименование, разную структуру, то ярко выраженную, то скрытую различными патриархально-родовыми пережитками.

В исследованиях дореволюционных авторов кочевому обществу придавалось значительное внимание, хотя в них наличие классов вообще отрицалось. Отсюда возникновение государственности у кочевников приписыва-

лось исключительно или завоеванию кочевниками земледельческих районов, или объединяющей деятельности сильной личности (вождей племен, предводителей орд и т. д.). В частности, на такой точке зрения стояли такие востоковеды, как Н. И. Гродеков [86], Г. Н. Потанин [212], А. Н. Харузин [281], Н. А. Аристов [38], В. В. Бартольд [49] и др.

В частности, имея в виду причины образования у кочевников государственности, Н. А. Аристов писал, что, дескать, «возникали они вследствие усиления одного их племени, во главе которого стояли храбрые, умные, счастливые родоначальники, успевшие подчинить своему влиянию роды своего племени и покорить остальные племена» [38, с. 284].

Нет необходимости доказывать, как далека от истины эта точка зрения. История говорит совершенно ясно о том, что государство возникло с появлением классового антагонизма между людьми, а не путем лишь голого насилия.

Итак, богатство и бедность, а следовательно, классовое расслоение у кочевников-скотоводов берут начало с глубокой древности, о чем свидетельствуют не только иссыкская находка «золотого человека» вблизи Алматы, которая датируется V в. до н. э., но и многие другие богатые захоронения, найденные в степях Казахстана, Алтая, Восточной Европы, Западной Сибири и Центральной Азии.

Не случайно классики марксизма-ленинизма возникновение частной собственности на средства производства связывают с появлением скотоводства. К. Маркс отмечает: «Собственность первоначально, правда, подвижна, ибо человек сначала овладевает готовыми плодами земли, к числу которых относятся, между прочим, и животные, в особенности животные, поддающиеся приручению» [15, с. 481].

Не только кочевое скотоводство, но даже пастушество, которое ему предшествовало, явилось, по выражению Ф. Энгельса, результатом первого крупного общественного разделения труда, с которого берет свое начало деление общества на противоположные классы. «Из первого крупного общественного разделения труда, — отмечал Ф. Энгельс, — возникло и первое крупное разде-

ление общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых» [19, с. 161].

И. Я. Златкин отмечает наличие совершенно различных точек зрения относительно характера социально-экономического строя скифов. «Исследователи, — пишет он, — опираясь на один и тот же фактический материал, сообщаемый одними и теми же источниками, приходят к различным, иногда противоположным выводам. Одни, например, считают, что скифское общество почти до конца его существования находилось на стадии первобытно-общинных отношений, другие отмечают его эволюцию и перерастание в начале нашей эры в классовое феодально-«варварское» общество, третьи находят черты классового общества и государства у скифов в III—II вв. до н. э., четвертые утверждают, что скифы перешли к рабовладельческой государственности в V—IV вв. до н. э. Аналогичную картину мы наблюдаем в литературе, посвященной кочевым народам Центральной и Восточной Азии» [118, с. 255].

«Комплекс находок в кургане Иссык, — указывается в «Истории Казахской ССР», — дал дополнительные сведения об уровне социального неравенства у саков Семиречья. В золотой одежде иссыкского сака был заложен смысл не одного внешнего эффекта. Главное целевое ее назначение — возвеличить личность вождя, возвести его в ранг солнцеподобного божества, стоящего на самой высокой ступени иерархической лестницы» [124, с. 219].

Такое утверждение является шагом вперед в исследовании кочевого общества. Между тем только недавно утверждалось, что до Октябрьской революции в кочевом обществе шел процесс распада первобытной общины и образования классов. Многочисленные археологические источники свидетельствуют о несостоятельности такой точки зрения. Итак, несмотря на различные точки зрения относительно времени возникновения кочевого скотоводства, все они исходят из главного — из признания существования кочевого скотоводства в I тыс. до н. э. Это значит, что и классовая дифференциация общества не может относиться к более позднему периоду времени. К этому сводятся выводы почти всех археологов, сделан-

ные на основе раскопок, произведенных в разное время в курганах Центральной Азии, Западной Сибири, прикаспийских и приаральских степей. Отсюда само собой вытекает, что политический строй кочевников IV в. н. э. и времен Чингисхана (XIII в. н. э.) был классовым.

Глава 6

КУЛЬТУРА КОЧЕВНИКОВ

Материальная культура

Кочевники впитали материальную культуру оседлого населения, а последнее, в свою очередь, многое заимствовало от кочевников. С историей кочевников связаны, как уже отмечено, такие торговые и культурные центры, как Отрар, Тараз, Сыгнак, Сауран, Джент, Сарай-Берке и др. О посреднической роли этих городов в обмене товарами между оседлым населением и кочевниками в предыдущих главах уже сказано. Сейчас речь идет о том, как эти города впитали в себя культуру кочевого населения, как, например, в городских строениях Средней Азии отражался национальный орнамент кочевников. Об этом свидетельствуют археологические данные, найденные при раскопках древних городищ. Сюда относятся, в частности, куполообразный вид зданий, различные рисунки, встречающиеся на коврах кочевников, которыми украшались эти здания, и многое другое.

Когда речь идет о материальной культуре кочевников, то подразумевается развитие их прикладного искусства: умения украшать юрту, создавать домашнее убранство: ковры, кошму, циновку, конскую сбрую и т. д., в котором кочевники достигали высокого мастерства.

Юрта — своеобразный шедевр, квинтэссенция всей многовековой культуры кочевников. «Это один из видов переносного жилища, сохранившийся с древних времен, памятник национальной культуры казахского народа», — пишет М. С. Муканов [187, с. 215]. Она не шатер и не палатка. Скажем, в палатке летом в дневное время жарко, ночью прохладно, даже холодно. В юрте, наоборот, днем

прохладно, а ночью тепло. Палатка, когда идут длительные дожди, промокает, а юрта — никогда, если кошма не дырявая. В палатке душно, а в юрте постоянно свежо. И в эстетическом отношении юрта является высокохудожественной формой решения проблемы жилья в условиях кочевой жизни. В ней воплощен многовековой опыт кочевников-скотоводов.

Если по-настоящему вникнуть в суть строительного, художественно-эстетического искусства создания юрты, в мудрость решения комплекса вопросов, связанных с характером постоянного передвижения, ее в некотором смысле можно сравнить с архитектурным сооружением. Из ее ансамбля, сочетания ярких красок и линий нельзя выбросить ни одного элемента. Юрта — исторический продукт богатой творческой фантазии целого народа, она соответствует всем требованиям кочевogo образа жизни: мобильна, легко снимается и переносится на любое расстояние и быстро может быть собрана вновь. В ней, как в народной музыке, нет ничего лишнего.

Ч. Ч. Валиханов писал: «Дом киргиз-кайсака приспособлен к его кочевому быту; юрта, говоря о средней величине и тяжести ее, может поместиться на одном верблюде. Она состоит из тонких решеток и палок и нескольких войлоков. Первые служат ей основанием (остовом), вторыми она закидывается от дождя и мороза.

Деревянная часть юрты состоит из трех частей: кереге (решетка), уука (стрелок) и чангарака (круг). Нижняя часть, или кереге, есть решетка, слегка скрепленная в перекрестках ремнями так, что удобно складывается, когда нужно везти юрту, и раздвигается, когда юрту ставят» [67, т. 3, с. 26].

В условиях кочевой жизни юрта наилучшим образом выполняла не только утилитарные, но и эстетические функции. Она является эталоном развитого прикладного искусства казахского народа [187, с. 216].

На протяжении более трех тысяч лет юрта постоянно совершенствовалась, и, разумеется, она неодинакова у всех кочевых народов. Нам кажется, что наилучшая форма юрты досталась казахам и киргизам от кочевников Западной Сибири и Средней Азии. О богатом убранстве юрты кочевников говорится в лирико-героических эпосах «Кыз-Жибек», «Ер-Таргын».

Говоря об эволюции юрты как древней формы жилища кочевников-скотоводов, следует сказать, что первоначально она ставилась на повозках и была неразборна.

Гиппократ писал о скифах-кочевниках: «Называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни двумя, другие тремя отделениями; они не проницаемы ни для воды (дождевой), ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов: рога у них не растут от холода. В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях; за ними следуют их стада овец и коров и табуны лошадей» [69, 1947, № 2, с. 296]. Это юрты-повозки, возникшие в условиях постоянного передвижения и у монголов и у скифов.

Страбон пишет: «Кибитки номадов сделаны из войлока и прикреплены к повозкам, на которых они живут; вокруг кибиток пасется скот, мясом и молоком которого они питаются» [254, VII, 3, 17; 69, 1947, № 4, с. 201].

Позднее появились юрты разборные. Их могли поставить в любое время и, разобрав, навьючить с целью переезда. У казахов были именно такие юрты. Они появились в период посезонного кочевания. О таких юртах кочевников-скотоводов писали П. С. Паллас [201, с. 568], И. Г. Георги [81, с. 131] и др.

В. Рубрук, говоря о юрте кочевников, быть может кыпчаков, пишет, что юрту они «покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче; а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей» [210, с. 69].

Как отмечали Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский, у тех кочевников, которые не втянуты в процесс постоянных войн, «искусство украшать свои жилища тогда стояло очень высоко» [84, с. 99]. Именно такими были ко-

чевники, жившие в степных просторах севернее Сыр-дарьи, в районах Западной Сибири и др.

Один из исследователей культуры народов Средней Азии В. А. Чупелов дает следующее описание интерьера юрты: «Посетителя, зашедшего внутрь юрты, поражает нарядность ее убранства. Тонкая полоса стягивает деревянный каркас жилья, завешенный серокоричневыми неустойчивыми войлоками. Всюду узор. Он тесно связан с бытом, с каждым событием в жизни народа. В этом мире узоров то здесь, то там обнаруживаешь намеки на образы действительности, на реальные предметы. Мир, окружающий кочевников, своеобразно опoэтизирован» [292, с. 54].

И все же юрта, так хорошо приспособленная к суровым условиям кочевой жизни, в лютую зимнюю погоду не спасала людей от холода и стужи. Зимой, осенью и ранней весной в центре юрты разводился огонь и ставился котел для приготовления пищи, вокруг рассаживаются люди, но сквозняк, который постоянно держится в юрте, уносит тепло, и пока костер горит, может обогреться лицо, руки человека, но в то же время спина его мерзнет. Кроме того, от кизяка, который тлеет посреди юрты, жилище наполняется дымом, который ест глаза, жжет горло.

В степи зимой часто бывают бураны или пурга. В такую погоду кочевник не может укрыться кошмой и сидеть в юрте. Интересы содержания скота требуют постоянно следовать за ним, несмотря на сильный буран и снежную вьюгу. Особенно невыносимо жить в эту пору бедным людям, у которых нет сытной еды и много кошмы и ковров, чтобы утеплить юрту, необходимой теплой одежды, а также старым, больным и детям, которые беспомощны. «Легко, — писал И. Алтынсарин в одной из своих корреспонденций, написанной в конце XIX в., — сказать слово «буран», но почувствовать это явление ужасно, особенно тогда, когда оно продолжается почти три месяца. Люди, видящие буран только через окно своих теплых помещений, не могли представить себе этой беды, ее всеподавляющую силу. Понимает и всесторонне чувствует только кочевой народ, живущий скотоводством» [197, № 16, 13 апреля].

Кочевая жизнь диктовала свои жесткие условия ко-

чевнику, который воспитывался быть терпеливым ко всяким невздам и лишениям, поскольку иного выхода или выбора у него не было. В условиях такой суровой кочевой жизни с ее особыми требованиями выживали, как правило, более сильные и выносливые.

Юрта как временный вид жилища сохраняется в быту животноводов в период пастбы на отгонных пастбищах весной и летом. Ее используют в качестве передвижных библиотек, клубов, медпунктов, кемпингов [187, с. 215]. Юрта с внутренним убранством может экспонироваться как своеобразная выставка народного творчества. Хотя кочевая жизнь давно изжита, потребность в юртах еще имеется. Для удовлетворения этой потребности в городе Уштобе действует юртостроительная фабрика мощностью 16 тыс. юрт в год [222, 1979, 23 марта].

В советское время о юрте, о ее хозяйственно-бытовом, эстетическом назначении написано немало работ. Среди них следует отметить работы Б. А. Куфтина [156], А. Х. Маргулана [167] и др.

Говоря о прикладном искусстве кочевников, нельзя не сказать о ювелирах, которые еще в глубокой древности были широко представлены среди кочевого населения. Тюркоязычные народы, в том числе и казахи, называют их зергерами. Они из серебра и золота чеканили кольца, серьги, брошки, серебряные украшения к мужским ремненным поясам, а также различные украшения к женской одежде, подвески к косам (шолпы), браслеты, пластиночные коробки для ношения амулетов (талисманов) и др. Они серебром и золотом красиво отделывали седло, конскую сбрую, оружие. Такие украшения найдены во многих курганных могильниках, относящихся к скифскому и сакскому периодам. Мы о них подробно говорили в предыдущих главах работы. Можно лишь отметить, что найденные археологами украшения, различные предметы материальной культуры говорят о том, что еще в глубокой древности их искусно и тонко отделывали, придавая им изящество и красоту.

Женщины в кочевом обществе любили носить цветастые платья, украшения из благородных металлов, и это не случайно, ибо однообразные неоглядные дали, выжженная солнцем желтая степь — все это требовало некоторого разнообразия и красочности в одежде и домаш-

нем убранстве. Вообще, как уже сказано, у кочевников все было приспособлено к условиям кочевой жизни. Имея дело с золотыми украшениями, они обходились деревянной посудой (тегеш, ожау, тостаган, керсен), кожаным мешком для содержания жидкостей и т. д., так как это было удобно. Чаще всего кочевники отделывали тонким узором ковер (ворсовой, безворсовой), палас (алаша), сундук, деревянную часть юрты. У кочевников было высоко развито войлочное производство (текемет, сирмак, тус, кийз) и др., резьба по дереву и кости с инкрустацией серебром [122; 185].

В лирико-героическом эпосе «Кыз-Жибек» есть такие слова «Бело-зелен ткут ковер, На узор кладут узор» [134, с. 559].

Сохранение узора в орнаментах следует рассматривать не как проявление консервативности элементов декоративно-прикладного искусства, а как традицию, сохраняющую лучшие образцы народного наследия [184, с. 26].

О памятниках материальной культуры упоминали в своих трудах арабские, иранские, среднеазиатские ученые X—XVI вв. (Ибн-Фадлан, аль-Бируни, аль-Идриси).

Петр I положил начало научному изучению памятников древней культуры Сибири и Казахстана. Он снарядил в Сибирь специальную экспедицию, которая вела археологические исследования, а найденные при этом вещи вошли в знаменитую кунсткамеру Петра I. Среди этих вещей были принадлежности одежды: шейные гривны, серьги, браслеты, перстни, пряжки, застежки и т. д.

В частности, доктор Д. Г. Мессершмидт, прибывший в Тобольск в марте 1721 г., сообщает о том, что ишимцы напрасно копают могилы язычников, «находят только разные железные и медные вещи, которые плохо оплачивают их труд, но иногда им случается находить в этих могилах много золотых и серебряных вещей фунтов по 5, 6 и 7, состоящих из принадлежностей конской сбруи, панцирных украшений, идолов и других предметов» [228, с. 10].

Много таких курганов встречалось тогда в Улутауской, Атасуйской, Каркаралинской, Баянаульской и

других степях. Так, капитан Н. П. Рычков, пораженный в долине р. Кара-Тургай видом громадных курганов, полагал, что они воздвигнуты «в честь какого-нибудь скифского царя или героя» [242, с. 60] и относятся к середине II тыс. до н. э.

Итак, археологические находки обнаруженные на территории Казахстана, Северного Кавказа, Причерноморья, вплоть до западных границ Украины, свидетельствуют о своеобразной высокой культуре кочевых племен. И те украшения, что найдены в могильниках половцев и даже скифов (например, такие вещи найдены учеными Ингульской экспедиции Института археологии Академии наук Украины при раскопке одного из курганов под Киевом [131, 1972, 13 мая]), по своей форме и изяществу поразительно совпадают с более поздними нарядами казахских женщин и мужчин, а золотые изделия, найденные в Южной Сибири, похожи на изделия, обнаруженные в причерноморской степи и относящиеся к периоду скифов и саков [239, с. 39].

«Влияние культуры и искусства южно-сибирских племен середины и третьей четверти I тыс. до н. э., — пишет С. Н. Руденко, — распространилось и далее на Восток. Из Минусинской котловины имеются аналогичные южно-сибирским золотые серьги; среди случайных находок — приобретенные Г. Миллером (Г. Ф. Миллер. История Сибири. М.; Л., 1937, т. 1, рис. 25) и переданные им в кунсткамеру литые бронзовые навершия со скульптурными изображениями горного козла и оленей, аналогичные подобным же изображениям сибирской коллекции из второго Пазырыкского кургана» [236, табл. XXIX, 1].

Найденные в курганах предметы прикладного искусства говорят о высоком мастерстве и эстетическом вкусе народных умельцев — золотых дел мастеров, чеканщиков по меди, резчиков по дереву, ковроделов.

На коврах, кошмах и других предметах домашнего обихода значительное место занимает зоологический стиль, особенно домашние животные: архар мүйіз (рога архара), нар (одногогорбый верблюд), түйе табан (следы верблюжьих ног) [282, с. 129]. Этой же теме посвящены многие наскальные рисунки (петроглифы) и т. д. Это связано с тем, что у кочевников объектом изучения и

предметом подражания являются домашние животные, звери, а также вся окружающая среда: небо, степи, горы и т. д.

Итак, причудливые узоры на тканях, коврах у кочевников — результат благотворного влияния торговли и культурного обмена, хотя мотивы и образы, отображаемые на тканях, дают представление о том, как видел ткач из других стран звезды, стройные тополя, птиц на ветке и у себя в степи, горы, верблюдов, архаров, а также степные контрасты красного, густо-синего, зеленого, желтого и т. д. цветов. Естественно, что очень высоко ценились даже в более поздние времена персидские, а затем туркменские и казахские ковры.

Кочевники еще со времен скифов имели понятие об округлости, о чем свидетельствуют найденные в раскопках скифских курганов кольца, бронзовые зеркала, правильной округлой формы подвески и т. д. [125, с. 44—45].

Отношение к округлости как к идеалу красоты ощущается почти во всех поэтических сказаниях кочевников-скотоводов, где воспевается девушка с круглым лицом (дөңгелек жүздi).

Кочевника окружала ровная, круглая степь; небо над головой — круглая чаша. Юрта, круглая в горизонтальном сечении от самого основания и до отверстия в центре сводов, отражает то же самое представление о мире, которое нашло свое воплощение в его материальной культуре.

Духовная культура

Кочевая жизнь мешала развитию письменной грамотности. Она не позволяла иметь стационарные школы, библиотеки, другие очаги культуры. Если некоторые кочевые племена имели письменность в прошлом, то, видимо, это связано с тем, что они вели полукочевой образ жизни или имели тесный контакт с оседлыми людьми, о чем свидетельствуют, например, орхоно-енисейские рунические надписи на языке тюркских народов, высеченные на надгробных камнях каганов Бильге, Куль-Тегина и др., относящиеся к середине VIII века н. э.

Основным показателем древней культуры кочевников

является устное народное творчество. У кочевников сильно развита способность к запоминанию всего услышанного. Отдельные из них пересказывали наизусть целый эпос или несколько повествований подряд. Таких людей называли жирчи (сказитель). Иногда жирчи мог пересказать на память несколько поэм. У монголов, например, в период Чингисхана в силу отсутствия письменности было в обычае передавать устно даже посольские речи. Иноземные послы удивлялись точности, с какой монголы передавали речи других по пальцам [147, с. 32].

У кочевников основным видом художественного творчества была поэзия. Они умеют излагать свои мысли ясно, образно, точно, лаконично. Чтобы придать своей речи известную долю изящества, выражая ее в ритмической форме, они часто прибегают к афоризмам, пословицам и поговоркам, которыми богат речевой обиход их общества. Кыпчаки экспромтом умеют парировать замечания, сделанные другими, тоже в стихотворной форме. С незапамятных времен у них широко распространено состязание в импровизации (айтысы). Кочевники любили айтысы, темпераментно и бурно реагировали на каждое остроумное слово состязающихся.

У казахов существовали различные песни, которые исполнялись в зависимости от конкретных условий: «Жар-Жар» (свадебная песня), «Сын-сыма» (песенный плач девушки, насильно выдаваемой замуж в далекие края), «Бадик» (песня, которая поется для исцеления больных от кожных болезней), «Той бастар» (песня, с которой начинается той), «Толгау» (монолог акына-импровизатора о смысле жизни, о долге, чести, справедливости), «Жоктау» (песенный плач о потерянном человеке) и др. Некоторые из этих песен появились в седой древности.

Песня в жизни кочевника всегда имела важное значение. Как писал Абай:

Двери в мир открыла песня для тебя,
Песня провожает в Землю прах, скорбя
[154, с. 88].

У казахов любой человек мог в стихотворной форме пересказать увиденное. Эта особенность кочевника-ско-

товода неоднократно была замечена путешественниками: «Каждый киргизец — импровизатор. Довольно самого обыкновенного случая в жизни, самого обыкновенного явления в природе, чтобы воспламенить восторг в пылом ордынце, заставить его без приготовления выражать нестройными звуками нестройные чувства души свободной и горделивой» [162, 1830, 31 января, № 7].

Особая любовь кочевников к поэзии и музыке вызвана природными условиями и всем укладом общественной жизни. Как правильно подметил В. И. Даль, «безбрежная степь и безбрежное небо, низкие кристальные звезды и далеко мерцающие огоньки кочевий рождали в душе слова и музыку» [214, с. 219].

Кочевники, как уже было сказано, по сравнению с земледельцами имели больше свободного времени для художественной деятельности, для слушания кюев, айтысов. Это в какой-то степени определяет также высокий уровень развития их духовной культуры.

В условиях кочевого скотоводческого общества единственным средством общения молодежи кроме перекочетов, разных празднеств (тоев) по поводу свадеб и т. д. явилась игра «алтыбакан» — своеобразные качели. «Алтыбакан» — это не только форма отдыха, но и сходка молодых людей, разбросанных условиями кочевой жизни, смотр талантов.

У казахов существовало много сказок на тему воспитания наблюдательности, сообразительности и находчивости и т. д., что было вызвано потребностями кочевого скотоводства. Вот одна из них. Идут по дороге трое. Встречается им человек, спрашивает, не видели ли они верблюда, которого он потерял. Один из путников спрашивает, не был ли нагружен верблюд громоздкими предметами и не переваливают ли они в правую сторону? «Да», — отвечает хозяин верблюда. «Не хромает ли твой верблюд?», — спрашивает второй. «Да, хромает», — отвечает тот. Тогда спрашивает третий: «Не слепой ли твой верблюд на правый глаз?» Незнакомец отвечает: «Точно, вы угадали, это мой пропавший верблюд, где вы видели его?». «Нет, мы его не видели», — говорят все трое.

Возмущенный незнакомец повел их к казию (судье), чтобы тот осудил их за воровство верблюда.

Тогда казий потребовал ответить, каким же обра-

зом они отгадали все признаки пропавшего верблюда, если его не видели. Первый сказал, что он пришел к выводу, что верблюд был нагружен громоздкими предметами, которые переваливались на правую сторону, потому что кусты, растущие по обочинам дороги, были помяты с правой стороны. Что верблюд был хромым, сказал второй, показали его неровные следы на дороге. Что верблюд был слеп на правый глаз, сказал третий, видно из того, что он щипал траву лишь по левой обочине.

Удовлетворенный таким ответом путников, казий снял обвинение и отпустил их.

Иносказание, абстрактное мышление, посылка различных предметов с загадочным намеком на что-то и их отгадка имели в традициях кочевников широкое распространение. Еще Геродот писал об этом, имея в виду скифов-кочевников [80, IV, 131, 132]. Этот обычай сохранился у кочевников-скотоводов до позднего времени [259, с. 110].

Таким образом, игривость, многозначительность, иносказательность, образность — характерные черты мышления и кочевника-скотовода.

Умение спокойно и обстоятельно рассуждать, придавая каждому слову изящную форму, приносило кочевникам моральное и эстетическое удовлетворение.

Эта особенность психического склада кочевника-скотовода также вызвана тем, что в условиях однообразной жизни неоглядной степи и огромной потребности людей в общении между собой, где собеседование носит неторопливый характер, каждое высказывание наполнялось глубоким смыслом, образностью и иносказательностью.

Кочевники, в том числе казахи, всегда с уважением относились к тем, кто говорил логично, последовательно, убедительно. Кочевники-скотоводы поощряли таких людей, которые рассудительно говорят, логически мыслят, убедительнее других доказывают свои выводы, одобряя их шумно и восторженно.

У казахов много сказок, повествующих о предпочтении тех, кто мыслит логично. Часто в такой роли выступает какой-нибудь плешивец (тазша), мальчик-сирота, способный переспорить логикой своего суждения даже самого хана, и, заслужив его уважение, стать правой

рукой владыки — визирем и жениться на его единственной дочке и т. д. В этом и состоит специфика образа жизни кочевников-скотоводов, что несколько и отличает их от образа жизни оседло-земледельческих народов Средней и Передней Азии, где существовал в то время восточный деспотизм, не допускавший никаких возражений.

Примечательно, что рассказы или сказки о том, как власть отдавалась людям незнатного происхождения, выдвинувшимся своими дарованиями, энергией существовали и у печенегов [83, с. 214—215].

Казахская речь очень богата пословицами, поговорками, крылатыми словами. Нет такого случая в жизни, к которому казахи не употребили бы соответствующую пословицу или поговорку. Причем поговорки эти настолько мудры и жизненны, что обходиться без них оратору, поэту, да и просто собеседнику невозможно. Это говорит о глубокой древности этих пословиц, о том, что они проверены жизнью и выдержали испытание временем. Вот некоторые из них: «Сиынғаныңнан сүйенгенің күшті болсын» (Пусть будет сильным не то, перед чем поклоняешься, а то, на кого опираешься), «Әуелгі байлық — ден саулық, екінші байлық — ақжаулық, үшінші байлық — он саулық» (Первое богатство — здоровье, второе — жена, третье — десять дойных овец) и т. д.

«Склонность к поэзии, особенно к импровизации, — писал Ч. Ч. Валиханов, — отличает все кочевые расы... Все путешественники, посещавшие аравийские пустыни и шатры, писали с удивлением о голых мальчишках, которые на все вопросы выстреливали правильно сложенными, размеренными четырехстишиями. Такие же явления представляют и монголо-тюркские поколения» [67, т. 1, с. 390].

Вступающие в песенное состязание должны были сидеть или стоять «лицом друг против друга» [61, т. 1, с. 201]. Предметом айтыса были самые разнообразные проблемы, человеческие поступки и отношения и прежде всего проблемы нравственности: добра и зла, справедливости, чести, долга и т. д. Посланник императора Византии к Атталу Приск сообщает: «Два варвара, выступив перед Аттилой, пели песни, в которых превозносили его победы и проявленные в сражениях доблести. Собе-

седники смотрели на них; одни веселились, слушая стихотворения; другие, вспоминая о битвах, были воспалены ими, те, которые телом были уже слабы по причине лет своих и духом были спокойнее, проливали слезы» [221, с. 22—37].

Следует отметить, что не только стихотворное изложение мысли, но и песенное ее оформление, является необходимым элементом доходчивости и выразительности народного творчества.

У кочевников-казахов наиболее высоким выражением нравственности эстетических идеалов являются эпические произведения.

Важнейшим средством духовного объединения и воспитания людей не только одной семьи или рода, но всего племени или целого народа являются беспримерные образы народных лирико-героических эпосов. Даже милые женские образы Куртқа, Қарлығаш, Гульбаршын и др. — это не только боевые подружки батыров, они сами были батырами и при необходимости вступали в бой. Эпические герои также вошли в плоть и кровь кочевников, стали для них родными и близкими. Они являются для кочевников как бы общим, дорогим предком, наряду с собственным для каждой семьи, рода и т. д.

Народные песни, героико-лирические дастаны, эпосы рисовали идеал человека. Они воспевали такие черты, как героизм, любовь к родному краю, трудолюбие, справедливость, уважительное отношение к старшим, снисхождение к слабым, щедрость души и честность.

Народ любит своих героев. На примере их патриотизма, беспримерной смелости на протяжении многих веков он воспитывал своих потомков [67, т. 1, с. 342—343]. Героический эпос был не забавой, а могучим идеологическим фактором, подымавшим народный дух.

К какому периоду жизни кочевников относится возникновение этих эпосов? Есть исследователи, которые считают, что героический эпос у казахов возник после сложения их народности, т. е. после монгольского нашествия. При этом в качестве довода они ссылаются на имена конкретных персонажей, названия местностей, которые встречаются в этих повествованиях. Одни считают, что эпос «Ер-Таргын» является произведением XVIII в. на том основании, что там упоминается имя кал-

мыцкого хана Аюке, который был современником Таухе-хана [263, с 207—208]. По мнению других, повествование об «Ер-Таргыне» относится не к XVIII, а к XV веку, т е периоду образования казахской народности, поскольку там упоминается племя Ногайлы [76, с 235]

В героическом эпосе «Алпамыс-батыр», подчеркивают третьи [108, с 69—70], есть реальные события Например, упоминается калмыцкий хан Тайшик (Хун-Тайчжи), и что главный герой эпоса происходит-де из рода Конрат, который обитал в местности Жидели-Байсын, что находится южнее Самарканда, юго-западнее Бухары и Гиссарской долины, и что Алпамыс выступал против монгольских поработителей, и что появление эпоса относится к XIII в и т д То же самое «доказывается» [129, 1983, 14 января] относительно другого батыра — Кобланды, поскольку в эпосе упоминаются исторические личности, конкретные факты, события

Конечно, упомянутые факты не могли не иметь своего влияния на формирование указанных эпосов, но в своей первоначальной основе они появились гораздо раньше и уходят в седую древность Исследования последних лет героико-лирических эпосов казахов показывают, что их персонажей нельзя рассматривать как исторические личности, жившие в каких-то конкретных условиях. Образы их собирательные, вылепленные на протяжении многих веков На этом сходятся сегодня многие авторы

Иногда историческая «реальность» эпических батыров некоторыми авторами «доказывается» тем, что они воевали против потенциальных противников, в частности калмыков Так, в местности Нуртукай недалеко от древнего города Сыгнак и нынешней железнодорожной станции Тюмень-Арык в 1457 г. Абулхаир-хан дал сражение калмыкам [95, с. 40—42]. Ну и что же?

В своем фундаментальном исследовании В Я Пропп убедительно показал, что героический эпос создается не при возникновении государства, что русский былинный эпос возник задолго до начала образования Киевского государства, еще в период разложения родового строя (224, с. 54) Этим периодом определяется и время сложения героического эпоса осетин Например, возникновение нартских сказаний относят примерно к VIII—VII

вв. до н. э. (189, гл. 5). Видимо, и появление казахского героического эпоса не следует относить в более позднее время. Это предположение доказывается рядом факторов. Прежде всего, героическим характером эпоса: в эпических поэмах прославляются героические поединки богатырей, их охотничьи подвиги и т. д.

Казахский народный эпос — продукт не одного какого-нибудь века [76, 29—30 б.]. Он, как и сказки «Тысячи и одной ночи», создавался на протяжении многих веков и шлифовался вплоть до XX в. Это естественно. Например, У. Омиралиев [130, 1968, № 9, с. 9], С. Жолдасбаев [45, с. 111] основу казахского героического эпоса видят в устном народном творчестве кочевых народов, живших еще в VI—XII вв. н. э.

В статье «Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири» один из крупнейших исследователей истории кочевого общества археолог М. П. Грязнов также пишет: «Героический эпос современных тюркомонгольских народов в первоначальных своих формах сложился в эпоху ранних кочевников. И можно предполагать, что уже в то далекое время он обладал всеми характерными для героического эпоса чертами, что поэмы были героическими по характеру содержания, слагались из песен, которые пелись, и пения эти имели стихотворную форму. Героический характер содержания древних эпосов несомненен, так как во всех рассмотренных нами изображениях запечатлены героические моменты — борьба, поединок богатырей, поединок богатырских коней, смерть и оживление богатырей» [44, с. 129].

Автор отмечает, что эти поэмы передавались устно на протяжении двух с лишним тысяч лет [44, с. 30].

О древности героического эпоса свидетельствуют и археологические находки. Например, в серебряном блюде, найденном археологами в Кулагыше (Приуралье б. Кунгурский у.) [248, табл. XXIII] и относящемся к середине I тыс. до н. э., изображен поединок двух вооруженных людей. Как видно из картины, войны бьются уже давно. Они испробовали несколько видов оружия, о чем свидетельствуют поломанные мечи, палицы, щиты, боевые топоры, валяющиеся у их ног. В картине схвачен последний момент этого единоборства, который должен решить исход этой жестокой схватки.

Казахстан и прилегающие к нему территории — Алтай и Западная Монголия были местом, где наиболее рано, еще на грани палеолита и неолита появились первые луки и стрелы [196, с. 172—173; 270, с. 4—5]. Здесь археологами обнаружены каменные наконечники стрел, булавы и т. д. [171, с. 287, 288].

Именно отражением этого далекого прошлого в жизни коренного населения является существование, например, у казахов сказок про охотников-одиночек, таких, как «Сур-мерген». В сказке повествуется о том, что Сур-мерген целый день охотился и к вечеру, порядком устав, решил выбрать место для ночлега. Развел костер и начал готовить пищу. Когда ужин был готов и Сур-мерген начал принимать пищу, неожиданно и негаданно появляется Жез-тырнак (нечистый дух, букв. «медные когти») в облике молодой женщины [104; 67, т. 1, с. 115]. Когда охотник пригласил ее поесть с ним вместе, он вдруг заметил, что Жез-тырнак принимает пищу спущенными рукавами, чтобы не показать свои медные когти. После ужина она также незаметно исчезла, как появилась.

Далее говорится о других похождениях одинокого охотника, наделенного умом и храбростью, в том числе и о том, как он избавился от Жез-тырнак. Сказка относится к эпохе, лежащей на грани палеолита и неолита. Это добронзовый век. Здесь нет еще места для скотоводства, говорится о непроходимых джунглях саксаула, на ствол которого может взобраться охотник, здесь еще нет богатых и бедных. Но к этому периоду уже относится появление сшитой одежды (у Жез-тырнак такая одежда с рукавами имеется), сложных орнаментов, великолепных рисунков охрой на стенах пещер, религии со сложными ритуалами.

В казахских сказках встречаются и другие мотивы, которые, хотя и вскользь, свидетельствуют о том, что сказки эти появились в глубокой древности.

Например, во многих из них часто упоминаются такие предметы, как алтын тарақ (золотая гребенка), күміс ер (серебряное седло), алтын кездік (золотой ножичек), алтын саут (золотая кольчуга) и т. д. Конечно, сказки сказками, но в них отражались предметы реального быта.

О золотых и серебряных предметах утвари говорится и в поэме «Сейфуль-Малик» [55, 1964, т. 3, 310 б]. Подтверждением всему этому являются многочисленные археологические находки, найденные в Западной Сибири, в Центральном Казахстане и других местах [159, с. 88].

Интересны такие свидетельства древнегреческих авторов. В частности, Страбон писал о саках-массагетах, что они «в битвах носят золотые пояса и такие же повязки, кони у них — златоуздые и в золотых наплечниках. Серебра у них вовсе нет, железа мало, а медь и золото — в изобилии» [69, 1947, № 4, с. 229; 254, XI, 29, 6].

В 1825 г. во время поездки по Баян-Аульским и Каратальским степям от Омска до Аягуза управляющий степью после принятия устава о сибирских казахах генерал Г. М. Броневский вел и археологические раскопки в горах Кент и около Каракалинка «Поиски мои, — пишет он, — в древних курганах около сего места вознаграждены отысканием золотых серег с бирюзой и рода женской гребенки из чистого золота (подчеркнуто мною. — Д. К.), очень хорошей работы. Поднято также несколько медных обломков от конской сбруи, оружия, много разбитых узорчатых горшков из обыкновенной глины, без рисунков и надписей» [65, с. 248—249].

Как полагают археологи, эти находки относятся, по крайней мере, к эпохе поздней бронзы и раннего железа, т. е. к концу II и началу I тыс. до н. э. Следовательно, и казахские сказки, отражавшие такой уклад жизни, относятся к этому примерно периоду.

В газете «Қазақ әдебиеті» от 15 апреля 1977 г. директор литературного музея им. Г. Гуляма Академии наук Узбекской ССР И. Бекмурадов сообщил, что у узбеков имеются несколько вариантов «Кыз-Жибек». Например, в Ферганской области до сих пор на различных сходках, вечеринках (жирчи) исполняют местный вариант героико-лирического эпоса «Кыз-Жибек».

Сказанное еще раз подтверждает тот факт, что распространение эпоса «Кыз-Жибек» среди тех племен, которые вошли в состав узбеков, произошло задолго до образования узбекской, казахской и других народностей, т. е. не позднее XV в.

То же самое можно сказать об эпосе «Алпамыс», ко-

торый имеет казахский, узбекский, каракалпакский и другие варианты.

А. Н. Бернштам считает, что эпос «Манас» имеет многовековую историю своего существования и что VIII-IX и в XVII—XIX веках он «интенсивно развивался, рос, обогащался» [164, с. 164—165]. О том, что сюжет «Алпамыс-батыра» возник в глубокой древности, свидетельствует наличие в поэме, особенно в некоторых ее редакциях, скажем, элементов алтайской мифологии (мстанкемпир — баба-яга, оборотни), брачных состязаний батыра с невестой и женихами-соперниками, бытовавших еще в период матриархата [137, с. 47].

Известный советский археолог М. П. Грязнов, по словам академика А. П. Окладникова, «лучший в мире знаток сибирской бронзы» писал: «Если еще недавно считалось, что древность героического эпоса народов нашей страны исчисляется лишь немногими веками... то за последние годы исследователи все чаще приходят к заключению о его более глубокой древности, о сложении его в период военно-демократического строя, что на наших территориях соответствует времени ранних кочевников, конкретнее — второй половине I тыс. до н. э.» [88, с. 31].

Авторы первого тома «Истории Сибири» время зарождения героического эпоса ранних кочевников отодвигают еще дальше в глубь веков [126, с. 232, 429 и др.].

Таким образом, героико-лирический эпос тюркоязычных народов зародился в глубокой древности, в эпоху их обитания в степях Центральной Азии во II—I тыс. до н. э. Как отмечает Н. К. Антонов, большое сходство эпических произведений этих народов свидетельствует об их общем источнике [37, с. 43]. Основные сюжеты героико-лирического эпоса перерабатывались и совершенствовались.

«Относительно некоторых форм искусства, например эпоса, — пишет К. Маркс, — даже признано, что они в своей классической форме, составляющей эпоху в мировой истории, никогда не могут быть созданы, как только началось художественное производство, как таковое; что, таким образом, в области самого искусства известные значительные формы его возможны только на низкой ступени развития искусств. Если это имеет место в пре-

делах искусства в отношениях между различными его видами, то тем менее поразительно, что это обстоятельство имеет место и в отношении всей области искусства ко всему общественному развитию» [7, с 736].

В лирико-героических поэмах «Кыз-Жибек», «Ер-Таргын» есть выражения «Айың тусын оңыңнан жұлдызың тусын солыңнан» (пусть луна взойдет справа от тебя, а звезда — слева) или же «Айың тусын оңыңнан жұлдызың тусын соңыңнан» (т. е. пусть луна выйдет удачно, счастливо, а звезда вслед за этим) Такими пожеланиями благословляли издревле жениха и невесту, напутствуя их в новый дом, провожая батыра в опасную, полную тревоги дорогу.

С Ш Гаджиева пишет «Свадьбу (той) устраивали чаще всего осенью или весной. Прежде чем назначить день свадьбы, ногайцы, как правило, обращались к своим астрологам, которые по расположению планеты Сафар Юлдыз («Звезда путешествия») (очевидно, это Меркурий, которого еще древние римляне считали покровителем путешественников, купцов, торговцев — *Примеч автора*) «определяли» наиболее благополучные дни для бракосочетания. Считалось, что свадебную поездку невесты нельзя совершать в сторону, где виднелась звезда Сафар Юлдыз, она должна была находиться позади или сбоку. Существовала также примета, что если звезда окажется впереди арбы невесты, направляющейся в аул жениха, счастья в семье не будет. В таких случаях свадьбу обычно откладывали до «благоприятного» расположения звезды, когда все препятствия были устранены и день свадьбы был назначен» [77, с 79—80].

Значит, «Айың тусын оңыңнан, жұлдызың тусын солыңнан» соответствует полностью тем обычаям, о которых сообщает С Ш Гаджиева. Можно сделать вывод, что «Кыз-Жибек», «Ер-Таргын», «Алпамыс» имеют доисламское происхождение. Но есть в этих повествованиях моменты, которые носят отпечаток даже родо-племенного строя.

Казахи полагали, что от расположения созвездия Льва (по-казахски — Камбар) по отношению к Луне зависит удача того или иного дела. Роковым считается их противостояние. Такая примета наблюдалась и у гуннов. Неслучайно у казахов существовало причитание: «Жол

несі Қамбар-ау, шөл несі Қамбар-у, қарағыма жар бол-ау» (Благословитель дорог и безводных пустынь. Камбар, покровительствууй моему любимому).

Сказки, героический эпос, все богатое, многоплановое художественное творчество народа — это его мудрость и выражение эстетического идеала, а если в них встречаются исторические факты, имена людей и т. д., относящиеся к более позднему периоду, скажем, к XIV—XVI и т. д. векам, то для фольклора хронология не имеет существенного значения. Это отмечено в свое время Н. А. Добролюбовым в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» [96, с. 9].

«Суть поэмы, — писал К. Маркс о «Слове о полку Игореве» в письме к Ф. Энгельсу, — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием собственно монгольских полчищ» [14, с. 16]. То же самое можно сказать о героическом эпосе казахов и других народов. Его сюжеты могли быть созданы в период апогея кочевого общества, а может быть, и раньше.

Всеобщая народная опасность порождала в народном творчестве былинных богатырей. Например, Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича вызвала к жизни борьба Древней Руси с кочевниками [290]. У кочевников тоже были свои богатыри, вызванные постоянной тревогой за скот, борьбой за кочевья и опасностью угона скота. Кочевые племена сменялись, а проблема оставалась.

В эпоху монгольского нашествия и после него, в период Золотой Орды, народ перерабатывал старые былинные мотивы и использовал их в борьбе против монгольских захватчиков и джунгар. Здесь прежние независимые, бесстрашные, могучие былинные батыры как нельзя лучше импонировали духовным запросам и чаяниям народа. Они были перенесены из области фантазии в реальную действительность. Это одна сторона вопроса, другая — имели ли былинные герои когда-то реальные свои прототипы?

Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге», ссылаясь на высказывания Наполеона, пишет, о том, что мамлюки, будучи лучшими воинами, в единоборстве всегда побеждали дисциплинированных, но малоискусных в верховой езде французских кавалеристов. Но те же мамлюки терпели

поражение от французов, когда велось организованное сражение [17, с. 131].

Вот эти мамлюки, кажется, имеют много общего с богатырями из казахского героического эпоса. Образ жизни мамлюков напоминает образ жизни батыров из героического эпоса. Они также прекрасные и умелые наездники, смело идут на врага и часто вступают в единоборство с ним.

Другим характерным моментом древности героических эпосов является, то, что они передавались в виде стихотворений, поэм. Например, киргизский героический эпос «Манас», уходящий своими корнями в седую древность, в устном изложении манасчи Саякбая Каралаева состоит из полумиллиона стихотворных строк. Вообще, только таким способом на протяжении двух с лишним тысячелетий можно было сохранить, передавая из поколения в поколение, отшлифованное, выдержанное временем, содержание этих поэм героико-лирического эпоса [44, с. 29—30].

К сожалению, из-за отсутствия письменности, нотной записи мы не знаем, какова была музыкальная культура кочевников-скотоводов в древнее время.

Известно, что существует связь между музыкальной конструкцией произведения и лингвистическим строением, синтаксисом, и фонетикой языка народов, т. е. на каком уровне развития находится грамматическая, фонетическая, лингвистическая культура населения, на таком же — музыкальная культура [190, 1975, № 3, с. 111]. Поэтому у кочевников, у которых было развито устное народное творчество, импровизация и поэтическое искусство, не могло не быть и соответствующей музыкальной культуры. Высокая абстрактная мысль, поэтическая форма не могла не находить соответствующего музыкального оформления. Музыка — история народа, зеркало его духовной жизни — не могла исчезнуть бесследно. Она должна была сохраниться в памяти народа как его песенная история. Музыка Курмангазы, Даулеткерей, Мухита, Таттимбета не могла появиться на пустом месте.

О том, что у кочевников далекого прошлого была своя развитая музыка, богатая жизненным содержанием, свидетельствует и музыкальное наследие знаменитого

Коркыта, сказания о котором относятся к VIII в. н. э., и сообщения Махмуда Кашгарского в труде «Диуани лугат ат-турк», который относится к XI в. [132, 6 т., 185 б].

Казахской музыкой интересовались великие русские музыканты, композиторы, использовавшие ее в своих бессмертных творениях.

Восхищаясь музыкальной культурой казахов, виртуозностью исполнения на домбре, В. И. Даль писал в 30-х гг. XIX столетия: «Венец празднику — песня. Акыны, бряцая на домбрах, славят лихих наездников и непобедимых силачей, слагают хвалы пиру; домбры звучат негромко и мягко. Две натянутые жилки-струны оживают под пальцами музыкантов, то стонут тихо и грустно, то лукаво посмеиваются, то заливаются быстрым и частым птичьим говором, то жарко и прерывисто дышат. Высокие голоса плывут по ветру над степью и растворяются в небе, как дым костра» [214, с. 219].

Сейчас на материалах казахского героического эпоса создаются национальные оперы. Хотелось бы, чтобы композиторы как можно полнее использовали богатое музыкальное, песенное наследие.

«Музыку создает народ, — писал М. И. Глинка, — а мы, композиторы, лишь оранжируем ее». По такому принципу созданы все выдающиеся произведения русских композиторов о Востоке. Так, Е. Брусиловский создал оперы «Кыз-Жибек», «Ер-Таргын». Как глубоко и трогательно воспринимаются эти оперы народом, как они близки и дороги ему, потому что здесь богато использованы песни, кюи народа, в которых отражена его душа, его вековые чаяния. Но исчерпалась ли этим казахская народная музыкальная культура? Конечно же, нет. А. В. Затаевич опубликовал в 1925 г. в Оренбурге 1000 песен казахского народа а затем в 1932 г. «500 казахских песен и кюев» [113, 114]. Всего им было записано 2300 песен казахского народа. Е. Брусиловский использовал лишь небольшую часть из них. Кроме того, нет сомнения в том, что даже 2300 песнями не исчерпывается вся богатая музыкальная культура народа, у которого длительная, многострадальная судьба. Уже сейчас различными фольклористами и музыковедами собрано более 10 тыс. песен и кюев казахского народа. Да и это не предел.

Дореволюционная музыка казахов, кюи — это в основном отражение тяжелой и безрадостной жизни людей, влачивших жалкое существование. Это рассказ языком домбры или кобыза о печальной судьбе одинокого, незащищенного человека, о его горьком разочаровании в жизни, это обида человека, который за свой честный мучительный труд не заслужил даже внимания, человека, забытого в громадном, безлюдном мире, брошенного в одиночестве, это плач девушки, проданной за калым нелюбимому человеку, это тоска по родной стране, которую люди покидают из-за жестокой необходимости. А иногда это и радости, надежды и чаяния кочевника-скотовода, получившие своеобразное отражение в полных философских раздумий и глубоких чувств кюях, особенно в кюях-шертпе. Они делятся на исторические, лирические, мифологические, философские и обладают потрясающей силой воздействия на душу человека. По мнению специалистов, казахские кюи по своему глубокому социально-общественному содержанию и музыкально-комедийному строению приближаются к симфонии [251, 1974, 7 декабря].

«Музыка, — писал аль-Фараби в «Трактате о музыке», — действительно обладает даром поглощать нас, рассеивать утомление, вызванное трудом. Она даже заставляет нас забывать о времени, проведенном за работой, помогает нам переносить, преодолевать усталость, которую влечет за собой эта работа» [155, 1973, июнь].

Так мог написать человек, который с раннего детства слушал музыку, тонко понимал ее. В Отраре, где аль-Фараби провел детство, жили не только ученые, поэты, мастера, торговцы, но и прекрасные музыканты.

Говоря о половцах, живших в степях Восточной Европы в X—XII вв., П. Голубовский пишет, что когда они пили кумыс, который действовал на них опьяняюще, то пели песни под «звуки их незамысловатых музыкальных инструментов» [83, с. 220—221]. Вильгельм Рубрук пишет: «Зимой они делают превосходный напиток из риса, проса, ячменя и меда, чистый, как вино, а вино привозится из отдаленных стран. Летом они заботятся только о кумысе (сomos). Кумыс стоит всегда внизу у дома перед входом в дверь, и возле него стоит гитарист со своей маленькой гитарой. наших гитар и рылей (viellas) я там

не видел, но я видел много других инструментов, которых у нас не имеется. И когда господин начинает пить, то один из слуг возглашает громким голосом: «Га!» и гитарист ударяет о гитару, а когда они устраивают большой праздник, то все хлопают в ладоши, а также пляшут под звуки гитары мужчины перед лицом господина, а женщины перед лицом госпожи» [210, с. 72]. «Гитара» кочевника — это домбра.

Приведенные факты говорят о любви кочевников к музыке, о большом ее значении в их безотрадной повседневной жизни. П. Голубовский пишет, что «тяжело иногда приходится половцам и тогда — песни имели ободряющее влияние» [83, с. 220—221].

Все сказанное дает основание полагать, что уровень развития музыкальной культуры в период апогея кочевого общества был относительно высоким, насыщенным глубоким и разнообразным содержанием.

Идеалом в области художественной культуры были красота, мужество, преданность своему народу.

Соответственно своим специфическим условиям кочевое общество породило неповторимых мастеров в области прикладного искусства, виртуозных исполнителей кюев на домбре, исполнителей песен, жирши (сказителей), композиторов и поэтов

Глава 7

УПАДОК КОЧЕВОГО ОБЩЕСТВА

Причина угасания кочевого скотоводства

Кочевое скотоводческое общество, на определенном историческом этапе достигнув вершины развития, стало постепенно изживать себя. И хотя на протяжении многих последующих веков оно продолжало существовать, с XIII в. н. э. начался его упадок.

Прежние крупные кочевые объединения распались на ряд племенных, этнических групп. Так, общество Дашт-и Кыпчак распалось на казахское и узбекское ханства. На месте прежних племенных и родовых объединений возникли новые социальные общности — народности. Это относится, например, к XV в. н. э.

К этому времени прежде оживленные города древнего Казахстана, существовавшие на границе между кочевым обществом и оседлым населением и возникшие на крупных торговых караванных путях, такие, как Сыгнак, Отрар, Сауран и др., потеряли свое бывшее экономическое и культурное значение.

Отдельные исследователи считают, что причиной всего этого является падение Византии и преобразование Константинополя в Стамбул, а также изгнание из Сирии крестоносцев в результате монгольского нашествия [47, с. 62].

На наш взгляд, угасание кочевого общества Средней Азии связано с экономическими факторами, потерей Средней Азией роли связующего звена между Западом и Востоком, с нашествием Чингисхана, с разрушением среднеазиатской цивилизации и древнего караванного

пути. Нашествие Чингисхана явилось трагедией для многих народов Азии и Восточной Европы, в том числе для народов Средней Азии, Прикаспийских и Причерноморских степей. Об этом убедительно свидетельствуют многие исторические документы и описания арабских, персидских, русских и других путешественников, являвшихся очевидцами этих трагических событий.

В Мавераннахре, в «самой просвещенной и богатой стране древнего Востока... теперь господствует невежество и бедность более, чем где-нибудь.

Библиотеки Самарканда, Ташкента, Ферганы (в Кокандском ханстве), Хивы, Бухары и пр., обсерватория в Самарканде безвозвратно погибли под беспощадной рукой татарского вандализма и бухарской инквизиции, которая предала проклятию всякое знание, кроме религиозного. Даже монументальные памятники прошедшей культуры подвергались гонению мулл, как подражание нимродовскому столпотворению, как греховная борьба человека с творчеством аллаха...» [67., т. 1, 393].

Как писал Ф. Энгельс, «каждый раз, когда завоевателем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил» [16, с. 188].

Культура монголов в период Чингисхана была ниже, чем у народов Средней Азии и Западной Сибири. Конечно, между этими кочевыми обществами было много общего. Кочевая жизнь там и тут мешала строить школы, культурные объекты. Там и тут существовали межродовая борьба и племенные распри. Однако между ними имелись и существенные различия. Прежде всего, кочевники Западной Сибири, Средней Азии находились в более тесных экономических и культурных связях с оседлыми народами Средней Азии, чем монголы. Во-вторых, кочевники Западной Сибири и территорий, прилегавших к северной Сырдарье, говорили с оседлыми народами Средней Азии на одном и том же языке, свободно изъяснялись между собой, понимали друг друга, монголы же не имели такой возможности. Это обстоятельство значительно задерживало развитие культуры у монголов. В-третьих, кочевни-

ки древнего Казахстана, Средней Азии обитали на перекрестках многочисленных межконтинентальных торговых путей, связующих Восток с Западом и Юг с Севером. Здесь располагалось много городов, культурных центров, которые оказали непосредственное влияние на развитие культуры кочевников. Монголы до начала их нашествия на Среднюю Азию стояли в стороне от торговых путей, не имели тех предпосылок, которые необходимы для культурного развития. Первыми представителями культуры при дворе Чингисхана до 1203 г. были мусульманские купцы из Средней Азии [48, с. 452]. Не случайно Чингисхан после разгрома государств найманов и керейтов и до вторжения в Среднюю Азию решил заимствовать их культурные достижения. Так, письменное делопроизводство Чингисхан заимствовал у найманов [48, с. 452]. Печати Чингисхана известны под тюркскими названиями «ал тамга» (алая печать) и «кок гамга» (синяя печать) [48, с. 453]. Первыми учителями монголов и первыми их чиновниками были уйгуры, у которых они заимствовали алфавит [48, с. 453]. Длительные захватнические войны мешали не только развитию культуры монголов, но и их физическому росту.

Войска Чингисхана, куда бы они ни вступили, приносили с собой лишь разрушение городов и культурных центров, разорение хозяйств, полей и посевов, гибель людей, страдание, голод, нищету. Библиотеки, мечети, медресе, все памятники материальной культуры были сожжены и уничтожены, сады и оазисы превращены в пустыню. Устраивали облавы и массовую резню мужчин, женщин и детей или же угоняли их в рабство. Это была огромная историческая трагедия.

Говоря о тяжелых последствиях монгольского нашествия в подавлении народного духа, К. Маркс писал, что оно «не только давило, оно оскорбляло и иссушало душу народа, ставшего его жертвой. Татары установили режим систематического террора, разорения, и массовые убийства стали обычным явлением» [4, с. 78]. Эти вандалы обращали людей в скот, а плодородные земли и многолюдные населенные пункты в пастбища [5, с. 220, 225].

Знаменитый город Самарканд был так разру-

шен, что от миллиона его жителей осталось только 50 тыс. [93, с. 316].

Ни Бухара, ни Отрар, не избавились от следов жестоких разрушений. К. Маркс писал: «Искусство, богатые библиотеки, превосходное сельское хозяйство, дворцы и мечети — все летит к черту» [5, с. 221].

В истории было немало фактов, когда в результате нашествия неприятеля тот или иной город разрушался до основания, но он снова оживал и восстанавливался. Например, ровно за тысячу лет до монгольского нашествия в тех местах, где стояли войска Чингисхана, прошли гунны, сметая на своем пути все очаги культуры, но спустя некоторое время кочевники и оседлое население Средней Азии ожили и достигли определенного уровня развития. Однако после татаро-монгольского нашествия такого возврата к прошлому уже не было. Разрушенные экономика и культура больше не восстановились.

Причиной этого является, как уже сказано, изменение торгового значения Средней Азии, открытие новых морских путей с Западом через Атлантический и Индийский океаны, а значительно раньше этого — через Средиземное и Красное моря к странам Востока: Индии, Китаю. Захват монголами Средней Азии, Дашт-и Кыпчака, привел к тому, что длинный и трудный, не всегда безопасный и крайне дорогой караванный путь стал изживать себя и гаснуть. Нашествие монголо-татар, неограниченный контроль над этими торговыми путями с их стороны, разграбление караванов вынудили западные страны искать новые торговые пути к Востоку, и они были найдены. Города, стоявшие на развилке прежних трансконтинентальных торговых путей, потеряли свой источник питания. В них стало уменьшаться количество населения, начали уезжать из них мастера, ученые, поэты, мыслители, просто горожане. Они постепенно опустели.

Кочевое общество все больше стало замыкаться в узком кругу своих интересов, ведя экстенсивное хозяйство. Средняя Азия не стала больше поставлять в Китай и другие страны лучшие породы своих коней, а купцам — верблюдов для транспортировки груза и погонщиков к ним. В свою очередь, она лишилась шелка Востока, драгоценных камней и ряда других нужных товаров.

Кочевое общество потеряло естественную связь, эко-

номический и культурный контакт со всеми другими странами. В условиях кочевого общества, где и без того крайне медленно развиваются производительные силы, произошла консервация всей общественной жизни, резко обозначилось отставание от развивающихся земледельческих стран. Это явилось другой причиной того, что кочевое скотоводческое общество исторически изжило себя.

Упадок кочевого общества А. П. Чулошников объясняет таким образом: со второй «половины XV в. стала быстро меняться та выгодная международная обстановка, в которой пребывал наш край (имеются в виду земли кочевых тюрок. — Д. К.) в течение многих веков», особенно «когда через него проходили главные пути мировой торговли христианского Запада с мусульманским Востоком» и еще более отдаленными странами — Китаем и Индией [291, с. 162].

Монгольское нашествие оказало свое отрицательное влияние не только на Среднюю Азию, но и на Русь, что обусловило ее отставание от ряда западноевропейских стран, развивавшихся в более благоприятных условиях [257, с. 200].

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали: «Достаточно простых случайностей, вроде вторжений, варварских наводов или даже обыкновенных войн, чтобы довести какую-нибудь страну с развитыми производительными силами и потребностями до необходимости начинать все сначала» [1, с. 54].

Кыпчаки даже до разгрома их монголами Чингисхана были рассеяны на огромной части Европы и Азии и политически раздроблены. У них не было даже единого хана. Например, восточно-европейские кыпчаки, как уже отмечено, кочевали несколькими ордами. Некоторая часть их кочевала на Северном Кавказе, в соседстве с аланами. Именно их жестоко разбили монголы. Другая часть кочевала на Дону. После разгрома монголами их на Калке уцелевшая часть откочевала за Днепр, где третья часть половцев кочевала между Днепром и Днестром. По мере приближения монголов они откочевывали за Дунай.

Вильгельм Рубрук, проезжавший по половецкой степи летом 1258 г., пишет, что на бескрайнем пространстве он

не видел «никакого селения и даже следа какого-нибудь строения, где бы было селение, кроме огромного количества могил команов» [210, с. 82]. А между тем чуть раньше до этого Плано Карпини следующим образом охарактеризовал хозяйство кочевников кыпчакской степи: «Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество какого, по нашему мнению, нет и в целом мире» [210, с. 7].

Некоторая часть половцев перекочевала за Кавказ и дальше на юг. Из источников известно, что у грузинского царя Давида в наемных войсках служили 40 тыс. кыпчаков, участвовавших в его многочисленных военных кампаниях [210, с. 190].

Наконец, та часть кыпчаков (половцев), которая кочевала между Яиком и Едилем (Волгой), после поражения смешалась с татаро-монголами, ассимилировав последних [98, с. 76].

История со всей очевидностью свидетельствует, что в войны, в развязывании которых были заинтересованы господствующие классы, были в разные эпохи втянуты разные народы. Но это, конечно, не дает основания делить народы, в том числе и кочевые, на агрессивные и неагрессивные, как это делают иногда наши исследователи, особенно когда речь идет о кочевниках. Кочевники-скотоводы, как отмечалось выше, занимаясь своим хозяйством, сами страдали от завоевательных войн.

Только Куликовская битва в 1380 г. положила конец этому владычеству монголов, а еще через 100 лет, т. е. в 1480 г., Русь окончательно сбросила с себя Золотоордынское ярмо [257, с. 200].

Россия не входила в состав Золотой Орды, но она находилась в вассальной зависимости от нее, уплачивая ей ежегодную дань. Однако хозяйственная жизнь русских городов, подвергавшихся разрушительному действию со стороны монголов, была серьезно подорвана. Особенно это сказалось на ремесленном деле, основанном на ручном труде и совершенствовавшемся на личном опыте мастеров. Многие секреты ремесленного искусства так и исчезли в результате монгольского нашествия, такие, на-

пример, как изготовление перегородчатой эмали, черни, зерни, полихронной строительной керамики и др.

Запустело сельское хозяйство. На длительное время прерывается торговля с Прикаспием и Средней Азией. Однако, в отличие от Средней Азии, Россия нашла выход к Западу. Во второй половине XIII в. возрастает значение внешнеторгового пути через Балтийское и Черное моря, по землям Польши, через Вислу — Западный Буг — Днестр. На новых торговых путях появились и новые города — Устюг Великий, Вологда, Кострома, Москва, Тверь, Нижний Новгород и др. [98, с. 84].

Средняя Азия не имела такого выхода. Она оказалась оторванной от стран Запада и Востока, т. е. от всего цивилизованного мира.

Не только кочевники-скотоводы, но и земледельцы хозяйствовали с помощью примитивных орудий труда. Н. Каразин, побывавший в 1874 г. в Средней Азии писал: «Жгучее палящее солнце, бездождное девятимесячное лето, соседство мертвых песчаных пустынь — все эти страшные враги обрушились на голову земледельца; против них он противопоставляет только свои чигири с водою — не хватило рук на день работы — значительная потеря; не хватило рук на большее время — и солнце неумолимо выжигает все посеянное. Где вода — там жизнь, где ее нет — смерть. И жизнь, и смерть граничат слишком близко одна с другой, чтобы хлебопашец мог ослабить своё внимание в этой непрерывной борьбе» [136, с. 198—199].

Говоря об уровне развития орудий труда, Н. Каразин писал: «Ни одного плуга, никакого приспособления, все одна и та же кропотливая ручная работа — киркою и кетменем — работа на крохотных квадратных участках, тщательно размеренных, разбросанных чуть ли не по вершкам...» [136, с. 220].

Характеристику этой отсталости края к началу Великой Октябрьской социалистической революции дал В. И. Ленин: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на

всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость» [24, с. 228].

Говоря о значении торговли и других факторов в развитии производительных сил, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Как мало были гарантированы от полной гибели развитые производительные силы, даже при сравнительно обширной торговле, показывает пример финикийян (на полях К. Маркс сделал пометку «и производство стекла в средние века». — Д. К.), большинство изобретений которых было утрачено надолго в результате вытеснения этой нации из торговли, завоевания Александром и последовавшего отсюда упадка» [1, с. 54].

В самом кочевом обществе следствием всего этого являются вековое господство натурального хозяйства, которое заглушило внутренний рынок, законсервировало примитивный образ жизни, экстенсивное скотоводство. Народ был обречен на вековую отсталость, забитость.

Думая о безотрадной судьбе кочевников-казахов, с тревогой и болью писал в 30-х гг. XIX столетия знаменитый русский ученый В. И. Даль: «Может быть, другой Суворов, Кир, Кант, Гумбольдт сгинули и пропали здесь, сколько скованный дух ни порывался на простор» [220, с. 302]. Здесь говорят, продолжал он, «дурной скажет, что ел и пил, а хороший скажет, что увидел». «Сколько великих ученых, полководцев, поэтов скрыто до поры в этих людях, то отчаянно-стремительных, то задумчиво-неподвижных? И когда придет их пора? Кто расскажет о них, об их степных дорогах, о дымных аулах и о девушке Маулен, с голосом птицы и птичьими перышками на шапке?...» [214, с. 220].

В кочевых аулах свирепствовали различные эпидемии, болезни, уносившие ежегодно сотни и тысячи жителей. В аулах орудовали знахари, бахсы-шаманы. Медицинское обслуживание отсутствовало. В дореволюционном Казахстане было обычным явлением, когда люди целым аулом страдали какой-нибудь инфекционной болезнью. Стационарных школ не было. В кочевых аулах время от времени приезжие муллы из городских мест принимались обучать детей из состоятельных семей грамоте. Но обучение это не увенчалось успехом, ибо сводилось оно к заучиванию текстов корана или других религиозных книг, написанных на арабском языке

ке, непонятном и недоступном для коренного населения. В результате население оставалось неграмотным.

Экстенсивное скотоводческое хозяйство кочевников периодически страдало от жестокой засухи, когда под палящим солнцем выгорала почти вся степь, или от страшной гололедицы, когда животные через толстый слой ледяного панциря не могли добывать себе корм. В результате животные гибли массами, а вслед за ними — и люди, жизнь которых базировалась только на скотоводстве.

Кочевая, оторванная от мировой цивилизации жизнь, антисанитарные условия, безграмотность, господство шаманских методов «лечения», междоусобная борьба — все это тормозило социальный прогресс людей. В результате кочевое население влачило жалкое существование, подвергалось постепенному вымиранию. Земля казахов служила объектом ожесточенной борьбы между различными силами. Лишь добровольное вхождение казахов в состав Российского государства положило конец междоусобице и спасло их от иноземного порабощения.

Известно, что захватнические войны несправедливы во всех отношениях. От монгольского нашествия страдали не только народы завоеванных стран, но и сами монголы. Оно привело к разобщению монгольской народности и истощению ее людских ресурсов. Не росло, например, общее количество монгольского населения.

Так, по некоторым данным, при жизни Чингисхана численность всех монголов составляла более миллиона. После завоевательной войны численность их значительно сократилась, что обусловило длительный экономический, политический и культурный упадок в последующие века [222, 1975, 10 января]. В частности, завоевательные походы Чингисхана не улучшили, а наоборот, ухудшили материальное положение рядовых монголов. Массе аратов завоевательные войны Чингисхана не приносили никаких выгод, одни лишения. Араты, доведенные до отчаяния в результате этих страданий, продавали своих детей в рабство. Многие монгольские воины пали на полях сражений и не вернулись на Родину, к своим семьям.

Нашествие Чингисхана стало началом конца расцвета кочевого скотоводства, оно стало угасать

Неизбежность перехода от кочевого образа жизни к оседлому

У африканских кочевых скотоводческих народов есть поговорка «Кроме семи кругов ада существует еще восьмой — кочевая жизнь, и этот круг стоит всех остальных» Поговорка, можно сказать, точно отражает суровую жизнь кочевых скотоводов

Кочевая жизнь требует наличия определенного количества скота Когда кочевники беднели, теряли почему-либо свой скот, они переходили к оседлому образу жизни Их называли джатаками (буквально — лежащими)

Значительная часть кочевников Средней Азии, Северного Кавказа, Поволжья, Крыма и др в разные периоды своей истории перешла к оседлому образу жизни и смешалась с местным населением Например, среди узбеков и каракалпаков встречаются роды Конрат, Кыпчак, Канлы и др, которые составляли раньше подразделения крупных кочевых племен.

Развитие городов, промышленных предприятий, колониальная политика империализма, захват колонизаторами лучших земель, как правило, приводили к вытеснению людей с лучших пастбищных угодий Это обстоятельство по новому ставит вопрос о судьбах кочевого общества и настоятельно требует его решения

В современных условиях, если рассмотреть данную проблему в мировом масштабе, нетрудно заметить, что в некоторых регионах земного шара, скажем в странах Африки, сохранилось кочевое скотоводство, но оно вытеснено в самые бесплодные и исторически бесперспективные районы

Например, в Мали 400 тыс кочевников-скотоводов ведут свои хозяйства в зоне Сахеля, где сосредоточено 5 млн голов крупного рогатого скота, 1 млн одногорбых верблюдов, 30 млн овец 40 процентов населения Судана, 70 процентов населения Сомали ведут кочевое скотоводческое хозяйство В Алжире полмиллиона, в Афганистане — около двух миллионов людей все еще ведут кочевое скотоводство

Представители царской администрации по-разному относились к судьбам кочевников-скотоводов Одни говорили, что кочевое скотоводство не помешает развитию колонизаторской политики царизма, что, дескать, можно

их вытеснить с лучших земель и пастбищных угодий, другие, наоборот, выступали против сохранения кочевого скотоводческого хозяйства и требовали немедленного перевода их на оседлый образ жизни, в чем видели надежный способ усмирения воинственного духа кочевий. На такой точке зрения стоял, например, ориенталист В. В. Григорьев и др.

В 1852 г. командующий Сибирским корпусом генерал-лейтенант Густав Гасфорт в своем донесении на имя военного министра Долгорукова писал, имея в виду кочевников-казахов: «Понуждать их к оседлому гражданскому быту, не соответствующему их нуждам и потребностям и не свойственному их коренным законам, обычаям и преданиям, столь же было бы вредно, как и вселить в них воинственный дух. В таком только быту они могут быть нам полезными и невредными. Быт этот искони веков им нравится, они считают его лучшим в мире, полагают в нем свое счастье и не желают лучшего. По моему мнению, лишать их этого счастья привитием новых идей и нужд было бы столько же несправедливо, сколь и невыгодно для нас» [226, с. 20].

А вот «Земледельческий журнал», издаваемый императорским московским обществом сельского хозяйства, ратуя за оседлость и хлебопашество среди казахов Кокбухтинского округа, в 1832 году публиковал сообщение действительного члена общества генерал-майора Броневского Г. М., который писал о пользе, «какая может быть если киргизы сделаются земледельцами и станут водворяться в прочных жилищах».

Далее подчеркивалось: «Да сохранятся в потомстве имена первых основателей... оседлого земледельческого состояния между кочующими киргизцами. Это благодетели своего племени, которому они готовят... мирные наслаждения и преимущества гражданской жизни и образованности» [115, с. 628].

Как видно, генерал Гасфорт и генерал Броневский в вопросе о судьбе кочевников-скотоводов придерживались совершенно разных точек зрения.

Объективный процесс развития производительных сил в результате добровольного присоединения Казахстана к России шел своим путем.

В Казахстан стали завозиться промышленные това-

ры, здесь стали возникать ярмарки, сыгравшие важную роль в оживлении экономики и культуры края.

В своем секретном докладе за 1908 г. генерал-губернатор Шмидт писал: «Естественные богатства Степного края являют разительную противоположность бедности его обитателей. Прекрасные хлебородные поля — и жалкое хозяйство земледельца, роскошные пастбища — и убогий скот киргиза-кочевника, неисчислимые богатства, сокрытые в недрах земли — и весьма слабое развитие фабричной и горной промышленности» [231, 1936, № 4, с. 70].

Не случайно, что это обстоятельство вызывает у людей тревогу за судьбу кочевого общества, а передовые умы стали мечтать о лучшей форме организации хозяйства.

Например, в Казахстане накануне Октябрьской революции развернулась дискуссия по аграрно-экономическим проблемам, в том числе по вопросам относительно возможностей перехода от кочевого образа жизни к оседлому. В частности, такая дискуссия разгорелась между реакционно-консервативной газетой «Казах», авторы которой отстаивали старые, экстенсивно-скотоводческие формы ведения хозяйства, основанные на кочевании, и прогрессивным журналом «Айкап», на страницах которого выступали М. Сералин, С. Торайгыров, С. Кубеев, ратуя за интенсивное ведение хозяйства, за переход от кочевого образа жизни к оседлому [56, с. 250—277].

Некоторые авторы допускают научную неточность в выражениях, например, названия некоторых книг звучат так: «От кочевья к социализму» [293]. Давать такое название — это все равно что сказать: «От земледелия к социализму» или «От рыболовства к социализму». Кочевание — форма хозяйствования, способ существования, а не социально-экономическое явление, оно укладывается в разные формации. Оно существовало и в первые годы Советской власти, до коллективизации, а в МНР — до 1940 г., т. е. до завершения революционно-демократических преобразований.

Другое дело, кочевое скотоводство, скажем, может соответствовать или, наоборот, не соответствовать интересам общественного прогресса. Когда оно становится

тормозом на пути прогресса, от него постепенно отказываются.

Буржуазные националисты выступали против оседания, ратуя за старую форму хозяйствования, и мотивировали это тем, что казахам невыгодно заниматься земледелием, они, мол, от этого скорее обеднеют [188, с. 22—29].

Несостоятельность этой точки зрения очевидна.

В условиях социализма интересы общественного прогресса настоятельно стали требовать перехода от экстенсивного, ставящего жизнь людей в зависимость от случайных капризов погоды скотоводческого хозяйства к интенсивному. Последнее обеспечивается переходом от кочевого образа жизни к оседлому на основе механизации и электрификации животноводческого хозяйства, строительства кошар, заготовки сена и т. д. Как показал исторический опыт нашей страны и других социалистических стран, это возможно в условиях социалистической организации производства, научно-технического прогресса.

Кочевое экстенсивное скотоводческое хозяйство во всех отношениях изжило себя, о чем свидетельствует трагическая судьба многих кочевых народов, в том числе и современных туарегов и др., живущих в районах Северной Сахары [245].

Например, по статистическим данным, в 1969 г. в шести странах региона начиная с берегов Атлантического океана до оз. Чад в общем поголовье скота (овец, коз, крупного рогатого скота, лошадей, верблюдов) насчитывалось 50—64 млн. голов. За годы засухи потери составили 30—42 млн. голов. Многие кочевые племена почти полностью лишились средств к существованию. Особенно пострадал крупный рогатый скот. В Нигерии, например, потери коров составили 80—100%.

В районах Северной Африки катастрофическая засуха периодически повторялась, а именно в 1681—1687 гг., 1771—1775, 1829—1834, 1907—1913, 1937—1944, наконец, в 1970—1974 гг. [195, с. 30]. Подобные явления делают скотоводство зависимым от капризов природы. Поэтому кочевое скотоводство, возникшее из-за необходимости выжить в условиях сурового климата, со временем, когда человечество стало преодолевать зависимость от слепых

сил природы, когда возникли новые прогрессивные формы животноводства, стало изживать себя. Сама жизнь диктует необходимость перехода к новым интенсивным формам хозяйствования.

Стали появляться в этой связи разные программы. Одна из них — создание трансафриканского пояса зеленых насаждений шириной 20—30 и длиной около 5000 км. Это значит, что в условиях Сахары надо озеленить огромную полосу общей площадью 115 тыс. квадратных километров. Некоторые специалисты скептически относятся к реальности этой программы, считая ее фантастической. Есть вариант создания обширных зон выпаса скота в Сахаре с использованием артезианских колодцев с хорошим дебитом воды. По мнению авторов, строительство артезианских колодцев сократит дальность кочевания и повысит продуктивность скота. Другие предлагают создать кооперативы и товарищеские группы по производству и сбыту продуктов животноводства.

Итак, переход кочевников к интенсивным формам хозяйствования, к созданию кооперативов всерьез обсуждается в кругах ученых, занимающихся проблемами кочевничества.

Проблема перехода кочевого скотоводства к оседлости невозможна без крупных материальных и финансовых затрат, а это, в свою очередь, невозможно в условиях частной собственности на средства производства, в обществе, разделенном на антагонистические классы.

Кочевая жизнь была связана с постоянными лишениями, трудностями кочевников и тревогами за свою жизнь, за содержание скота. Так в голодные 68—67 годы до н. э. численность гуннов сократилась в 10 раз [37, с. 4, 49]. В 105 г. до н. э. силы гуннов вновь подкосила многоснежная зима, вызвавшая падеж скота [37, с. 4, 49].

Английский посол Антони Дженкинсон, совершивший поездку в Среднюю Азию в 1558—1560 гг., в частности, писал о тех фактах, очевидцем которых он был в 1558 г. на пути следования в Астрахань. Он писал, что жители Волги придерживаются магометанской религии, называют их мангыт, или ногайцы. Далее он сообщил, что в этом году «от междоусобицы, голода, чумы и всяких поморов» погибло свыше 100 000 человек из этого рода. «Такого помора никогда не видели в этих странах; земли

ногайцев изобиловали пастбищами, теперь же они пусты...» [94, с. 169].

В такие годы, которые часто повторялись в условиях кочевой жизни, рядовым людям временами досыта наесться было счастьем. Не случайно у казахов есть поговорка: «Жарлының бір тойғаны — шала байығаны» (Бедняку раз насытиться — все равно, что частично обогатиться).

У казахов всякие празднества (свадьба, рождение ребенка и т. д.) называлось одним словом «той». Этимология этого слова — «насытаться». Видимо когда-то на таких тоях приглашенные наслаждались даровым угощением. Не от хорошей жизни все это возникло.

Кочевая жизнь обрекала людей на вымирание. Скифы, саки, массагеты, сарматы, гунны, хазары, авары, печенеги, торки, половцы — это неполный перечень кочевников-скотоводов, живших на территории нашей страны, которые считаются сейчас исчезнувшими народами [206; 207; 209; 279; 295; 298].

Жены кочевников-скотоводов, как правило, рожали по 10—12 детей, однако выживали из них не более одного-двух.

Советская власть спасла все ранее угнетенные народы национальных окраин России, в том числе и кочевников-скотоводов, от вымирания и гибели, возродила их и вывела на путь широкого социального прогресса. Только за 20 лет — с 1959 по 1979 г. — прирост казахов в республике составил 81 процент.

Такими же темпами развивались киргизы, узбеки, туркмены, таджики и др.

Причиной ускоренного роста их численности являются социалистический строй, улучшение материальных и бытовых условий жизни людей, медицинское обслуживание.

Вопреки этому буржуазные идеологи переход к оседлости пытаются представить волевым актом Советской власти, не вытекающим якобы из интересов кочевников. «В степи, где продолжался номадизм, — пишет, в частности, Элен Карэр Д'Анкос, — в 1928 г. происходила кампания по принуждению к оседлости. Она сопровождалась исключительным насилием» [309, S 251].

Другие пытаются представить это мероприятие как якобы не отвечающее интересам общественного прогресса.

са «В условиях казахской степи — пишет Вайолет Конолли, — было экономически бессмысленно пытаться заменить традиционные методы животноводства оседлым сельским хозяйством» [308, р. 89].

Известно, насколько эти утверждения фальсификаторов далеки от истины. Между тем высказывания буржуазных идеологов не новы, они лишь повторяют жалкие теоретические, с которыми буржуазные националисты и великодержавные шовинисты выступали в первые годы Советской власти против земельной реформы, оседания кочевников-скотоводов и ряда других классовых социально-экономических преобразований.

Так, идя навстречу местным националистам, защищавшим интересы байства и кулачества, они писали, что «кочевое хозяйство и кочевой быт создаются самой природой, некоторыми своеобразными ее чертами, свойственными сухим, безводным и маловодным степям», и далее утверждали, что если бы казахи переселились вести кочевое хозяйство, то это не только привело бы к полному упадку экономики аула, но и к превращению «сухих степей в безлюдные пустыни» [294, с. 104—105].

Инженер Г. Ф. Прокопович в статье «Принципы планового хозяйства в условиях Казахстана» в 1928 г. утверждал, что «идея электрификации, весьма плодотворная, быть может, в условиях сравнительно развитой экономической жизни РСФСР», неприемлема для Казахстана в силу огромных расстояний и господства почти чистых натуральных форм хозяйства на значительной территории республики [249, 1932, № 9—10, с. 42].

Буржуазные националисты и великодержавные шовинисты запугивали население также тем, что «если они оседут, то лишатся скота, скот у них заберут» [230, 1932, № 5, с. 61]. Стремление партийной организации республики к проведению оседания националисты квалифицировали как проявление колонизаторской политики, «как намерение выявить излишки земли для того, чтобы передать их новым русским переселенцам» [188, с. 24]. Они доказывали в 1912 г. «нецелесообразность для казахов земледелия и оседлого образа жизни» [188, с. 23].

До оседания кочевников скотоводство велось веками экстенсивно. Часто повгорявшиеся джугты из-за сухого лета, когда выгорала степная трава, или из-за

гололедицы зимой, когда из-под толстого панциря льда скот не мог добывать подножный корм, приводили к массовой гибели скота. В результате общее поголовье скота держалось почти на одном уровне. Переход к оседлому образу жизни, механизация сельскохозяйственного труда, зоотехническая и ветеринарная помощь способствовали неуклонному росту поголовья скота. Не случайно в Казахстане ставится сейчас задача достижения небывалой цифры — 50 млн. голов овец. Растет поголовье и других видов скота. Это в условиях развития городов, промышленных комплексов, освоения миллионов гектаров целины.

Казахстан сейчас крупная аграрно-промышленная республика. Он не только крупная животноводческая база, но и крупная житница на Востоке страны. До освоения целины Казахстан давал стране ежегодно не более 70—80 млн. пудов хлеба и лишь в лучшие годы — по 100 млн. А после освоения целины стал устойчиво давать стране по миллиарду пудов хлеба ежегодно. Так, в 1979 г. колхозы и совхозы республики собрали свыше 34 млн. тонн зерна и продали государству свыше 20 млн. тонн хлеба.

Защитники кочевого образа жизни, патриархального быта проповедовали: «Кочевое хозяйство — высшее достижение экономики, которое нужно поощрять, развивать», мол, «кочевой быт и культура не находятся между собой в противоречии», им даже казалось, что «кочевое хозяйство не исключает высокую культуру» (188, с. 32).

Между тем ясно, в каком состоянии находился экономический и культурный уровень населения кочевников-скотоводов. Школы, медицинские учреждения, радио, телефон, очаги культуры, служба быта стали доступны трудящимся казахам лишь при оседлом образе жизни. Кочевые народы мира, осознавая необходимость следовать прогрессу, рано или поздно должны перейти и переходят, как правило, к оседлому образу жизни.

Такова закономерность общественного развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что кочевое скотоводческое общество основано на своеобразной форме хозяйствования, возникшей исторически, на определенной ступени общественного развития, в определенных регионах земного шара, соответственно конкретным условиям жизни, места и времени.

Установлено, что районами появления кочевого скотоводческого хозяйства являются степные просторы Центральной Азии.

Эти районы отличаются редкой растительностью, отсутствием в то время условий для ведения земледельческого хозяйства.

В этих регионах наилучшей формой хозяйства, приспособленной к окружающим географическим условиям, явилось тогда кочевое скотоводство. Размножение скота привело к необходимости освоения под пастбища новых районов кочевания, к «великому переселению» народов из Центральной Азии далеко к Северу, на Восток и на Запад вплоть до Карпатских гор и до Дуная.

Кочевое скотоводческое общество, как уже сказано, — явление противоречивое. С одной стороны — это форма хозяйствования, в основе которого лежит содержание и размножение скота. Как и всякое хозяйство, оно преследует глубоко мирные цели. С другой — кочевое скотоводство имеет свою специфику, связанную с постоянным передвижением в поисках лучших пастбищ, водопоев и т. д.

Стремление кочевников к овладению возможно большими земельными угодьями, пастбищами, естественно, приходило в противоречие с интересами оседлых людей «Единственной преградой,— писал К. Маркс,— на которую данная община может натолкнуться в своем отношении к природным условиям производства — к земле — как к своим собственным, является другая община, которая уже располагает этими условиями как своим неорганическим телом» [15, с. 480]

На этой основе часто возникали столкновения между оседлыми и кочевыми народами. Кроме того, кочевых людей использовали и отдельные завоеватели, ханы в целях захвата чужих земель, богатств. Но военные походы, нашествия в целях обогащения не вытекают из способа ведения кочевого скотоводства, хотя длительная засуха, бескормица порождают гибель скота и массовые переселения кочевников в другие районы.

Позднее кочевники стали закреплять за собой районы кочевания. Они устанавливали строгие режимы и направления своего кочевания. Обычно они направлялись к лету на север, а к зиме на юг, имели свои пашни, колодцы, зимовки.

Кочевое скотоводческое общество появилось давно, между II и I тыс. до н. э. уже было достаточно развитым, а в VI—XII вв. н. э. достигло своего высшего пика и окончательно изжило себя к началу XX в. Кочевое общество — пройденный этап в человеческой истории, но это вовсе не означает, что оно полностью исчезло.

В Африке (Сахара) и кое где в Азии оно еще сохранилось. Еще миллионы людей базируют свое хозяйство на экстенсивном скотоводстве, хотя кочевое скотоводство не отвечает задачам дня. Наряду с деревянной сохой оно как архаическая форма хозяйствования безвозвратно ушло в прошлое. Прогресс не только в переходе к оседлому образу жизни, но и в применении в сельском хозяйстве достижений науки и техники.

Кочевое скотоводческое общество из-за медленного развития производительных сил отставало от уровня развития оседлого хозяйства и не прошло стадии капитализма, хотя и было вовлечено в сферу товарно-денежных отношений.

Кочевое скотоводческое общество некоторое время

сохранялось и в условиях социализма, и естественно, что на определенном этапе его развития патриархально-феодалные пережитки еще дают о себе знать

Именно поэтому проблема кочевого быта представляет собой объект острейшей идеологической борьбы на международной арене. По некоторым публикациям, как отмечает акад. П. Н. Федосеев, складывается впечатление, что в истории наших народов не было более счастливого периода, чем какие-то этапы развития дореволюционного прошлого, скажем, для истории казахского народа — кочевая старина [275, с. 63]. Критика совершенно справедливая. Современные буржуазные идеологи готовы представить историю кочевого скотоводческого общества как какой-то «золотой век», когда, дескать, приходил расцвет национального духа и культуры народа, потом якобы навсегда утраченный. Между тем ясно, что если в период домонгольского нашествия развитие кочевого общества достигло своего апогея, то это не было связано ни с природой кочевого быта, ни с психическим складом характера кочевника, а с историческими условиями того периода — с одной стороны с взаимодействием кочевых и оседлых людей, а с другой — с превращением Средней Азии и Ирана в узловой пункт мировой торговли, что способствовало развитию экономики и культуры их народов. Мы говорим об апогее, имея в виду относительность этого термина, указывающего на определенный уровень прогресса, достигнутый в раннем средневековье по сравнению с изначальным состоянием патриархального хозяйства пастуха, скотовода, кочевника.

В нынешних условиях переход к оседлому образу жизни во всех отношениях является исторической необходимостью.

Современный уровень развития механизации сельского хозяйства, способ заготовки сена, зоотехническое обслуживание, ветеринарная помощь, создание агропромышленных комплексов позволяют содержать гораздо большее, чем при кочевом хозяйстве, количество скота, улучшать его породность, получать больше молока, мяса, шерсти и других продуктов животноводства.

Сейчас, в свете маевского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС ставится задача — довести в Казахстане к 1990 г.

среднегодовое производство мяса (в убойном весе) не менее чем до 1,4 миллиона, молока — до 5,4 миллиона тонн. Это при одновременном увеличении валового сбора зерна до 31,5 миллиона тонн. В условиях кочевого экстенсивного скотоводческого хозяйства это было немыслимо.

Переход к оседлому образу жизни избавил вчерашних кочевников-скотоводов от постоянных неудобств жизни, особенно в зимних условиях, позволил создать очаги культуры, благоустроенный быт. Социалистический строй способствовал ускоренному развитию по пути социального прогресса, позволил устранить былую культурно-экономическую отсталость.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 3.
2. *Маркс К.* Вынужденная эмиграция.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8.
3. *Маркс К.* Британское владычество в Индии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9.
4. *Маркс К.* История тайной дипломатии XVIII века. Лондон, 1899 (на англ. яз.).
5. *Маркс К.* Хронологические выписки.— Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 5.
6. *Маркс К.* Конспект книги Луиса Моргана «Древнее общество» — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. 9.
7. *Маркс К.* Введение: (Из экономических рукописей 1857—1858 гг.). — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12.
8. *Маркс К.* Наброски ответа на письмо В. И. Засулич.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19.
9. *Маркс К.* Капитал. Т. 1.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23.
10. *Маркс К.* Капитал. Т. 3, ч. 1.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 1.
11. *Маркс К.* Капитал. Т. 3, ч. 2.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. 2.
12. *Маркс К.*— Энгельсу Ф. 2 июня 1853 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28.
13. *Маркс К.*— Энгельсу Ф. 14 июня 1853 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 28.
14. *Маркс К.*— Энгельсу Ф. 5 марта 1856 года.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 29.
15. *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1.
16. *Энгельс Ф.* Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.
17. *Энгельс Ф.* Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу».— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.
18. *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20.

- 19 *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства — Маркс К, Энгельс Ф Соч, т. 21
20. *Энгельс Ф* — Марксу К. 6 июня 1853 года. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч, т. 28.
21. *Энгельс Ф* — Марксу К. 22 декабря 1882 года — Маркс К., Энгельс Ф Соч, т. 35
22. *Ленин В И* Развитие капитализма в России. — Полн собр. соч, т. 3.
23. *Ленин В. И.* О государстве — Полн собр соч, т. 39.
24. *Ленин В И.* О продовольственном налоге — Полн собр соч., т. 43
25. *Андропов Ю. В.* Выступление на встрече в ЦК КПСС с ветеранами партии — Правда, 1983, 16 августа.
26. *Абдиев В И.* Военная история древнего Египета. М, 1959, т. 2
27. *Абу Наср ибн-Мухаммед аль Фараби* Трактат о музыке. — Курьер Юнеско, 1973, июль.
- 28 *Абу-Райхан аль-Бируни* Собрание сведений для познания драгоценностей: (минералогия). Прал. «Удельные веса»/Пер. А. М. Беленицкого М, 1963
29. *Алексеев В* Предки тюркских народов — Наука и жизнь, 1971, № 5
30. *Алексеев В П.* В поисках предков: Антропология и история. М, 1972
- 31 *Алекторов А Е* Материалы для изучения страны, истории и быта киргизов Спб, 1892
- 32 *Али-Заде* Социально-экономическая и политическая история азербайджанов в XIII—XIV вв Баку, 1956.
33. *Алин В В.* Русь на богатырских заставах. — Вопросы истории, 1968, № 12
34. *Аль-Фараби.* Социально-этические трактаты. Алма-Ата, 1973.
35. *Аммиан Марцеллин* История — См: *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе — Вестник древней истории, 1949, № 3
- 36 *Андреанов Б. В* Древние оросительные системы Приаралья. М, 1969
37. *Антонов Н К* Лекции по тюркологии Якутск, 1976
- 38 *Аристов Н А* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Живая старина. Спб, 1896 Вып 3, 4.
- 39 *Аристотель* IX, 47; Вестник древней истории, 1947, № 2.
- 40 *Арриан.* Поход Александра Великого. — Вопросы древней истории, 1948, № 1.
- 41 *Арриан* Поход Александра/Пер. с древнегреч яз. М Е Сергеевко, М; Л, 1962, кн 4.
- 42 *Артамонов М. И.* Общественный строй скифов. — Вестник Ленинградского университета, 1947, № 9.
43. *Артамонов М. И.* Сокровища саков М, 1973.
- 44 *Археологический сборник* Л, 1961.
- 45 *Археологические исследования в Казахстане.* Алма-Ата, 1973.
- 46 *Археология СССР.* Степи Евразии в эпоху Средневековья. М, 1981.

- 47 *Ауэзов М* Времен связующая нить Алма-Ата, 1973
- 48 *Бартольд В В* Туркестан в эпоху монгольского нашествия — Соч М, 1963, т 1
- 49 *Бартольд В В* Улугбек и его время — Соч. М., 1965, т. 2, ч 2
- 50 *Бартольд В В* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893—1894 гг — Соч М, 1966, т 4.
- 51 *Бартольд В В* История турецко-монгольских народов — Соч, М., 1968, т 5
52. *Бартольд В В* Иран. Исторический очерк — Соч М., 1971, т 7
53. *Бартольд В В* Отчет о командировке в Туркестан М., 1973 т 8
- 54 а) *Бартольд В В* Туркестан в эпоху монгольского нашествия М., 1963, т 1, б) *Рашид ад дин* Сборник летописей М., Л., 1952, т 1, кн 2 в) *Тизенгаузен В Г* Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды Спб., 1884, т 1.
- 55 *Батырлар* Жыры Алматы, 1956.
- 56 *Бейсембиев К Б* Идеино-политические течения в Казахстане конца XIX — начала XX века Алма-Ата, 1961.
- 57 *Беллскаг Г* Потоверкы и хач ич Византийский император² — Чаука и религия, 1982, № 7
- 58 *Бернштам А Н* Социально-экономический строй орхоненейских тюрок VI—VIII веков М; Л, 1946
- 59 *Бернштам А Н* Очерки истории гуннов Л, 1951
- 60 *Бибиков С* Музыкально-хореографический ансамбль каменного века — Наука и жизнь, 1975 № 3
- 61 *Бичурич Н Я (Иакинф)* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена М; Л, 1950 т 1, т. 2; 1953 т 3
- 62 Известия государственной Академии истории материальной культуры М., Л., 1934, вып 91, Вопросы истории, 1968, № 12
- 63 *Большая советская энциклопедия*
- 64 *Брей Ф* Черноморье Одесса, 1880, т 1
- 65 *Броневский Г М* Записки о кыргиз кайсаках Средней Орды — Отечественные записки, 1830, ч 43
- 66 *Бэкон Ф* Новый Органон — Соч М 1978, т 2
- 67 *Вашланов Ч Ч* Собрание сочинений В 5 тт т Алма Ата 1951, т 1 1961 т 3
- 68 *Веселовский Н И* Черновые записки о кочевниках — ЦГАЛИ, ф 118, оп 1, д 388, т 3
- 69 *Вестник древней истории*
- 70 *Вестник императорского русского географического общества* за 1854 год Спб 1854 ч 10 кн 1
- 71 *Вечерняя Алма Ата*
- 72 *Вельяминов Зернов В В* Исследование о касымовских царях и царевичах Спб., 1863—1866, ч 2
- 73 *Владимирцов Б Я* Общественный строй монголов Монгольский кочевой феодализм Л, 1934
- 74 *Вокруг света*, 1977, № 1, с 62
- 75 *Всеобщая история искусства* М., 1960, т 2.

76. *Габдуллин М., Сыдыков Т.* Казак халқының батырлар жыры. Алматы, 1972.
77. *Гаджиева С. Ш.* Очерки истории семьи и брака у ногайцев XIX — начала XX в. М., 1979.
78. *Гафуров Б. Г.* Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
79. *Гафуров Б.* Абу Рейхан Мухаммед ибн-Ахмед аль-Бируни. — Курьер Юнеско, 1974, июль.
80. *Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972.
81. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов Спб., 1779, ч 2
82. *Гиппократ.* О воздухе, водах и местности.— Вестник древней истории, 1947, № 2
83. *Голубовский П.* Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.
84. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение, М.; Л., 1950.
85. *Григорьев Г. В.* Келесская степь в археологическом отношении. — Известия Академии наук Казахской ССР Серия археологическая, 1948, № 46, вып. 1.
86. *Гродеков Н. И.* Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. I. Юридический быт. Ташкент, 1889.
87. *Грязнов М. П.* Первый Пазырыкский курган. Л., 1950, 1.
88. *Грязнов М. П.* Древние памятники героического эпоса народов южной Сибири — Археологический сборник Л., 1961, № 3.
89. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1957.
90. *Гумилев Л. Н.* Хунну Срединная Азия в древние времена М., 1960.
91. *Гумилев Л. Н.* Хунны в Китае: Три века войны со степными народами III—VI вв. М., 1974.
92. *Дамасский Николай.* Свод старинных обычаев. — См. *Латышев В. В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе — Вестник древней истории, 1947, № 4.
93. *Джавахарлал Неру.* Взгляд на всемирную историю. М., 1975, т. 1.
94. *Дженкинсон А.* Путешествие в Среднюю Азию 1558—1560 гг.— В кн.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке/Пер с англ. яз Ю. В Готье Л., 1937
95. *Диваев А. А.* Мавзолей Кок-Кесене (историко-археологическая заметка). Протоколы туркестанского кружка любителей археологии (ПТКЛА); год 10-й Ташкент, 1905.
96. *Добролюбов Н. А.* Избранные философские сочинения. М., 1945, т. 1.
97. *Древняя культура Центрального Казахстана* Алма-Ата, 1966.
98. *Дробижев В. З., Ковальченко И. Д., Муравьев А. В.* Историческая география СССР. М., 1973.
99. *Дюмезиль Ж.* Осетинский эгос и мифология. М., 1976.
100. *Европеус Д. П.* Об угорском народе Спб., 1874.
101. *Еремеев Д. Е.* Проникновение тюркских племен в Малую Азию. М., 1964.
102. *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок. М., 1971.

103. *Еремеев Д. Е.* Кочевники в мировой истории.— Азия и Африка сегодня, 1978, № 1.

104. *Ефименко П.* Первобытное общество. Киев, 1953; *Анисимов А. Ф.* Духовная жизнь первобытного общества. М.; Л., 1966.

105. *Жанузаков Т.* Есімдер сыры. Тайны имен Алма-Ата, 1974.

106. *Жданко Т. А.* Номадизм в Средней Азии и Казахстане: (некоторые этнографические и исторические проблемы).— История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968.

107. *Жезқазған туы*, 1974, 2 март.

108. *Жирмунский В. М. Зарифов Х. Т.* Узбекский народный героический эпос. М., 1974

109. *Жозеф Санта-Кросс.* Книга царей: Эпическое сказание Ирана «Шах-Намэ». — Курьер Юнеско, 1971, октябрь

110. *Загряжский В. Г.* Быт кочевого населения долины Чу и Сыр-Дарьи — Туркестанские ведомости, 1874, № 32.

111. *Записки* императорского русского географического общества Спб., 1852, кн 6

112. *Записки* императорского археологического общества. Спб., 1858, т. 14

113. *Затаевич А. В.* 1000 песен киргизского народа: (напевы и мелодии) Оренбург, 1958.

114. *Затаевич А. В.* Исследования Воспоминания Письма и документы Алма-Ата, 1958

115. *Земледельческий журнал* Спб., 1832, № 8.

116. *Зиманов С.* Общественный строй казахов первой половины XIX века Алма-Ата, 1958.

117. *Златкин И. Я.* Концепция истории кочевых народов А Тойнби и историческая действительность — В кн Современная история стран зарубежного Востока М., 1971

118. *Златкин И. Я.* Основные закономерности развития феодализма у кочевых скотоводческих народов — См: Типы общественных отношений на Востоке в средние века М., 1982

119. *Знание — сила.*

120. *Известия.*

121. *Иордан О* готах. Кн. XXXV: Хрестоматия по истории средних веков М., 1953, т. 1.

122. *Искусство* Казахстана с древнейших времен до наших дней. М., Алма-Ата, 1973.

123. *История* Грузии. Тбилиси, 1962, т. 1.

124. *История* Казахской ССР с древнейших времен до наших дней В 5-ти т. Алма-Ата, 1977, т. 1.

125. *История* отечественной математики. В 4-х т. М., 1966, т. 1.

126. *История* Сибири. М.; Л., 1968, т. 1.

127. *История* Узбекской ССР. Ташкент, 1957, т. 1.

128. *Кадырбаев М. К.* Памятники Тасмолинской культуры: Древняя культура Центрального Казахстана, Алма-Ата, 1968.

129. *Қазақ әдебиеті*

130. *Қазақстан* мектебі.

131. *Қазақстанская* правда.

132. *Қазақ совет энциклопедиясы*

133. *Қазақ* фольклорының типологиясы Алматы: «Ғылым» баспасы, 1981.

134. *Казахский эпос*. Алма-Ата, 1958.
135. *Каллаур Б. А.* Древние города, крепости и курганы по р. Сыр-Дарье в Восточной части Перовека.— ПТКЛА, год 6-й. Ташкент, 1901.
136. *Каразин Н. Н.* В низовьях Аму: Путевые очерки.— *Вестник Европы*, 1875, т. 2.
137. *Каратаев М. М.* Эстетика казахского героического эпоса. Дис. ... канд. филос. наук. Алма-Ата, 1973.
138. *Каргалов В. В.* На степной границе. М., 1974.
139. *Кафаров П.* Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Спб., 1866, т. 4.
140. *Кедров Б. М., Розенфельд Б. А.* Абу Райхан Бируни: (к 1000-летию со дня рождения). М., 1973.
141. *Кичанов В. И.* Жизнь Тимучина, думавшего покорить мир. М., 1973.
142. *Книга Марко Поло*. М., 1955.
143. *Книга Большому Чертежу*. М.; Л., 1950.
144. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Минск, 1938, т. 1.
145. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
146. *Кожин П. М.* Гобийская квадрига.— *Советская археология*, 1968, № 3, рис. 3.
147. *Козин С. А.* Сокровенное сказание Юань-Чао-Би-Ши: Монгольская хроника. М.; Л., 1941, 1240, т. 1.
148. *Комсомольская правда*, 1981, 15 октября.
149. *Кононов А. Н.* Родословная туркмен: Сочинение Абулгазы-хана Хивинского. М.; Л., 1958.
150. *Конторини А.* Путешествие Амбросия Конторини, посла светлейшей Венецианской республики к знаменитому персидскому государю Узун-Хасану, совершенное в 1473 г./Пер. с итал. яз. В. Семенова.— В кн.: Библиотека избранных писателей о России. Спб., 1836, т. 1.
151. *Косарев М.* Что же это такое — миграция?— *Знание—сила*, 1974, № 10.
152. *Косвен М. О.* К вопросу о военной демократии.— *Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая*. Новая серия. М.; Л., 1960, т. 4.
153. *Краткий очерк истории философии*. М., 1960.
154. *Кунанбаев А.* Стихи. Поэмы. Проза. М., 1954.
155. *Курьер Юнеско*.
156. *Куфтин Б. А.* Киргиз-казахи. Культура и быт. М., 1926.
157. *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М., 1948.
158. *Кюннер Н. В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.
159. *Лебедев Н. К.* К вопросу о почвенно-сельскохозяйственных условиях Акмолинской области.— *Записки Западно-Сибирского РГО*. Омск, 1908, XXXIV.
160. *Левшин А.* Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей. Спб., 1832, ч. 3.
161. *Липпарт Ю.* История культуры. Спб., 1899.
162. *Литературная газета*.

163. *Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала минусинской котловины. М., 1975.
164. *Манас.* Героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968.
165. *Маргулан А. Х.* Археологические разведки в Центральном Казахстане.— Известия Академии наук Казахской ССР. Серия историческая, 1948, вып. 4.
166. *Маргулан А. Х.* Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.
167. *Маргулан А. Х.* Казахская юрта. Алма-Ата, 1981.
168. *Маргулан А. Х.* Ұлы тау төңрегіндегі тас мүсіндер.— Ежелгі мәдениет куәлері. Алматы, 1966.
169. *Маргулан А. Х.* Шокан және «Манас». Алматы, 1971.
170. *Маргулан А. Х.* Древний металлургический центр Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973.
171. *Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. Қ., Оразбаев А. М.* Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
172. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М., 1976.
173. *Марков Г. Е.* Кочевничество.— Большая советская энциклопедия. т. 13.
174. *Маркович Н.* Реки Полтавской губернии.— Записки императорского русского географического общества. Спб., 1856, кн. XI.
175. *Масальский В. И.* Туркестанский край. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Спб., 1913, т. 19.
176. *Материалы по истории Казахской ССР, 1785—1828.* М.; Л., 1940, т. 4.
177. *Материалы по истории киргизов и Киргизии.* М., 1973, вып. 1.
178. *Медоев А.* Радиальная система изготовления нуклеусов Леваллуа в древнем палеолите Сары-Арки и Мангышлака.— Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972.
179. *Мейендорф Г. К.* Путешествие из Оренбурга в Бухару. М., 1975.
180. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
181. *Монголо-ойротский героический эпос/Пер. Б. Я. Владимирцова.* Пг., 1923.
182. *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М., 1955.
183. *Морган Л. Г.* Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации: Пер. с англ. яз., изд. 2-е. Л., 1955.
184. *Мохаммед Салим-Агэзай.* Пионер научных наблюдений.— Курьер ЮНЕСКО, 1974, июль.
185. *Муканов М. С.* Казахские домашние художественные ремесла. Алма-Ата, 1966.
186. *Муканов М. С.* Казахские домашние народные ремесла. Алма-Ата, 1979.
187. *Муканов М. С.* Казахская юрта. Алма-Ата, 1981.
188. *Народное хозяйство Казахстана, 1931, № 5.*
189. *Нартские сказания.* Осетинский народный эпос. М., 1949.
190. *Наука и жизнь.*

- 191 *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М., 1975
- 192 *Обзор Семипалатинской области за 1910 год* Семипалатинск, 1912
- 193 *Оизерман Т. И.* Проблемы историко-философской науки М., 1982
- 194 *Оизерман Т. И., Окулов А. Ф.* Чему учит и кому служит современная буржуазная социология (по материалам IV Всемирного социологического конгресса) М., 1960
- 195 *Окладников А. П.* Новые петроглифы Прибайкалья и Забайкалья Новосибирск, 1980
- 196 *Окладников А.* Неолит Сибири и Дальнего Востока. Каменный век на территории СССР М., 1970
197. *Оренбургский листок*, 1880
- 198 *Өтениязов С.* Едил батыр туралы Білім және еңбек, 1981, № 6
- 199 *Отрошенко В., Пустовалов С.* Портреты прошлого — Знание—сила, 1982, № 10.
- 200 *Очерк истории туркменского народа в XIII—XIX вв.* Ашхабад, 1954
- 201 *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства Спб., 1773, ч. 1.
- 202 *Памятник русской литературы XII и XIII веков* Спб., 1872
- 203 *Первобытная периферия классовых обществ до начала великих географических открытий* М., 1978
- 204 *Петрушевский И. П.* Иран и Азербайджан под властью Хулагидов (1256—1356) — В кн. Татарио-монголы в Азии и Европе М.; Л., 1970
- 205 *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1967.
- 206 *Плетнева С. А.* Исчезнувшие народы Половцы — Природа, 1977 № 2
207. *Плетнева С. А.* Исчезнувшие народы Хазары — Природа, 1980 № 1
- 208 *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья М., 1982
- 209 *Плетнева С. А.* Исчезнувшие народы Печенеги — Природа, 1983, № 7
- 210 *Плано Карпини* История монгалов *Вильгельм Рубрук* Путешествие в Восточные страны Спб., 1911
- 211 а) *Плано Карпини* История монгалов — Вильгельм Рубрук Путешествие в Восточные страны б) *Археологические исследования в Казахстане* Алма-Ата 1973 в) *Бартольд В. В.* Соч. М., 1966, т. 4 г) *Тизенгаузен В. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды Спб., 1884 т. 1
- 212 *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии Спб., 1883 вып. 1—4
- 213 *Потанин Г. Н.* Сказание о предке коров Зенги баба, предке лошадей — Джикиши ата верблюдов — ойсыл кара, овец — Чопан-ата — Записки Западно-Сибирского отделения РГО. Омск, 1888, кн. X
- 214 *Порудоманский В.* Даль М., 1971.
- 215 *Полиен* Стратегемы/Пер с греч Дм Паппадопуло Спб., 1842
- 216 *Плутарх* Изречение царей и полководцев — Вестник древней истории, 1947, № 4.

217. *Полное собрание русских летописей*. Спб., 1841. Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи.
218. *Полное собрание русских летописей*. М., 1962. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962.
219. *Полное собрание русских летописей*. М., 1965. Т. 9. Патриаршая или Николонская летопись.
220. *Полное собрание сочинений В. Даля (Казака Луганского)*. Спб.; М., 1898.
221. *Приск. Римское посольство к Аттиле*. Спб., 1848; *Вопросы истории*, 1968, № 12.
222. *Правда*.
223. *Природа*.
224. *Пропп В. Я. Русский героический эпос*. М., 1955.
225. *Простор*.
226. *XV лет Киргизской ССР*. Фрунзе, 1941.
227. *Прошлое Казахстана по археологическим источникам*. Алма-Ата, 1976.
228. *Радлов В. В. Сибирские древности*. Спб., 1888, т. 1, вып. 1.
229. *Рашид ад-дин*. Сборник летописей. М.; Л., 1952, т. 1, кн. 1.
230. *Революция и национальности*.
231. *Революционный Восток*.
232. *Реза Ф. Великое наследие Ирана*.— *Курьер Юнеско*, 1973, январь.
233. *Реклю Э. Человек и земля. Древняя история*. Спб., 1866, т. 1.
234. *Розенберг Ф. А. О согдийцах*.— *Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее*. РОС АН. Л., 1925, т. 1.
235. *Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма*. Пг., 1918.
236. *Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время*. М.; Л., 1953.
237. *Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время*. М., 1960.
238. *Руденко С. И. Искусство Алтая и Передней Азии: (середина I тысячелетия до н. э.)*. М., 1961.
239. *Руденко С. И. Сибирские коллекции Петра I*. М.; Л., 1962.
240. *Рыбаков Б. А. Русь и Хазария*.— В кн.: *Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия*. М., 1952.
241. *Рыбаков Б. Колыбель отечественной государственности*.— *Коммунист*, 1982, № 7.
242. *Рычков Н. П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 г.* Спб., 1772.
243. *Рычков Н. П. Топография оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии*. Спб., 1762, ч. 1.
244. *Сатпаева Ш. К. Казахская литература и Восток*. Алма-Ата, 1982.
245. *Сахель. Покинутая земля*.— *Курьер Юнеско*, 1975, май.
246. *Селешников С. Н. История календаря и хронология*. М., 1972.
247. *Семенов А. А. Уникальный памятник агнографической среднеазиатской литературы XVI в.*— *Известия Узбекского филиала АН СССР*, 1940, № 12.
248. *Смирнов Я. И. Восточное серебро*. Спб., 1909.

249. *Советское государство.*
250. *Советская этнография.*
251. *Социалистик Казакстан.*
252. *Срезневский И.* Следы древнего знакомства русских с Южной Азией. Девятый век.— Вестник императорского русского географического общества за 1854 год. Спб., 1854, ч. 10, кн. 1.
253. *Ставинский Б. Я.* Средняя Азия, Индия, Рим: (к вопросу о международных связях в Кушанский период). Индия в древности. М., 1964.
254. *Страбон.* География в 17-ти книгах. Л., 1964.
255. *Стучевский И. А.* Аттила.— Вопросы истории, 1968, № 12.
256. *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну: (по китайским источникам) М., 1968, вып. 1, М., 1973, вып. 2
257. *Татаро-монголы в Азии и Европе.* М., 1970.
258. *Тереножкин А. И.* К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии.— Вестник древней истории, 1938, № 1.
259. *Тизенгаузен Т. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Спб., 1884, т. 1.
260. *Тизенгаузен Т. Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., т. 2.
261. *Типы общественных отношений на Востоке в средние века.* М., 1982.
262. *Тихвинский С. Д.* Татаро-монгольские завоевания в Азии и Европе — Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
263. *Толыбеков С. Е.* Кочевое общество казахов в XVII — начале XX века. Алма-Ата, 1971.
264. *Толыбеков С. Е.* Общественно-экономический строй казахов в XVII—XIX вв. Алма-Ата, 1959.
265. *Толыбеков С. Е.* О патриархально-феодалных отношениях у кочевых народов.— Вопросы истории, 1955, № 1.
266. *Толстов С. П.* Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах.— Известия государственной Академии истории материальной культуры (ИГАИМК) М.; Л., 1934, вып. 103.
267. *Толстов С. П.* Основные вопросы древней истории Средней Азии.— Вестник древней истории, 1938, № 1.
268. *Толстов С. П.* Основные итоги и очередные задачи изучения истории и археологии Каракалпакки и каракалпаков.— Бюллетень АН УзССР, 1945, № 9—10.
269. *Толстов С. П.* Города: (историко-этнографические этюды). — Советская этнография, 1947, № 3.
270. *Турсунов Е. Д.* Тюрко-монгольские версии сказания об ослеплении циклопа.— Советская тюркология, 1975, № 3.
271. *Турсунов Е. Д.* Генезис казахской бытовой сказки. Алма-Ата, 1973.
272. *Умняков И. И.* Международные отношения в Средней Азии в начале XVI века: Сношения Тимура с Византией и Францией.— Труды Узбекского Государственного университета. Самарканд, 1956.
273. *Ученые записки императорской Академии наук по первому и третьему отделениям.* Спб., 1854, т. 2
274. *Фань-Вань-Лань.* Древняя история Китая. От первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. М., 1958.

275. *Федосеев П.* Теоретические проблемы развития и сближения наций. — Коммунист, 1980, № 1.
276. *Фирдоуси.* Шах Намэ. М., 1965, т. 1.
277. *Хазанов А. М.* О периодизации истории кочевников европейских степей. — В кн.: Проблемы этнографии Востока. М., 1973.
278. *Хазанов А. М.* Социальная история скифов. М., 1975.
279. *Хазанов А. М.* Судьбы огузов. — Знание — сила, 1975, № 1.
280. *Хазанов А. М.* Исчезнувшие народы: Сарматы. — Природа, 1978, № 11.
281. *Харузин А. Н.* Киргизы Букеевской орды: Антропологические очерки. М., 1883, вып. 1.
282. *Хозяйство казахов на рубеже XIX—XX веков.* Алма-Ата, 1980.
283. *Хрестоматия по истории древнего мира/Под ред. акад. В. В. Струве.* М., 1951, т. 2.
284. *Хрестоматия по истории средних веков.* М., 1953, т. 1.
285. *Цыбульский В. В.* Календари и хронология стран мира. М., 1982.
286. *Чернышевский Н. Г.* Избранные экономические произведения. М., 1948, т. 3, ч. 1.
287. *Чернышевский Н. Г.* Избранные философские сочинения. М., 1951, т. 3.
288. *Черников С. С.* Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. — Краткие сообщения Института истории материальной культуры (КСИИМК). М., 1953, вып. 58.
289. *Чихачев П.* Путешествие в Восточный Алтай. М., 1974.
290. *Членов А.* Нужно ли искать прообразы былинных героев? — Дружба народов, 1977, № 3; *Он же.* На родине Добрыни Никитича. — Дружба народов, 1975, № 8; *Селезнев Ю.* Подвижники народной культуры. — Молодая гвардия, 1976, № 11.
291. *Чулошников А. П.* Очерки по истории казах-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Оренбург, 1924, ч. 1.
292. *Чупелов В. А.* Дневник путешествий по Средней Азии. М., 1924.
293. *Шаумян М. Х.* От кочевья к социализму. М., 1965; *Байбулатов Б.* От кочевья к социализму. Фрунзе, 1969.
294. *Швецов С. П.* Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Изд-во Народного комиссариата земледелия КазССР, 1926.
295. *Шелов Д. Б.* Исчезнувшие народы. Скифы. — Природа, 1977, № 3.
296. *Шостакович Д.* Национальные традиции в музыке. — Курьер ЮНЕСКО, 1973, июль.
297. *Щербина Ф.* Киргизская народность в местах крестьянских поселений. Спб., 1905.
298. *Эрдели И.* Исчезнувшие народы. Авары. — Природа, 1982, № 11.
299. *Юстин.* Эпитома сочинения Помпея Трога/Пер. А. А. Деконского и М. И. Рижского. Под ред. М. Г. Грабарь-Пассек. — Вестник древней истории, 1954, № 2.

300. *Юсуф Хаджиб Баласагунский*. Наука быть счастливым. М., 1971.
301. *Юсуф Хас Хаджиб*. Кутадгу Билиг. Ташкент, 1971.
302. *Ядринцев М. Н.* Начало оседлости.— Сибирский сборник. Спб., 1885.
303. *Якубовский А. Ю.* Развалины Сигнака.— Известия государственной Академии истории материальной культуры (ИГАИМК). Л., 1929, т. 2.
304. *Якубовский А. Ю.* Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X—XV вв.— Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. М., 1932, т. 1.
305. *Янушкевич А.* Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Алма-Ата, 1966.
306. *Яншин В. Л.* Денежно-весовая система русского средневековья. М., 1956.
307. *Aron R.* Democratie et totalitarisme. Paris, 1965.
308. *Conolly V.* Beyond the Urals. Economic development in Soviet Asia. London, 1966
309. *Fischer H. A.* A Weltgeschichte Zentralasien Frankfurt am Maine, 1966, S. 16.
310. *Fisher H. A. L.* A History of Europe. L., 1937.
311. *Grunort H., König W.* Die Nomadenviehzucht als, Wirtschaftlichkultureller Typ. Bericht vom 3. Eaz-Kolloquium. Leipzig, 1973. — Eas. Ethnogr. — Archäol. Zeitschrift». Berlin, DDR, 1974, Jg 15. Hf. 15.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Предисловие	5
Глава 1	
Возникновение кочевого общества	16
Кочевое общество как явление	—
Древняя Русь и половцы	33
Кочевое скотоводство как хозяйственно-культурный тип	43
Глава 2	
Естественно-географические условия существования и развития кочевого скотоводческого хозяйства	59
Закономерности миграции кочевников-скотоводов	—
Взаимосвязь кочевого и оседлого хозяйства	74
Глава 3	
Апогей кочевого общества	89
Глава 4	
Экономические причины развития кочевого скотоводства	115
Мировые торговые пути и кочевое общество	—
Средняя Азия — своеобразное торговое звено	129
Глава 5	
Общественно-политический строй кочевников-скотоводов	143
Глава 6	
Культура кочевников	173
Материальная культура	—
Духовная культура	183
Глава 7	
Упадок кочевого общества	200
Причина угасания кочевого скотоводства	—
Неизбежность перехода от кочевого образа жизни к оседлому	209
Заключение	217
Литература	221

Досмухамед Кшибеков

КОЧЕВОЕ ОБЩЕСТВО ГЕНЕЗИС, РАЗВИТИЕ, УПАДОК

*Утверждено к печати Ученым советом Института философии и права
Академии наук Казахской ССР*

Зав редакцией *А А Сулацков*
Редактор *Т. П. Казанникова*
Художественный редактор *А Б Мальцев*
Оформление художника *Е. С Гилева*
Технический редактор *В К Горячкина*
Корректор *Т П Нежданова*

ИБ № 1230

Сдано в набор 3 01 84 Подписано в печать 3 08 84 УГ10121.
Формат 84×108^{1/32} Бум тип № 1 Литературная гарнитура.
Высокая печать Усл п л 12,6 Уч изд л 13 Тираж 1700.
Заказ 46 Цена 1 р 90 к

Издательство «Наука» Казахской ССР.
480100, г. Алма-Ата, Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР.
480021, г. Алма-Ата, Шевченко, 28

НОВЫЕ КНИГИ

издательства «Наука» Казахской ССР
1984 год

Социальные, этические и эстетические взгляды аль-Фараби/Под ред. Ж. М. Абдильдина. 10 л. 1 р. 20 к.

В книге анализируется социальная философия аль-Фараби, его этические и эстетические взгляды. Авторы вводят в научный оборот новые источники, сопоставляют воззрения аль-Фараби со взглядами Платона, Аристотеля и других мыслителей прошлого. Этические взгляды аль-Фараби рассматриваются с позиции преемственности в развитии этики, раскрывается концепция мыслителя об интеллектуальном и гражданском счастье. Эстетические его воззрения анализируются как синтез прогрессивных идей Запада и Востока. Мысли аль-Фараби об эстетическом освоении действительности, учение о подражании, красноречии и прекрасном рассматриваются преимущественно через идеи «Большого трактата музыки» и трудов о поэзии. В монографии раскрывается также критика, которой он подверг идеалистическое пифагорейское понимание сущности гармонии

Книга предназначена для научных работников, преподавателей и для широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории философии.

Несостоятельность буржуазных фальсификаций национальных отношений в республиках Советского Востока/Под ред Б А Амантаева 10 л 1 р 20 к

В книге критикуются методологические основы буржуазных концепций нации, национальных отношений и взаимодействия национальных культур, вскрываются антимарксистские извращения сущности пролетарского интернационализма

Раскрывая теоретические проблемы социалистического развития народов Средней Азии и Казахстана, авторы подчеркивают несостоятельность буржуазной фальсификации строительства социализма в СССР. Поставленные проблемы рассматриваются сквозь призму

решения национального вопроса — достижения фактического равенства, сближения наций, взаимообогащения национальных культур и т. д.

Книга рассчитана на научных и партийных работников, пропагандистов, преподавателей, аспирантов.

Цены указаны ориентировочно.

Заказы можно направлять по адресу *480091, г. Алма-Ата, ул. Фурманова, № 91/97, Казахская контора «Академкнига».*

480015, г. Алма-Ата, ул. Жарокова, № 154 а, магазин «Книга - почтой».